М. Туганъ-Барановскій

Теоретическія основы марксизма

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

редакціи журнала „Міръ Божій“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1906

058
45

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ . . . . . III—IV

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Матеріалистическое пониманіе исторіи.

ГЛАВА I. **Основныя идеи матеріалистическаго пониманія исторіи** 3

I. Понятіе производительной силы.
II. Матеріальные факторы хозяйства.
III. Ученіе о классовой борьбѣ.

ГЛАВА II. **Психологическія предпосылки матеріалистическаго пониманія исторіи** 32

ГЛАВА III. **Потребности, какъ движущія силы соціальнаго развитія** 40

I. Физіологическія потребности самосохраненія и чувственнаго наслажденія
II. Половое влеченіе.
III. Симпатическія влеченія.
IV. Эгоальтруистическія влеченія.
V. Влеченія, не основанныя на практическомъ интересѣ.

ГЛАВА IV. **Хозяйство и общественная жизнь** 72

I. Понятіе хозяйства.
II. Хозяйство, какъ основа всякой иной дѣятельности.
III. Хозяйство, какъ важнѣйшее занятіе большинства населенія.
IV. Матеріальный моментъ хозяйства.
V. Сознаніе и общественное бытіе.

ГЛАВА V. **Общественный классъ и классовая борьба** 100

I. Побудительные мотивы къ соціальной борьбѣ . . . . .
II. Классовая точка зрѣнія въ различныхъ областяхъ духовной дѣятельности.
III. Классовая борьба и общественное движеніе новаго времени.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Цѣнность и прибавочная цѣнность.

СТР.

ГЛАВА VI. **Цѣнность и стоимость** 125

I. Ученіе о цѣнности Маркса.
II. Ученіе объ абсолютной и относительной стоимости.
III. Ученіе о цѣнности.

ГЛАВА VII. **Прибавочная цѣнность** 159

I. Теорія прибыли Маркса.
II. Общественный процентъ прибыли и строеніе общественнаго капитала въ разныхъ отрасляхъ производства.
III. Движеніе общественнаго процента прибыли.
IV. Прибавочная цѣнность и прибыль.

ГЛАВА VIII. **Прибавочный трудъ и нетрудовой доходъ.** . . . 181

I. Прибавочный трудъ.
II. Соціальная основа нетрудового дохода.
III. Условія, опредѣляющія высоту дохода, не основаннаго на трудѣ.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Крушеніе капиталистическаго строя.

ГЛАВА IX. **Крушеніе капиталистическаго строя** 201

I. Теорія недостатка рынка для капиталистической промышленности.
II. Заключеніе.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Появленіе новой книги, посвященной критикѣ марксизма, нуждается, быть можетъ, въ извѣстномъ оправданіи. Публика, повидимому, утомлена безконечнымъ споромъ «ортодоксальныхъ» марксистовъ и «ревизіонистовъ», въ которомъ приняли самое горячее участіе и буржуазные экономисты, не принадлежащіе ни къ одной изъ этихъ партій. Тѣмъ не менѣе, критика марксизма не можетъ прекратиться до тѣхъ поръ, пока названный споръ не получитъ окончательнаго разрѣшенія, такъ какъ марксизмъ представляетъ собой слишкомъ важное явленіе, и какъ научная теорія, и какъ соціальное движеніе, чтобы не стоять въ центрѣ научнаго изслѣдованія нашего времени. Вотъ почему «современная полемическая литература есть литература о Марксѣ», какъ недавно выразился одинъ выдающійся теоретикъ и вмѣстѣ противникъ марксизма.

Впрочемъ, настоящая книга далеко не преслѣдуетъ цѣли простой полемики; критикуя Маркса, я стремился придать своей критикѣ не только отрицательный, но и положительный характеръ. Моя критика не направлена противъ Маркса, какъ представителя опредѣленныхъ соціальныхъ идеаловъ; наоборотъ, высказываясь противъ даннаго авторомъ «Капитала» обоснованія этихъ идеаловъ, я хотѣлъ бы лишь содѣйствовать ихъ лучшему и болѣе прочному обоснованію.

При выборѣ отдѣльныхъ ученій Маркса, разсматриваемыхъ въ этой книгѣ, я руководствовался слѣдующимъ соображеніемъ. Поскольку система Маркса не есть система соціальной политики, въ ней слѣдуетъ различать абстрактную соціальную и экономическую теорію и изслѣдованіе конкретной исторіи и конкретныхъ тенденцій развитія капитализма. Точно также, и критика обѣихъ частей системы Маркса не можетъ не имѣть различнаго характера: критика абстрактной части марксизма должна исходить изъ общихъ экономическихъ и соціологическихъ соображеній, между тѣмъ какъ оцѣнка историческихъ построеній Маркса невозможна безъ изслѣдованія конкретной исторіи капитализма. Въ этой работѣ подвергается критическому разсмотрѣнію лишь первая, общая часть системы Маркса.

20-го февраля 1905 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Въ третьемъ изданіи сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и исправленія редакціоннаго свойства и значительныя дополненія въ главѣ VI.

М. Туганъ-Барановскій.

12-го апрѣля 1906 г.
С.-Петербургъ.

ОТДѢЛЪ I.

МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНІЕ ИСТОРІИ.

ГЛАВА I.

Основныя идеи матеріалистическаго пониманія исторіи.

I. *Понятіе производительной силы.* Различіе матеріалистическаго и идеалистическаго пониманія исторіи. Идеологическія силы. Наука. Матеріальныя условія соціальнаго развитія.—II. *Матеріальные факторы хозяйства, какъ производительныя силы.* Соціальная и матеріальная сторона хозяйства. Производство и обмѣнъ. Распредѣленіе. Матеріальная основа хозяйства. Раса, какъ экономическій факторъ.—III. *Ученіе о классовой борьбѣ.* Возникающій классъ и конституированный классъ. Основа классовыхъ антагонизмовъ. Классовое сознаніе и классовые интересы. Классовая борьба.

Матеріалистическое пониманіе исторіи принадлежитъ къ числу тѣхъ научныхъ построеній, критическая оцѣнка которыхъ неизбѣжно должна начинаться съ установленія ихъ точнаго смысла и содержанія. Никакая иная историко-философская доктрина не вызвала въ новѣйшее время столь обширной критической литературы и не явилась, вмѣстѣ съ тѣмъ, поводомъ къ столь крупнымъ недоразумѣніямъ. Почти каждый критикъ или популяризаторъ знаменитой теоріи толкуетъ ее по-своему, что объясняется, прежде всего, формальными недостатками изложенія теоріи со стороны ея творцевъ, всего менѣе заботившихся о точной формулировкѣ своихъ взглядовъ. При такомъ положеніи дѣла критикъ поставленъ въ необходимость на свой собственный страхъ и рискъ дать эту формулировку и, такимъ образомъ, пріобрѣсть прочную основу для своей дальнѣйшей критической работы.

I.

Извѣстно, какую выдающуюся роль въ историко-философскихъ воззрѣніяхъ Маркса играетъ понятіе производительной силы. Все соціальное развитіе, въ его огромной

сложности, основывается, по мнѣнію Маркса, на развитіи производительныхъ силъ, или, какъ иногда выражается авторъ «Капитала», *матеріальныхъ* производительныхъ силъ. Но ни въ сочиненіяхъ Маркса, ни въ сочиненіяхъ Энгельса мы не встрѣчаемъ точнаго опредѣленія понятія производительной силы. Даже болѣе—не подлежитъ сомнѣнію, что Марксъ употреблялъ этотъ терминъ въ различныхъ и даже противорѣчивыхъ значеніяхъ. Иногда Марксъ понимаетъ подъ производительными силами средства производства и обмѣна, иногда же нѣчто несравненно менѣе опредѣленное и болѣе обширное. Такъ, мы узнаемъ изъ его полемической книги о Прудонѣ, что «изъ всѣхъ производительныхъ силъ самъ революціонный классъ является величайшей производительной силой» [1]). Авторъ, очевидно, разумѣетъ въ данномъ случаѣ подъ производительной силой все то, что такъ или иначе содѣйствуетъ успѣхамъ производства: только въ этомъ смыслѣ можно называть производительной силой общественный классъ. Въ томъ же смыслѣ Марксъ часто говоритъ о «производительной силѣ труда», какъ о понятіи, равнозначущемъ производительности труда.

Но если понятіе производительной силы расширить до такой степени, то исчезнетъ всякое различіе между матеріалистической историко-философской теоріей Маркса и обычнымъ «идеологическимъ» или идеалистическимъ пониманіемъ исторіи. Что не является въ этомъ смыслѣ производительной силой? Религія, мораль, наука, государственный строй, право и многое другое оказываетъ, безспорно, весьма значительное вліяніе на общественное производство и, слѣдовательно, должно быть признано производительной силой. Если же мы будемъ называть производительными силами даже общественныя группы, то историческій матеріализмъ превратится въ простую тавтологію, въ невинное утвержденіе, что соціальное развитіе опредѣляется развитіемъ общественныхъ группъ.

Конечно, Марксъ хотѣлъ сказать нѣчто совершенно иное, установивъ въ первый разъ въ своей книгѣ о Прудонѣ то положеніе, что «съ пріобрѣтеніемъ новыхъ про-

---

[1]) Marx.„ Das Elend der Philosophie“. Перев. Бернштейна и Каутскаго 1885. Стр. 181.

изводительныхъ силъ люди измѣняютъ свой способъ производства, а съ измѣненіемъ способа производства, пріемовъ пріобрѣтенія средствъ къ жизни, люди измѣняютъ всѣ свои общественныя отношенія» [1]). Конечно, было бы грубѣйшимъ искаженіемъ мысли Маркса понять ее такъ, что пріобрѣтеніе новыхъ знаній, успѣхи науки, составляютъ движущую силу историческаго развитія человѣчества. Самое существенное въ историческомъ матеріализмѣ было бы при такомъ толкованіи устранено и данная Марксомъ теорія соціальнаго развитія, имѣющая, во всякомъ случаѣ, опредѣленное содержаніе, потеряла бы всякое отличіе отъ обычнаго «идеологическаго» пониманія исторіи. «Люди привыкли признавать умъ, развитіе и дѣятельность мозга единственной движущей силой быстраго прогресса цивилизаціи,—говоритъ Энгельсъ,—они привыкли объяснять свою дѣятельность своимъ мышленіемъ, а не своими потребностями (проходящими, разумѣется, черезъ голову, черезъ сознаніе)—и такимъ образомъ возникло, съ теченіемъ времени, то идеалистическое міровоззрѣніе, которое владѣетъ умами со времени паденія древняго міра» [2]). Въ предисловіи къ «Zur Kritik der politischen Oekonomie» Марксъ формулировалъ основную идею своей философіи исторіи въ извѣстной фразѣ, что «не сознаніе опредѣляетъ общественное бытіе людей, а, наоборотъ, общественное бытіе людей опредѣляетъ ихъ сознаніе».

Но развѣ не является такимъ искаженіемъ мысли Маркса утвержденіе Каутскаго, самаго выдающагося представителя современнаго марксизма, что «состояніе математики точно такъ же принадлежитъ къ экономическимъ условіямъ существующаго общества, какъ и состояніе машинной техники или міровой торговли?» [3]). Вмѣстѣ съ математикой Каутскій относитъ къ экономическимъ силамъ химію и вообще естественныя науки, на томъ простомъ основаніи, что математика, какъ и естествознаніе, вліяетъ на состояніе хозяйства. Совершенно съ такимъже правомъ Каутскій могъ бы признать

---

[1]) Тамъ-же, стр. 101.

[2]) Engels. „Der Anteil der Arbeit an der Menschwerdung des Affen". Die Neue Zeit. XIV. T. II. Стр. 551.

[3]) Kautsky. „Was will und kann die materialistische Geschichtsauffasung leisten?" Die Neue Zeit. XV. T. I. Стр. 234.

государство и вообще всякую идеологію «экономическимъ условіемъ существующаго общества», такъ какъ не подлежитъ спору, что «идеологическія» силы оказываютъ большое вліяніе на состояніе хозяйства. Такимъ образомъ, можно было бы, какъ сказано, уничтожить всякое различіе между матеріалистическимъ и идеалистическимъ пониманіемъ исторіи.

Впрочемъ, можно думать, что и самъ Марксъ не былъ чуждъ ошибокъ подобнаго рода. Въ своей книгѣ «Die Heilige Familie» онъ уже вполнѣ овладѣлъ своей новой историкофилософской доктриной. И, однако, въ этой книгѣ мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе: «или думаетъ критическая критика, что она сдѣлала хотя бы первый шагъ въ познаніи существующаго, пока она исключаетъ изъ историческаго движенія теоретическое и практическое отношеніе людей къ природѣ, естествознаніе и промышленность?» [1]).

Такимъ образомъ, естествознаніе и промышленость— вотъ двѣ движущія силы исторіи. Этотъ дуализмъ очень напоминаетъ историческую философію Сенъ-Симона, который точно также усматривалъ въ наукѣ и промышленности два основанія общественнаго строя. Но историческій матеріализмъ представляетъ изъ себя монистическое построеніе и признаетъ практику жизни, а не теоретическое мышленіе, рѣшающей соціальной силой. Если считать естествознаніе самостоятельной силой рядомъ съ промышленностью, то почему не признать таковой и философію, исторія которой такъ тѣсно связана съ наукой? Что же останется, въ такомъ случаѣ, отъ знаменитаго тезиса Маркса относительно сознанія и общественнаго бытія?

Съ точки зрѣнія историческаго матеріализма естествознаніе, какъ и теоретическое мышленіе вообще, есть продуктъ, и не причина историческаго развитія. Какъ бы то ни было, нельзя не признать крайне характерной такую неясность основныхъ идей матеріалистическаго пониманія исторіи. Шаткость и расплывчатость понятія производительной силы подвергаетъ эту теорію опасности утратить какой бы то ни было опредѣленный смыслъ.

Правда, то же обстоятельство, говоря мимоходомъ, ока-

[1]) Gesammelte Schriften von Marx und Engels. T. II. 1902. Стр. 259.

зало большую услугу инымъ марксистамъ, давъ имъ возможность называть производительной силой все, что угодно, и такимъ образомъ, легко преодолѣвать всѣ трудности, сопряженныя съ матеріалистическимъ объясненіемъ историческихъ фактовъ. Таинственныя производительныя силы играютъ въ работахъ многихъ изъ марксистовъ такую же роль, какъ жизненная сила въ трудахъ старинныхъ физіологовъ—все объясняется этими силами, но что такое представляютъ собой онѣ сами—объ этомъ умалчивается.

Въ «Манифестѣ» и въ другихъ своихъ работахъ Марксъ даетъ понять, что производительныя силы не что иное, какъ средства производства и обмѣна. Этимъ можно было бы удовлетвориться, если бы само понятіе средствъ производства и обмѣна не вызывало новыхъ недоразумѣній. Подъ средствами производства обыкновенно понимаютъ орудія производства, сырой и вспомогательный матеріалъ, но отнюдь не естественныя условія производства, какъ, напр., климатъ, географическое положеніе страны и т. д. Но внѣшняя природа безспорно образуетъ собой производительную силу въ смыслѣ Маркса, на что опредѣленно указываетъ и Энгельсъ [1]).

Отождествленіе понятій производительной силы и средствъпроизводства и обмѣна наталкивается на трудности и другого рода. Такъ, Энгельсъ называетъ «раздѣленіе труда и соединеніе многихъ частичныхъ работниковъ въ одной мануфактурѣ» [2]) новой производительной силой, приведенной въ движеніе буржуазіей. Отсюда слѣдуетъ, что пріобрѣтеніе новыхъ производительныхъ силъ далеко не равнозначуще введенію новыхъ орудій труда, ибо мануфактура мало отличается въ этомъ отношеніи отъ ремесла. Правда, самъ Марксъ далъ поводъ придавать матеріалистическому пониманію исторіи такой смыслъ, какъ будто бы, согласно этому воззрѣнію, изобрѣтеніе и введеніе въ производство новыхъ орудій труда составляетъ единственную движущую силу исторіи [3]). Признаніемъ мануфактуры

[1]) Письмо Энгельса къ Штаркенбургу „Documente des Socialismus". 1902 г. Т. II. Стр. 73.

[2]) Engels. „Ludwig Feuerbach". 2 изд. 1895. Стр 48.

[3]) Такъ, напр., Келлесъ-Краусъ говоритъ, что, съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, способъ производства опредѣляется „инстру-

новой производительной силой Энгельсъ доказываетъ, однако, что такое толкованіе не соотвѣтствуетъ духу данной доктрины. Это признаетъ и Марксъ, замѣчая, что, «и при неизмѣнномъ способѣ труда одновременное употребленіе на работу большаго числа рабочихъ составляетъ революцію въ матеріальныхъ условіяхъ рабочаго процесса» [1]). Производство можетъ, слѣдовательно, испытать революцію безъ всякой перемѣны орудій труда; или, говоря иными словами, развитіе производительныхъ силъ можетъ совершаться на основѣ неизмѣняющихся орудій труда.

Впрочемъ, вполнѣ очевидно, что введеніе новыхъ орудій труда никоимъ образомъ не можетъ быть признано господствующей силой соціальнаго развитія. Только въ новѣйшее время техническія изобрѣтенія быстро слѣдуютъ одно за другимъ, между тѣмъ какъ раньше проходило много столѣтій безъ существенныхъ перемѣнъ въ орудіяхъ труда, что, однако, не препятствовало поступательному ходу исторіи. Превращеніе ремесла въ мануфактуру, соединеніе прежнихъ многихъ мелкихъ производителей въ одномъ рабочемъ помѣщеніи подъ руководствомъ капиталиста было чрезвычайно важнымъ шагомъ экономическаго и вмѣстѣ соціальнаго прогресса. Но распространеніе мануфактуры нельзя ставить въ связь съ какимъ бы то ни было техническимъ изобрѣтеніемъ. Среди всѣхъ формъ промышленныхъ предпріятій есть только одна—фабрика—характеристическимъ признакомъ которой является родъ употребляемыхъ орудій труда. Возникновеніе ремесла изъ семейнаго производства, распространеніе капиталистической домашней промышленности—это тысячелѣтнее промышленное развитіе—не находилось ни въ какой связи съ техническими изобрѣтеніями.

«Ничего не можетъ быть неосновательнѣе,—замѣчаетъ совершенно вѣрно Карлъ Бюхеръ,—тѣхъ ученыхъ построеній, которыя пріурочиваютъ новыя культурныя эпохи къ возникновенію гончарнаго производства или изготовленія

ментами производства, характеромъ орудій труда". См. Kelles-Krauz. „Was ist der ökonomische Materialismus?" Die Neue Zeit. XIX. T. II. Стр. 652. Также и по мнѣнію Каутскаго, „экономическое развитіе есть въ послѣдней инстанціи не что иное, какъ развитіе техники, послѣдовательный рядъ изобрѣтеній и открытій". Die Neue Zeit. XV T. I. Стр. 231.

[1]) „Das Kapital". T I. Изд. 4. Стр. 288.

желѣза, изобрѣтенію плуга или ручной мельницы. Народы, умѣющіе превосходно изготовлять изъ желѣза топоры и даже трубы, пользуются еще и теперь деревянными копьями и стрѣлами и обрабатываютъ землю доревянными орудіями, хотя у нихъ нѣтъ недостатка въ быкахъ, которые могли бы тащить плугъ» [1]). Это нисколько не опровергаетъ матеріалистическаго пониманія исторіи, но опровергаетъ то толкованіе этой теоріи, согласно которому исторію движутъ техническія изобрѣтенія.

II.

Между тѣмъ какъ Марксъ всегда указываетъ, при формулировкѣ своей основной историкофилософской идеи, на производительныя силы, какъ на рѣшающую историческую силу (такъ, напр., въ своемъ знаменитомъ предисловіи къ «Zur Kritik der politischen Oekonomie»), Энгельсъ объявляетъ основой общественнаго строя «производство и вслѣдъ за производствомъ обмѣнъ» [2]) Правда, это различіе въ формулированіи доктрины, общей обоимъ авторамъ, не имѣетъ принципіальнаго значенія, но все же оно не лишено извѣстнаго интереса. Энгельсъ чувствовалъ, что понятіе производительныхъ силъ слишкомъ туманно и неопредѣленно, чтобы внушить чатателю ясную идею объ основахъ историческаго матеріализма, и потому онъ предпочитаетъ говорить не о производительныхъ силахъ, а о производствѣ и обмѣнѣ. Однако, это отнюдь нельзя считать улучшеніемъ разсматриваемой доктрины. Прежде всего, она утрачиваетъ, при такой формулировкѣ, свой первоначальный монизмъ. Не одинъ, а два фактора—производство и обмѣнъ—признаются Энгельсомъ рѣшающими моментами историческаго развитія, безъ точнаго опредѣленія взаимныхъ отношеній между ними. Правда, Энгельсъ даетъ понять своимъ способомъ выраженія («*вслѣдъ* за производствомъ обмѣнъ»), что обмѣнъ играетъ въ данномъ случаѣ менѣе важную роль, но все же обмѣнъ, по мнѣнію Энгельса, образуетъ собой самостоятельный и, такимъ образомъ, до

---

[1]) Bücher. „Arbeit und Rhythmus". 3 изд. 1902. Стр. 10.

[2]) Engels. „Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft". 3 изд. 1894. Стр. 286.

извѣстной степени независимый отъ производства факторъ. Такъ, Энгельсъ очень рѣзко критикуетъ мнѣніе Дюринга, согласно которому обмѣнъ долженъ разсматриваться, какъ подраздѣленіе производства. «Если Дюрингъ спутываетъ два совершенно различныхъ, хотя и взаимно обусловливающихъ, процесса производства и товарнаго обращенія,—говоритъ Энгельсъ,—и совершенно безцеремонно утверждаетъ, что отъ опущенія этой путаницы можетъ возникнуть только путаница то онъ доказываетъ этимъ лишь то, что онъ не знаетъ или не понимаетъ колоссальнаго развитія, которое обращеніе получило въ послѣднія 50 лѣтъ» [1]).

Но если товарное обращеніе представляетъ собой процессъ, «совершенно различный отъ производства», не болѣе обусловливаемый производствомъ, чѣмъ производство обусловливается имъ самимъ, то Марксъ, очевидно, ошибался, утверждая, что «способъ производства матеріальной жизни опредѣляетъ соціальный, политическій и духовный жизненный процессъ» [2]), такъ какъ, кромѣ способа производства, и способъ обмѣна опредѣляетъ собой жизненный процессъ.

Если же, наоборотъ, Марксъ правъ и обмѣнъ точно такъ же опредѣляется способомъ производства, какъ и всѣ остальные соціальные процессы, если, слѣдовательно, обмѣнъ не есть соціальный факторъ, равнозначущій производству, то со стороны Энгельса методологически совершенно неправильно отводить въ своей формулировкѣ основной идеи матеріалистическаго пониманія исторіи мѣсто обмѣну рядомъ съ производствомъ. Съ такимъ же правомъ Энгельсъ могъ бы сказать, что основой общественнаго строя являются не производство и обмѣнъ, а производство, обмѣнъ и распредѣленіе, или же производство, обмѣнъ, распредѣленіе и политическій строй и т. д., и т. д., такъ какъ, конечно, Энгельсъ не сталъ бы отрицать, что распредѣленіе продуктовъ, политическій строй и многое иное не остается безъ могущественнаго вліянія на жизнь общества.

Но главное въ томъ, что формула Энгельса оставляетъ совершенно въ тѣни самое существенное въ матеріалистическомъ пониманіи исторіи. Сказать, что производство есть

---

[1]) Тамъ же. Стр. 157.

[2]) Marx. „Zur Kritik der politischen Oekonomie“. 1859. Предисловіе.

основа жизни общества, значитъ сказать весьма мало. Состояніе производства зависитъ отъ самыхъ различныхъ соціальныхъ моментовъ—такъ, напр., отъ состоянія науки, правового строя, господствующихъ нравовъ и т д. Если общественный строй зависитъ отъ условій производства, то и производство зависитъ отъ условій общественнаго строя. Среди условій производства весьма важную роль играетъ общественный строй.

Поэтому недостаточно указать на условія производства вообще, какъ на рѣшающую соціальную силу—вопросъ въ томъ именно и заключается, какія изъ этихъ условій—матеріальныя или соціальныя условія—имѣютъ это значеніе. И матеріалистическое пониманіе исторіи даетъ на это вполнѣ опредѣленный отвѣтъ, котораго, однако, никакъ нельзя извлечь изъ формулировки Энгельса.

Далѣе, Энгельсъ говоритъ, что «послѣднія причины всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ коренятся не въ умахъ людей, не въ возрастающемъ проникновеніи ихъ въ вѣчную истину и справедливость, но въ измѣненіяхъ способовъ производства и обмѣна» [1]). Однако, это утвержденіе немедленно опровергается самимъ же Энгельсомъ—его характеристикой столкновенія въ современномъ буржуазномъ обществѣ производительныхъ силъ со способомъ производства—столкновенія, которое, согласно Энгельсу, вызывается развитіемъ производительныхъ силъ и заканчивается перемѣной способа производства. Если такъ, то нельзя говорить о способѣ производства, какъ о «послѣдней причинѣ» общественныхъ перемѣнъ, ибо сама эта, яко бы послѣдняя, причина зависитъ, по признанію того же Энгельса, отъ другихъ, болѣе глубокихъ причинъ,—а именно, отъ состоянія производительныхъ силъ.

Такимъ образомъ, мы благополучно возвращаемся къ формулѣ Маркса. Основой историческаго матеріализма является понятіе производительныхъ силъ. Что же такое эти силы? Послѣ всего сказаннаго не трудно дать вполнѣ точное опредѣленіе этому понятію.

Слабая сторона формулы Маркса заключается въ томъ, что онъ совершенно не отводитъ въ ней мѣста обмѣну

---

[1]) Engels. „Eugen Dühring's Umwälzung“ и т. д. Стр. 286.

рядомъ съ производствомъ. Марксъ говоритъ только о способѣ производства, какъ будто бы способъ обмѣна былъ пассивнымъ продуктомъ способа производства. Энгельсъ хотѣлъ восполнить этотъ пробѣлъ, но это ему не удалось потому, что онъ не рѣшался порвать съ формулой Маркса и не сказалъ ничего опредѣленнаго. Однако, способъ обмѣна играетъ въ соціальной и, въ частности, въ экономической эволюціи, по сознанію самаго Маркса, не меньшую роль, чѣмъ способъ производства. Въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ Марксъ совершенно чуждъ игнорированія роли торговли. «Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію—говоритъ онъ въ 3-мъ томѣ «Капитала»,—что въ 16 и 17 столѣтіяхъ великія революціи торговли, созданныя географическими открытіями и вызвавшія быстрое развитіе торговаго капитала, являются рѣшающимъ моментомъ въ ряду причинъ, повлекшихъ за собой превращеніе феодальнаго способа производства въ капиталистическій» [1]).

Такимъ образомъ, обмѣнъ играетъ не второстепенную, а нерѣдко рѣшающую роль въ хозяйственномъ развитіи, вызывая преобразованіе способа производства. Соціологическая теорія, признающая хозяйство основой общественнаго строя, не имѣетъ никакого повода придавать большее значеніе въ соціальномъ развитіи производству, чѣмъ обмѣну. Правда, производство образуетъ собой болѣе раннюю ступень въ хозяйственномъ процессѣ, чѣмъ обмѣнъ, такъ какъ продуктъ долженъ быть сначала произведенъ, а затѣмъ уже онъ поступаетъ въ обращеніе. Но это не можетъ служить основаніемъ для признанія экономическаго примата производства, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, пришлось бы признать таковой приматъ и за земледѣліемъ надъ обрабатывающей промышленностью, между тѣмъ какъ въ новѣйшее время именно промышленность господствуетъ надъ земледѣліемъ. «Промышленность является движущей силой не только своего собственнаго развитія, но и развитія земледѣлія» [2]). Въ этомъ заключается важнѣйшій результатъ замѣчательнаго труда Каутскаго объ аграрномъ вопросѣ.

---

[1]) „Das Kapital“. Т. III. Ч. I. Стр. 317.

[2]) Kautsky. „Die Agrarfrage“. 1899. Стр. 292.

Хозяйственная работа, во всей своей совокупности, начиная отъ своей первой ступени отдѣленія предмета отъ его естественной связи съ землей и до своей послѣдней ступени доставленія продукта потребителю, образуетъ собой нераздѣльный процессъ, цѣпь, каждое звено которой необходимо для связи цѣлаго. Производство не менѣе зависитъ отъ торговли, чѣмъ и торговля отъ производства. Конкретными историческими условіями каждаго отдѣльнаго случая опредѣляется, какая именно ступень совокупнаго хозяйственнаго процесса пріобрѣтаетъ господствующее значеніе; поэтому совершенно невозможно дать отвѣтъ на этотъ вопросъ въ общей формѣ, для всѣхъ историческихъ эпохъ и обществъ, и всякій споръ на эту тему является вполнѣ праднымъ. Это признаетъ и Марксъ, говоря, что «на первыхъ ступеняхъ развитія капиталистическаго общества торговля господствуетъ надъ промышленностью, въ современномъ же обществѣ наоборотъ» [1]).

Не производство и не обмѣнъ должны, слѣдовательно, признаваться, независимо другъ отъ друга, единственной основой общественнаго строя, а нѣчто болѣе широкое— хозяйство или, точнѣе, условія хозяйственнаго труда.

Но эти условія различны и могутъ быть подраздѣлены на духовныя и матеріальныя условія. Матеріалистическое пониманіе исторіи придаетъ рѣшающее значеніе условіямъ этого послѣдняго рода. Такимъ образомъ, я прихожу къ слѣдующему опредѣленію основного понятія историческаго матеріализма. Таинственныя матеріальныя производительныя силы, господствующія, по мнѣнію Маркса, надъ жизнью общества, суть не что иное какъ совокупность матеріальныхъ факторовъ, матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда. Въ понятіе производительныхъ силъ входитъ не все то, что такъ или иначе вліяетъ на хозяйство, но лишь часть этого болѣе широкаго понятія, именно вещественныя, матеріальныя условія хозяйства. Именно поэтому Энгельсъ имѣлъ полное право назвать данную теорію *матеріалистическимъ* пониманіемъ исторіи.

Общественный человѣкъ живетъ въ двоякой средѣ, духовной и матеріальной. Духовная среда образуется ду-

[1]) Marx. „Das Kapital". Т. III. Ч. I. Стр. 314.

ховными вліяніями на человѣка, иными словами, духовнымъ общеніемъ людей другъ съ другомъ.

Но духовное общеніе между людьми возможно лишь при посредствѣ матеріальной среды. Духовная среда неотдѣлима отъ матеріальной, образуемой всѣми матеріальными факторами, вліяющими на человѣка. Эта вторая, матеріальная среда играетъ, по мнѣнію Маркса, рѣшающую роль. Было бы, однако, грубымъ недоразумѣніемъ приравнивать марксизмъ къ тѣмъ довольно распространеннымъ историко-философскимъ теоріямъ, которыя пытаются объяснить общественный строй непосредственнымъ вліяніемъ внѣшней природы на человѣка. Выдающимся представителемъ такихъ теорій можетъ считаться въ новѣйшее время Бокль, по мнѣнію котораго наклонность испанцевъ къ религіозному суевѣрію и фанатизму находится въ связи съ частыми землетрясеніями въ Испаніи, антропоморфическая религія древнихъ эллиновъ—съ прекрасной природой Греціи и т. д. [1]). Но подобныя попытки открыть непосредственное вліяніе внѣшней природы, географическаго положенія страны, климата и пр. на жизнь общества обыкновенно совершенно не удаются. Можно согласиться съ Ратцелемъ, что «вопросъ о вліяніи природы на состояніе тѣла и духа человѣка испыталъ, какъ научная проблема, самую злополучную участь: онъ долгое время подвергался обсужденію, и съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, прежде чѣмъ приступили къ изученію и анализу данной проблемы при помощи пріемовъ научнаго изслѣдованія» [2]).

Марксизмъ не имѣетъ ничего общаго съ этими теоріями. Человѣческая исторія не есть, съ точки зрѣнія Маркса, пассивный результатъ вліяній внѣшней природы, такъ какъ общественный человѣкъ самъ измѣняетъ внѣшнюю природу и создаетъ свою исторію. «Матеріалистическое ученіе,—говоритъ Марксъ,—что люди продукты обстоятельствъ и воспитанія, измѣнившіеся люди продукты измѣнившихся обстоятельствъ и измѣнившагося воспитанія, упускаетъ изъ виду, что сами обстоятельства измѣняются людьми» [3]).

---

[1]) Buckle. „History of Civilisation in England“. 1857. T. I. Гл. II. T. I. Гл. I.

[2]) Ratzel. „Anthropogeographie“. 1899. T. I. Стр. 41.

[3]) Приложеніе къ „Ludwig Feuerbach“ Энгельса, стр. 60.

Такимъ образомъ, марксизмъ, хотя и не отрицаетъ вліянія внѣшней природы на исторію общества, но въ отличіе отъ того историкофилософскаго направленія, которое Бартъ называетъ въ своей извѣстной книгѣ «Philosophie der Geschichte als Sociologie» антропогеографическимъ, на первый планъ онъ выдвигаетъ не непосредственное, прямое, а косвенное, прошедшее черезъ посредство хозяйства, вліяніе природы на человѣка. Всякое хозяйство покоится на матеріальной основѣ, даваемой внѣшней природой. Сущность хозяйства заключается въ измѣненіи этой матеріальной основы; хозяйственная дѣятельность создаетъ новую матеріальную среду, развитіе которой и приводитъ въ движеніе, согласно историческому матеріализму, исторію человѣчества.

Матеріальныя условія труда не представляютъ собой чего либо неизмѣннаго, застывшаго, они не пассивный результатъ вліянія внѣшней природы, но непрерывно развивающійся историческій продуктъ самого общественнаго человѣка.

Чрезвычайно важно рѣзко отличать матеріальныя условія хозяйства отъ духовныхъ и, въ частности, соціальныхъ условій его. Хозяйство есть одновременно матеріальный и соціальный процессъ. Человѣкъ измѣняетъ матеріальную природу. Это—матеріальная сторона хозяйства. Но въ то же время человѣкъ измѣняетъ самого себя и другихъ людей. Это—соціальная сторона хозяйства. Матеріальныя и соціальныя условія хозяйства тѣсно связаны между собой и взаимно вліяютъ другъ на друга. Можно разсматривать производство и обмѣнъ, какъ матеріальную сторону хозяйства, распредѣленіе—какъ соціальную сторону послѣдняго (точнѣе говоря, производство и обмѣнъ имѣютъ свою соціальную сторону, такъ какъ они являются общественнымъ процессомъ; но, сравнительно съ распредѣленіемъ, представляющимъ собою только соціальную сторону хозяйства, всѣ тѣ техническія операціи, которыя должны исполняться, чтобы продуктъ достигалъ потребителя, могутъ считаться матеріальной стороной хозяйства). Способы производства и обмѣна оказываютъ величайшее вліяніе на способы распредѣленія, но и распредѣленіе вліяетъ, со своей стороны, на производство и обмѣнъ. «Распредѣленіе,—

говоритъ Энгельсъ,—не есть пассивный продуктъ производства и обмѣна; оно реагируетъ, со своей стороны, на производство и обмѣнъ. Каждый новый способъ производства и обмѣна вначалѣ задерживается въ своемъ развитіи не только старыми способами того и другого и выросшими на ихъ почвѣ политическими учрежденіями, но также и старымъ способомъ распредѣленія. Новые способы производства и обмѣна достигаютъ лишь путемъ долгой борьбы соотвѣтствующихъ имъ способовъ распредѣленія» [1]).

Несмотря на это, матеріалистическое пониманіе исторіи признаетъ производство и обмѣнъ, но не распредѣленіе, рѣшающей силой. Почему же? Потому, что производство и обмѣнъ представляютъ собой матеріальную сторону хозяйства, а распредѣленіе есть соціальный моментъ по преимуществу. Говоря точнѣе, не производство и обмѣнъ, но матеріальные факторы или условія того и другого образуютъ собой, согласно марксизму, основу общественнаго строя. Соціальныя условія производства и обмѣна точно такъ же опредѣляются матеріальными факторами хозяйства, какъ и распредѣленіе. Состояніе научныхъ знаній, господствующій политическій строй, право и пр. оказываютъ могущественное вліяніе на общественное производство. Матеріалистическое пониманіе исторіи не отрицаетъ этого вліянія, но оно признаетъ рѣшающимъ обратное вліяніе матеріальныхъ факторовъ производства (и обмѣна) на общественную жизнь.

Марксъ и Энгельсъ были склонны признавать расу самостоятельнымъ экономическимъ факторомъ. Въ одномъ частномъ письмѣ отъ 1894 г. Энгельсъ прямо говоритъ, что «раса есть экономическій факторъ» [2]). Нѣчто подобное утверждалъ и Марксъ. «Независимо отъ болѣе или менѣе развитой формы общественнаго производства,—читаемъ въ «Капиталѣ»,—производительность труда остается въ связи съ условіями природы. Всѣ же эти условія сводятся, въ свою очередь, къ природѣ самого человѣка, какъ раса и т. п., и къ природѣ окружающей человѣка внѣшней среды» [3]). Такимъ образомъ, раса есть, согласно Эн-

[1]) Engels. „Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft". Стр. 151.
[2]) „Documente des Socialismus". 1902. Т. II. Стр. 74.
[3]) „Das Kapital". Т. I. Стр. 476.

гельсу, экономическій факторъ, а, согласно Марксу, она оказываетъ не меньшее вліяніе на производительность труда, чѣмъ внѣшняя природа. Нѣкоторые послѣдователи Маркса точно также признаютъ расу самостоятельнымъ моментомъ общественнаго развитія; такъ, напр., недавно умершій итальянскій соціологъ Антоніо Лабріола [1]). Согласуется ли, однако, такое воззрѣніе съ основными идеями историческаго матеріализма?

Никоимъ образомъ, и по слѣдующимъ основаніямъ. Конечно, работоспособность человѣка весьма существенно зависитъ отъ его принадлежности къ той или иной расѣ. Извѣстно, что люди различныхъ расъ обладаютъ совершенно различной мускульной силой, различнымъ развитіемъ и вѣсомъ мозга и т. д. Физическія различія организма, отличающія одну расу отъ другой, должны сопровождаться соотвѣтствующими различіями духовной одаренности. Но изъ этого не слѣдуетъ, что раса является, съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, экономическимъ факторомъ, подобнымъ внѣшней природѣ, ибо и многія «идеологическія» силы, какъ право, государство, религія и пр. оказываютъ самое могущественное воздѣйствіе на производительность общественнаго труда, что, однако, не дѣлаетъ ихъ экономическими факторами. Сущность историческаго матеріализма въ томъ именно и заключается, что это воззрѣніе, не отрицая вліянія разнообразнѣйшихъ факторовъ на хозяйство, признаетъ рѣшающей силой только хозяйство. Заключающіяся во внѣшней природѣ естественныя условія труда суть первичные экономическіе факторы, такъ какъ хозяйство не виситъ въ воздухѣ, но покоится на матеріальной основѣ. Что же касается до расы, то раса является, съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, не первичнымъ, но вторичнымъ факторомъ, какъ право, государство и пр. Расовые признаки не образуютъ собой чего либо неподвижнаго и застывшаго: они всегда находятся въ процессѣ образованія, они не конечная причина, но результатъ развитія соотвѣтствующей человѣческой группы, развитія, опредѣляемаго въ конечной инстанціи

[1]) Ср. его работу: „Del materialismo storico. Dilucidazione preleminare". Roma 1896. Стр. 128.

экономическими условіями существованія этой группы. «Состояніе общественнаго строя дѣйствуетъ благопріятно или неблагопріятно, ускоряя или задерживая, на этногенетическій процессъ и, такимъ образомъ, становится само источникомъ этническихъ признаковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда говорятъ о расѣ, слѣдовало бы говорить о классѣ. Сословныя различія сопровождаются у всѣхъ народовъ различіями физическаго строенія, тѣмъ болѣе глубокими, чѣмъ ниже стоятъ данные народы по отношенію къ образованію и свободѣ» [1]).

Такъ называемый національный духъ, все объясняющій въ глазахъ многихъ историковъ, есть, съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, весьма сложный продуктъ общественныхъ условій жизни, слѣдовательно, прежде всего, экономическихъ условій жизни даннаго народа. Правда, далеко не всѣ расовые признаки могутъ быть объяснены хозяйственными условіями, въ которыхъ народъ существуетъ въ данное время; но это лишь потому, что наслѣдственныя расовыя отличія суть продуктъ также и прежнихъ, нынѣ не существующихъ, экономическихъ условій, въ которыхъ раньше жилъ этой народъ. Поэтому особенности національнаго духа въ такой же мѣрѣ допускаютъ объясненіе современными или прошлыми условіями хозяйства, какъ и всѣ другіе историческіе продукты—государственный строй, право и пр. И если Марксъ и Энгельсъ усматривали въ расѣ самостоятельный экономическій факторъ, имѣющій не меньшее значеніе, чѣмъ внѣшняя природа, то это лишь доказываетъ, что даже творцы извѣстной теоріи могутъ быть невѣрны ея основаніямъ.

III.

Ученіе о производительныхъ силахъ, о рѣшающемъ значеніи въ общественной жизни матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда, есть основа философіи исторіи Маркса. Однако, этимъ ученіемъ не исчерпывается историческій матеріализмъ — его другой половиной является ученіе о классовой борьбѣ.

---

[1]) Ratzel „Anthropogeographie“. 1891. T. II. Стр. 590.

Развитіе матеріальныхъ условій хозяйства есть господствующая сила исторіи, но дѣйствуетъ она помимо человѣческаго сознанія. Въ человѣческомъ сознаніи столкновенія новыхъ способовъ хозяйства со старыми принимаютъ форму столкновенія интересовъ различныхъ общественныхъ группъ, форму классовой борьбы. Ученіе о производительныхъ силахъ освѣщаетъ объективную, безсознательную сторону историческаго процесса; оно должно быть восполнено ученіемъ, объясняющимъ отраженіе этого объективнаго процесса въ человѣческомъ сознаніи. Эта послѣдняя задача разрѣшается ученіемъ о классовой борьбѣ.

Основнымъ понятіемъ этого ученія является понятіе объ общественномъ классѣ. Въ «Манифестѣ» съ полной опредѣленностью устанавливается положеніе, что «исторія всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ обществъ есть исторія классовой борьбы». Но что слѣдуетъ разумѣть, въ смыслѣ Маркса и Энгельса, подъ общественнымъ классомъ, это остается до настоящаго времени не совсѣмъ яснымъ.

«Что такое общественный классъ?»—этимъ вопросомъ, но безъ отвѣта, заканчивается III томъ «Капитала» Маркса. Мы узнаемъ лишь, что понятіе общественнаго класса далеко не совпадаетъ съ понятіемъ общественной группы. Такъ, врачи и чиновники образуютъ двѣ различныхъ общественныхъ группы, но не два различныхъ класса. Классовое сложеніе общества отнюдь не нужно смѣшивать съ общественнымъ раздѣленіемъ труда, приводящимъ къ обособленію профессій. Первобытное общество не знало классовъ, но въ немъ существовали особыя профессіи (кузнецъ, жрецъ, судья, воинскій предводитель и т. д.).

Если мы обратимся къ другимъ работамъ Маркса и Энгельса, то мы найдемъ въ нихъ богатѣйшій матеріалъ для отвѣта на интересующій насъ вопросъ, но самаго отвѣта, т.-е. опредѣленія понятія «общественный классъ», не встрѣтимъ. Мало того, мы придемъ къ заключенію, что Марксъ употреблялъ это понятіе въ различныхъ, даже, повидимому, противорѣчивыхъ значеніяхъ. Такъ, въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ движенію 1848 г. въ Германіи, авторъ «Капитала» говоритъ, что германскій народъ въ эпоху этого движенія состоялъ изъ слѣдующихъ классовъ: феодальнаго дворянства, буржуазіи, мелкой буржуазіи, круп-

наго и средняго крестьянства, мелкаго свободнаго крестьянства, несвободнаго крестьянства, находившагося въ феодальной зависимости отъ помѣщиковъ, земледѣльческихъ рабочихъ и, наконецъ, промышленныхъ рабочихъ— всего насчитывается Марксомъ не менѣе 8 общественныхъ классовъ [1]). Въ своемъ тонкомъ анализѣ соціальныхъ и политическихъ движеній во Франціи въ эпоху февральской революціи и послѣ нея Марксъ также различаетъ цѣлый рядъ общественныхъ классовъ, причемъ особое вниманіе удѣляетъ соціальной роли двухъ классовъ — мелкой буржуазіи и крестьянства. Главнымъ достоинствомъ этого замѣчательнаго анализа является, по общему признанію, данная Марксомъ блестящая и остроумная характеристика мелкой буржуазіи, какъ особаго общественнаго класса. И мелкая буржуазія и разныя группы крестьянства постоянно разсматриваются нашимъ авторомъ, какъ самостоятельные классы. Что касается до класса мелкихъ крестьянъ, то Марксъ приписываетъ ему рѣшающую роль въ декабрьскомъ переворотѣ, приведшемъ къ возстановленію имперіи. «Бонапартъ, — говоритъ нашъ авторъ, — является представителемъ особаго общественнаго класса и, къ тому же, многочисленнѣйшаго класса французскаго общества, мелкаго крестьянства» [2]).

Послѣ всѣхъ этихъ утвержденій, читатель не можетъ не быть пораженъ, узнавъ отъ того же Маркса, что мелкое крестьянство... вовсе не классъ. «Мелкіе крестьяне (Parzellenbauern) образуютъ собой огромную массу, члены которой живутъ въ одинаковыхъ условіяхъ, но не вступаютъ въ разнообразныя отношенія другъ съ другомъ. Ихъ способъ производства ведетъ къ разобщенію, а не къ взаимнымъ сношеніямъ производителей... Клочекъ земли, крестьянинъ и семья; рядомъ другой клочекъ земли, другой крестьянинъ и другая семья. Куча семей образуетъ деревню, куча деревень—департаментъ. Такимъ образомъ составляется главная масса французскаго народа, какъ изъ кортофеля, набитаго въ мѣшокъ, составляется мѣшокъ съ

---

[1]) Marx. „Revolution und Kontrerevolution in Deutschland". 1896. Стр. 7—11.

[2]) „Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonoparte". 3 изд. Стр. 97.

картофелемъ... Поскольку между мелкими крестьянами существуетъ лишь связь того же мѣстожительства, а тожественность ихъ интересовъ не вызываетъ никакой сознательной общности интересовъ, никакой національной общности и никакой политической организаціи крестьянъ, постольку мелкіе крестьяне не образуютъ класса» [1]).

Но если мелкіе крестьяне не образуютъ общественнаго класса, потому что ихъ способъ производства изолируетъ ихъ другъ отъ друга и препятствуетъ ихъ политической организаціи, то возникаетъ сомнѣніе, можно ли всегда считать классомъ мелкую буржуазію. Нѣмецкая мелкая буржуазія была, очевидно, такъ же неспособна въ 1848 г. къ сплоченію въ особую политическую партію, какъ и французскіе крестьяне въ эпоху декабрьскаго переворота. Слѣдовательно, и мелкую буржуазію мы не имѣемъ права, при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, считать самостоятельнымъ общественнымъ классомъ.

Такимъ образомъ, многіе изъ общественныхъ классовъ, найденные Марксомъ въ нѣдрахъ современнаго общества, оказываются совсѣмъ не классами. Повидимому, мы должны вернуться къ знаменитому (принадлежащему еще Адаму Смиту) дѣленію современнаго общества на три класса— землевладѣльцевъ, капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ. Но и то нѣтъ. Вопросъ о признаніи наемныхъ рабочихъ самостоятельнымъ классомъ возбуждаетъ серьезныя сомнѣнія.

Правда, Марксъ называетъ безчисленное число разъ наемныхъ рабочихъ, пролетаріатъ, особымъ общественнымъ классомъ. Но такъ же нашъ авторъ называетъ и мелкихъ крестьянъ, которые, однако, по его же опредѣленію, во Франціи не составляли класса. Не постигнетъ ли рабочихъ такая же участь, какая постигла крестьянъ и мелкихъ буржуа?

И дѣйствительно, мы не имѣемъ никакого основанія признавать нѣмецкихъ рабочихъ 40-хъ годовъ особымъ общественнымъ классомъ, если мы отказываемъ въ этомъ званіи французскимъ крестьянамъ и нѣмецкимъ мелкимъ буржуа. Это, кстати, указано самими Марксомъ и Энгель-

---

[1]) Тамъ же, стр. 98.

сомъ въ 1847 г., въ ихъ знаменитомъ «Манифестѣ». Авторы «Манифеста» неоднократно и настойчиво заявляютъ, что «ближайшею цѣлью ихъ партіи является превращеніе пролетаріата въ классъ» («Bildung des Proletariats zur Klasse»). Это заявленіе варьируется авторами на разные лады, но смыслъ его остается однимъ и тѣмъ же. Что же оно означаетъ? Очевидно то, что въ эпоху «Манифеста» пролетаріатъ еще не былъ особымъ классомъ, ибо иначе нечего было бы стремиться къ сплоченію пролетаріевъ въ классъ. Таковъ неизбѣжный логическій выводъ изъ утвержденій Маркса и Энгельса.

Наша попытка выяснить вопросъ объ общественномъ классѣ привела, такимъ образомъ, къ весьма неожиданнымъ результатамъ. Повидимому, остается еще лишній разъ изумиться логическимъ противорѣчіямъ знаменитаго экономиста. И, конечно, все это несомнѣнныя противорѣчія, но противорѣчія ли въ терминологіи, или въ самой мысли? Мы этого еще пока не знаемъ. Быть можетъ, авторъ «Капитала» повиненъ только въ небрежной терминологіи — вина не очень большая, не исключающая возможности логической правильности мысли.

Такъ оно и есть. Ключъ ко всѣмъ этимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ противорѣчіямъ мы найдемъ въ полемическомъ сочиненіи Маркса, направленномъ противъ Прудона. «Экономическія отношенія, — говоритъ Марксъ въ «Нищетѣ философіи», — превратили массу населенія въ рабочихъ. Господство капитала создало одинаковость положенія для этой массы, одинаковость интересовъ. Такимъ образомъ, эта масса стала классомъ по отношенію къ капиталу, но не классомъ въ себѣ (für sich). Въ очерченной нами борьбѣ эта масса объединяется, конституируется, какъ классъ въ себѣ. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба одного класса съ другимъ классомъ есть всегда политическая борьба». То же самое Марксъ говоритъ и о буржуазіи, въ развитіи которой онъ различаетъ два фазиса: «фазисъ, въ теченіе котораго буржуазія только конституировалась подъ господствомъ феодализма и абсолютной монархіи, и тотъ, когда буржуазія, какъ уже конституированный классъ, опрокинула феодализмъ и монархію и превратила общество въ

буржуазное общество. Первый изъ этихъ фазисовъ былъ продолжительнѣе и требовалъ большихъ усилій» [1]).

Итакъ, общественный классъ проходитъ два фазиса развитія. Первоначально, возникающій классъ является классомъ лишь по отношенію къ другимъ классамъ, но не классомъ въ себѣ (für sich). Затѣмъ онъ конституируется, какъ классъ въ себѣ, и этимъ знаменуется второй фазисъ развитія класса, фазисъ зрѣлости. Въ этомъ смыслѣ Марксъ говорилъ, что французскіе мелкіе крестьяне не образуютъ собой класса—именно, зрѣлаго класса, класса въ себѣ,—хотя они несомнѣнно являются классомъ по отношенію къ другимъ общественнымъ группамъ. Также и германскіе рабочіе въ сороковыхъ годахъ не были классомъ въ себѣ, хотя они и составляли классъ по отношенію къ буржуазіи.

Всякій, знакомый съ философіей Гегеля, легко узнаетъ въ этомъ различеніи класса по отношенію къ другому и класса «въ себѣ» (für sich) гегелевскій переходъ чистаго бытія черезъ свое отрицаніе къ бытію по отношенію къ другому и черезъ отрицаніе отрицанія къ бытію въ себѣ. Точно также и Марксъ видитъ въ первомъ фазисѣ развитія общественнаго класса бытіе класса по отношенію къ другому, а во второмъ фазисѣ—бытіе класса въ себѣ. Проходя этотъ кругъ развитія, классъ измѣняется въ своемъ характерѣ; называя одну и ту же общественную группу классомъ и затѣмъ отказывая ей въ классовомъ характерѣ, нашъ авторъ характеризуетъ ее съ точки зрѣнія различныхъ фазисовъ ея развитія. Такъ, личинка можетъ быть противопоставлена взрослому животному, въ которое она превращается, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сравнивая это животное съ организмами другихъ видовъ, мы присваиваемъ личинкѣ такое же наименованіе, какъ и взрослому животному.

Итакъ, то, что намъ казалось логическимъ противорѣчіемъ въ ученіи Маркса объ общественномъ классѣ, оказывается простой небрежностью выраженія. Всякій общественный классъ подчиняется, по ученію Маркса, закону развитія, общему для всего существующаго, и каждый фазисъ развитія класса обладаетъ своими характерными, специфическими особенностями.

---

[1]) Marx. „Das Elend der Philosophie". Стр. 180.

Эту важную сторону ученія Маркса объ общественномъ классѣ необходимо всегда имѣть въ виду, чтобы правильно понимать мысль знаменитаго экономиста. Мы часто встрѣчаемъ, напр., въ сочиненіяхъ нашего автора категорическое утвержденіе, что столкновенія классовъ неизбѣжно носятъ политическій характеръ. Это, очевидно, не можетъ относиться къ классамъ, еще не достигшимъ окончательнаго развитія, еще не конституированнымъ. Такъ, англійскіе рабочіе союзы представляли собой значительную общественную силу уже въ концѣ XVIII-го вѣка и упорно отстаивали интересы своихъ членовъ противъ предпринимателей. Но борьба эта оставалась всецѣло экономической борьбой и ничего политическаго въ себѣ не заключала; потому она и не была, въ смыслѣ Маркса, классовой борьбой.

Утверждая, что современное общество имѣетъ классовой характеръ, нашъ авторъ отнюдь не думаетъ отрицать, что многія общественныя группы, входящія въ составъ общества нашего времени, не имѣютъ сознанія своихъ классовыхъ интересовъ и не образуютъ собой зрѣлыхъ, конституированныхъ классовъ, классовъ въ себѣ. Общественная дѣйствительность представляетъ собой пеструю картину, въ которой мы видимъ общественные классы на всѣхъ ступеняхъ своего развитія, начиная отъ соціальныхъ группъ, въ которыхъ совсѣмъ не пробудилось сознанія общности ихъ классовыхъ интересовъ, до экономически и политически прочно организованныхъ классовъ. Съ этой точки зрѣнія исторію можно разсматривать, какъ исторію общественныхъ классовъ—ихъ возникновенія, постепеннаго роста, упадка и реагированія другъ на друга. Нѣкоторые классы падаютъ, другіе растутъ, но все вмѣстѣ образуетъ сложное и тѣсно связанное цѣлое, въ которомъ каждая экономически обособленная группа, если и не составляетъ класса въ себѣ, то является классомъ по отношенію къ другимъ общественнымъ группамъ.

Мы знаемъ уже, что общественный классъ есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ группа лицъ одинаковой профессіи. Понятіе общественнаго класса неотдѣлимо, по ученію Маркса, отъ понятія противоположности общественныхъ интересовъ [1]).

---

[1]) Ср. Kautsky. „Klasseninteresse—Sonderinteresse—Gemeininteresse“, Die Neue Zeit. XXI T. II. Стр. 241 и слѣд.

Гдѣ этой противоположности интересовъ нѣтъ, тамъ нѣтъ и классовъ. Вотъ почему въ первобытномъ обществѣ не было классовъ, вотъ почему въ современномъ обществѣ священники и врачи или артисты не образуютъ особыхъ классовъ—интересы этихъ общественныхъ группъ не находятся въ неизбѣжномъ антагонизмѣ съ интересами какихъ-либо другихъ общественныхъ группъ.

Въ чемъ же заключается источникъ противоположности интересовъ въ современномъ обществѣ, основанномъ на присвоеніи однѣми общественными группами прибавочнаго труда другихъ группъ? Очевидно, не въ чемъ иномъ, какъ въ этомъ самомъ экономическомъ отношеніи, лежащемъ въ корнѣ даннаго соціальнаго устройства. Поэтому, мы можемъ опредѣлить соціальный классъ, какъ общественную группу, члены которой находятся въ одинаковомъ экономическомъ положеніи по отношенію къ общественному процессу присвоенія однѣми общественными группами прибавочнаго труда другихъ группъ и вслѣдствіе этого имѣютъ общіе экономическіе интересы и общихъ антагонистовъ въ процессѣ общественнаго хозяйства. Это опредѣленіе даетъ намъ ключъ ко всему ученію объ общественныхъ классахъ. Исходя изъ него, мы можемъ безъ труда опредѣлить, составляетъ ли данная группа, и почему именно, особый общественный классъ, или нѣтъ.

Такъ, прежде всего ясно, что наемные рабочіе составляютъ особый общественный классъ по отношенію къ тѣмъ, во чью пользу поступаетъ ихъ прибавочный трудъ. Капиталистическое общество распадается на 3 основныхъ класса—наемныхъ рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Но кромѣ этихъ классовъ, основныхъ и типичныхъ для капиталистическаго хозяйства, реальное капиталистическое общество нашего времени слагается также изъ другихъ классовъ, созданныхъ предшествующими способами производства. Правда, если бы какая-либо общественная группа стояла внѣ экономическихъ антагонизмовъ, вытекающихъ изъ факта присвоенія частью общества труда остальной части, то она не образовывала бы класса. Но дѣло въ томъ, что среди экономически обособленныхъ группъ нашего времени такой группы нѣтъ и быть не можетъ. Такъ, мелкіе самостоятельные производители не были классомъ въ первобытномъ обществѣ. Въ капитали-

стическомъ обществѣ нашего времени имѣются также многочисленныя группы мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ; таковые составляютъ даже главную массу населенія въ большинствѣ европейскихъ государствъ. Но современные мелкіе производители—крестьяне и ремесленники—суть особые общественные классы потому, что хотя крестьянинъ, работающій своими руками, безъ помощи наемныхъ рабочихъ, на своемъ клочкѣ земли, или ремесленикъ, занятый въ своей собственной мастерской, съ формальной стороны стоятъ какъ бы внѣ отношеній экономической эксплоатаціи, характерныхъ для капитализма, на самомъ дѣлѣ это не такъ. На самомъ дѣлѣ капиталистическая основа современнаго хозяйственнаго строя даетъ себя чувствовать тысячами способовъ въ хозяйствѣ мелкаго производителя. Крестьянинъ платитъ за свою заложенную землю проценты въ банкъ, съ его земли поступаютъ налоги въ пользу государства, онъ продаетъ свои продукты капиталисту-торговцу, онъ арендуетъ землю крупнаго землевладѣльца и вноситъ послѣднему арендную плату и т. д., и т. д. Всѣ эти экономическія отношенія являются нечѣмъ инымъ, какъ различными формами присвоенія прибавочнаго труда крестьянина, почему современные крестьяне и должны быть признаны особымъ классомъ. То же слѣдуетъ сказать и о другихъ мелкихъ производителяхъ.

Можетъ возникнуть вопросъ, не составляютъ ли мелкіе самостоятельные производители (крестьяне и ремесленники) и наемные рабочіе одного трудящагося общественнаго класса, въ противоположность нетрудящимся общественнымъ классамъ? Безусловно нѣтъ, потому что хотя и крестьяне (разумѣется, мелкіе), и наемные рабочіе одинаково эксплоатируются другими общественными группами, но общественные способы присвоенія прибавочнаго труда крестьянъ и рабочихъ существенно различны. Въ связи съ этимъ, экономическіе интересы крестьянъ и рабочихъ далеко не тождественны. Крестьянинъ - арендаторъ заинтересованъ въ пониженіи арендной платы, пониженіи процентовъ по ипотечному долгу и земельныхъ налоговъ; рабочій же во всемъ этомъ совершенно не заинтересованъ, но зато заинтересованъ въ повышеніи заработной платы и сокращеніи рабочаго дня, отъ чего крестьянинъ, какъ таковой, ничего

не выигрываетъ. Поэтому, крестьяне и наемные рабочіе представляютъ собой различные общественные классы, подобно тому, какъ капиталисты и землевладѣльцы принадлежатъ не къ одному, а къ двумъ различнымъ классамъ.

Точно также, мелкая буржуазія есть особый общественный классъ, образующій собой переходную ступень между противоположными полюсами капитала и труда. Но хотя этотъ классъ и имѣетъ промежуточный характеръ, все же это классъ, съ классовыми интересами и классовыми антагонизмами. Зажиточные ремесленники и мелкіе торговцы, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, состоитъ этотъ классъ, принадлежатъ къ числу предпринимателей, пользующихся наемнымъ трудомъ, и въ качествѣ таковыхъ должны быть противопоставлены наемнымъ рабочимъ; но ихъ экономическому благополучію наиболѣе угрожаютъ не рабочіе, а крупные капиталисты. Эксплоатируя рабочихъ, мелкіе буржуа сами становятся жертвой крупнаго капиталиста. Немногіе изъ среды этого класса подымаются вверхъ и переходятъ въ ряды крупной буржуазіи, другіе опускаются внизъ и пополняютъ массу пролетаріевъ. Это колеблющееся положеніе мелкой буржуазіи опредѣляетъ своеобразный соціальный характеръ этого класса, но не устраняетъ классовыхъ антагонизмовъ, въ рамки которыхъ заключена мелкая буржуазія, какъ и другіе классы.

Такимъ образомъ, антагонистическое отношеніе присвоенія общественнаго прибавочнаго труда неработающими группами, лежащее въ корнѣ капиталистическаго общества, придаетъ антагонистическій характеръ всѣмъ экономически обособленнымъ группамъ, изъ которыхъ это общество слагается и дѣлаетъ изъ послѣднихъ не просто экономическія группы, но соціальные классы. Куда, однако, отнести представителей такъ называемаго непроизводительнаго (точнѣе, нехозяйственнаго) труда,—врачей, адвокатовъ, писателей, артистовъ, ученыхъ и пр.? Можно ли ихъ считать особымъ классомъ людей умственнаго труда? Никоимъ образомъ, такъ какъ для того, чтобы общественная группа могла быть признана классомъ, для этого недостаточно сходства профессій или экономическаго положенія лицъ, входящихъ въ ея составъ. Владѣлецъ небольшой фабрики, получающій съ нея немногимъ болѣе дохода, чѣмъ работаю-

щій по найму искусный механикъ, принадлежитъ къ тому же классу капиталистовъ, какъ и милліонеръ, но къ другому классу, чѣмъ механикъ, хотя по своему доходу нашъ фабрикантъ гораздо ближе къ механику, чѣмъ къ милліонеру. Дѣло тутъ не въ размѣрѣ дохода, а въ экономическомъ отношеніи лицъ той или иной группы къ общественному процессу присвоенія прибавочнаго труда. И крупный и мелкій фабрикантъ получаютъ доходъ не со своего труда, а со своего капитала; этотъ капиталъ даетъ имъ возможность присваивать себѣ долю труда рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ, все равно, принадлежатъ ли эти рабочіе къ группѣ искуснаго или чернорабочаго труда. Капиталисты только потому образуютъ собой особый общественный классъ что имъ противостоятъ рабочіе; рабочіе, въ свою очередь, являются классомъ лишь въ силу того что имъ противостоятъ капиталисты. Кто же, какой общественный классъ противостоитъ адвокатамъ, врачамъ, духовенству и пр., и пр., съ какимъ классомъ они находятся въ антагонизмѣ по своему экономическому положенію? Ни съ какимъ, потому что ихъ дѣятельность, какъ нехозяйственная, стоитъ внѣ экономическаго процесса присвоенія прибавочнаго труда.

Итакъ, интеллигенція не составляетъ самостоятельнаго класса. Но это не значитъ, что она выше классовъ. Не образуя класса, интеллигенція примыкаетъ къ какому-либо изъ существующихъ общественныхъ классовъ. Такъ какъ интеллигенты—люди умственнаго труда, а умственный трудъ требуетъ образованія, стоящаго, въ свою очередь, много денегъ, то, естественно, что интеллигентные работники выходятъ почти исключительно изъ среды имущихъ классовъ. Это крайне благопріятствуетъ тѣсной связи интеллигенціи съ названными классами. Но, съ другой стороны, трудъ интеллигентнаго работника весьма часто оплачивается не капиталистическимъ предпринимателемъ, а непосредственно публикой, народной массой, въ которой неимущіе классы численно преобладаютъ; на этой почвѣ возникаетъ экономическая связь между интеллигенціей и неимущими классами. Такимъ образомъ, интеллигенція можетъ примыкать къ самымъ разнообразнымъ общественнымъ классамъ, иначе говоря, интеллигенція есть общественная группа съ

неопредѣленнымъ классовымъ характеромъ; часть ея можетъ безкорыстно служить трудящемуся народу, а другая итти вмѣстѣ съ его эксплоататорами, что мы и наблюдаемъ въ дѣйствительности.

Возвращаемся къ ученію Маркса объ общественномъ классѣ. Мы не должны упускать изъ виду, что классъ долженъ совершить продолжительное развитіе, прежде чѣмъ стать зрѣлымъ, конституированнымъ классомъ. Развитіе это характеризуется ростомъ классового сознанія. Еще не конституированный классъ не имѣетъ сознанія своихъ классовыхъ интересовъ или, что то же, сознанія противоположности своихъ интересовъ интересамъ другихъ классовъ. Поэтому, не конституированный классъ не способенъ къ политической, а, слѣдовательно, и классовой борьбѣ.

Развитіе классоваго сознанія дѣлаетъ классъ конституированнымъ классомъ. Но классовое сознаніе заключается не только въ пониманіи своей солидарности съ представителями того же общественнаго класса, такъ какъ симпатизированіе съ другими людьми, находящимися въ тѣхъ же условіяхъ существованія, есть естественное чувство каждаго нормальнаго человѣка и само по себѣ еще далеко не образуетъ классоваго сознанія. Для наличности послѣдняго требуется нѣчто большее, именно, пониманіе, что условія существованія представителей даннаго класса непосредственно опредѣляются положеніемъ этого класса въ существующемъ общественном строѣ, слѣдовательно, господствующимъ способомъ производства. Такъ, напр., для возникновенія классоваго самосознанія пролетаріата требуется не только то, чтобы пролетаріи чувствовали себя солидарными другъ съ другомъ, но также и то, чтобы они понимали, что ихъ эксплоатируетъ капиталъ. Такимъ образомъ, классовое сознаніе равнозначуще съ сознаніемъ классовыхъ антагонизмовъ, неустранимости классовой борьбы.

Но всякая классовая борьба есть политическая борьба, потому что государство есть органъ классоваго господства и эксплоатируемый классъ можетъ улучшить свое положеніе въ господствующемъ общественномъ строѣ лишь черезъ посредство политической революціи. Господствующій общественный классъ пользуется государственной властью

какъ средствомъ упрочить свое экономическое преобладаніе и лишь путемъ овладѣнія государственной властью порабощенный классъ можетъ достигнуть своего экономическаго освобожденія. Пробужденіе въ извѣстномъ классѣ классоваго сознанія равносильно превращенію экономической борьбы даннаго класса въ политическую борьбу.

Но въ какомъ смыслѣ утверждалъ Марксъ, что исторія всѣхъ бывшихъ доселѣ обществъ есть исторія классовой борьбы? Мы знаемъ, что классъ способенъ вести классовую борьбу лишь въ извѣстномъ фазисѣ своего развитія и что этотъ фазисъ обыкновенно продолжается болѣе короткое время, нежели тотъ, въ которомъ еще не конституированный классъ лишенъ классоваго сознанія и не ведетъ классовой борьбы. Какъ согласовать это съ приведеннымъ утвержденіемъ Маркса?

Конечно, Марксъ не хотѣлъ сказать, что всякое соціальное движеніе имѣетъ характеръ классовой борьбы. Тотъ же «Манифестъ» доказываетъ, какъ далекъ былъ Марксъ отъ этого, ибо авторы «Манифеста» признаютъ ближайшей цѣлью коммунистической партіи превращеніе необъединенной борьбы рабочихъ въ классовую борьбу. Классовая борьба скорѣе является въ глазахъ Маркса сравнительно рѣдкимъ явленіемъ въ исторіи. Впрочемъ, взглядъ Маркса на этотъ вопросъ остается неяснымъ. Если же желать извлечь изъ противорѣчивыхъ замѣчаній Маркса по этому вопросу логически стройную теорію, то ее можно формулировать слѣдующимъ образомъ. Историческое развитіе приводитъ къ классовой борьбѣ, но отнюдь не исчерпывается таковой. Классовая борьба предшествуетъ всякому политическому и соціальному перевороту и заканчивается «революціоннымъ преобразованіемъ всего общества или общей гибелью борющихся классовъ» [1]). Но такъ какъ исторія не состоитъ изъ однѣхъ революцій, то она не состоитъ исключительно и изъ классовой борьбы. Несмотря на это, можно признавать классовую борьбу основнымъ содержаніемъ исторіи, благодаря тому, что классовая борьба является самымъ важнымъ и рѣшающимъ

---

[1]) „Manifest“. Стр. 10.

въ исторіи общества, и все остальное должно разсматриваться съ точки зрѣнія классовой борьбы.

Такъ, напр., хотя рабочее движеніе первой половины XIX вѣка и не было классовой борьбой, оно являлось подготовкой къ таковой борьбѣ; если отдѣльныя столкновенія неорганизованныхъ рабочихъ съ отдѣльными капиталистами лишены классоваго характера, то все же они являются необходимой и крайне важной частью классовой исторіи пролетаріата, такъ какъ они подготовляютъ будущую соціальную революцію. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что міровая исторія есть исторія классовой борьбы— именно, исторія медленнаго развитія классовъ, появленія классоваго сознанія, ведущаго къ классовой борьбѣ и соціальной революціи.

Только при такомъ истолкованіи ученіе о классовой борьбѣ можетъ претендовать на научное значеніе. Вмѣстѣ съ ученіемъ о производительныхъ силахъ оно образуетъ другую составную часть матеріалистическаго пониманія исторіи; оба эти ученія разсматривались Марксомъ, какъ нераздѣльное цѣлое. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ—это я постараюсь показать въ нижеслѣдующемъ изложеніи.

ГЛАВА II.

Психологическія предпосылки матеріалистическаго пониманія исторіи.

Марксъ и Гегель. Воля и разумъ, какъ движущія силы исторіи. Волюнтаристическое направленіе въ философіи и отношеніе къ нему Маркса. Общія черты въ психологическихъ воззрѣніяхъ просвѣтителей XVIII вѣка и Маркса.

Марксъ вышелъ изъ школы Гегеля и обыкновенно причисляется къ лѣвому крылу гегеліанцевъ. И дѣйствительно, нельзя отрицать извѣстнаго вліянія философіи Гегеля на воззрѣнія Маркса. Но вліяніе это далеко не такъ глубоко, какъ полагаютъ нѣкоторые критики Маркса. Такъ, напр., нельзя не признать крайнимъ преувеличеніемъ утвержденіе Дюринга, что «вся историческая философія Маркса покоится на гегелевскомъ отрицаніи отрицанія и должна имѣть одинаковую судьбу съ діалектикой Гегеля» [1]). Съ гораздо большимъ основаніемъ Марксъ утверждалъ въ предисловіи ко второму изданію I тома своего «Капитала», что его діалектическій методъ «по своей сущности не только отличенъ отъ метода Гегеля, но представляетъ прямую противоположность этому послѣднему методу», и что онъ лишь «кокетничалъ» гегелевской манерой выражаться. «Опредѣляя извѣстныя событія, какъ отрицаніе отрицанія,— говоритъ Энгельсъ,—Марксъ не думаетъ доказывать этимъ ихъ историческую необходимость; наоборотъ, доказавши, что извѣстныя событія частью произошли, частью должны произойти извѣстнымъ образомъ, онъ констатируетъ, что они совершаются согласно извѣстному діалектическому закону» [2]).

---

[1]) Dühring. „Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Sozialismus". 3 изд. 1879. Стр. 487 и слѣд.

[2]) Engels. „Dührings Umwälzung" и т. Стр. 136.

Замѣчаніе Энгельса очень характерно и выясняетъ истинную позицію творцевъ матеріалистическаго пониманія исторіи по отношенію къ діалектикѣ Гегеля. Въ «отрицаніи отрицанія» Энгельсъ не усматриваетъ историческаго закона, но все же нѣкоторый «діалектическій законъ». Странный законъ, который не можетъ служить доказательствомъ необходимости вытекающихъ изъ него выводовъ

На этомъ примѣрѣ всего легче понять роль гегелевской діалектики въ историко-философскихъ построеніяхъ Маркса. Марксъ не могъ совершенно освободиться отъ этой діалектики. До конца жизни онъ оставался, въ извѣстномъ смыслѣ, гегеліанцемъ—хотя въ концѣ почти лишь по способу выраженія. Но въ оболочку гегелевской діалектики Марксъ вложилъ совершенно другое идейное содержаніе, не имѣвшее ничего общаго съ идеями Гегеля.

Не только Гегель былъ идеалистическимъ метафизикомъ, въ то время какъ Марксъ принадлежалъ къ тому философскому направленію, которое можно назвать матеріалистической метафизикой, но и по своимъ общимъ психологическимъ и историко-философскимъ воззрѣніямъ оба мыслителя представляютъ собой крайнюю противоположность. Какъ психологъ и историкъ, Гегель раздѣлялъ убѣжденіе просвѣтителей XVIII вѣка, что разумъ является движущей силой сознательной жизни отдѣльнаго человѣка и всего общества. «Мнѣнія правятъ міромъ»—этимъ положеніемъ резюмируется психологія и историческая философія столѣтія великой революціи. Точно также и для Гегеля мыслительный процессъ, говоря словами Маркса, является «деміургомъ дѣйствительности». Это интеллектуалистическая философія исторіи была въ самой тѣсной связи съ интеллектуалистической психологіей, преобладавшей до самаго послѣдняго времени.

Направленіе это было господствующимъ вплоть до начала XIX вѣка, когда Фихте и особенно Шопенгауэръ произвели въ этомъ отношеніи полный переворотъ. Въ своемъ безсмертномъ сочиненіи «Міръ, какъ воля и представленіе» Шопенгауэръ впервые съ полной ясностью и опредѣленностью выставилъ положеніе, что «познаніе, какъ разумное, такъ и созерцательное, исходитъ первоначально изъ самой воли, принадлежитъ къ существу высшихъ

ступеней ея объективаціи въ качествѣ простой μηχανη, средства къ сохраненію индивидуума и рода, подобно всякому органу тѣла. Предназначенное къ служенію волѣ, къ исполненію ея цѣлей, оно почти всегда вполнѣ къ ея услугамъ; по крайней мѣрѣ, у всѣхъ животныхъ и почти у всѣхъ людей» [1]).

Эта точка зрѣнія является, конечно, совершенной противоположностью воззрѣніямъ Гегеля. Весьма интересно, что по этому рѣшающему пункту Марксъ является единомышленникомъ не Гегеля, но Шопенгауэра.

Шопенгауэръ, конечно, не оказалъ на Маркса никакого непосредственнаго вліянія. Но, повидимому, нѣкоторыя идеи Фихте вошли существеннымъ элементомъ въ міросозерцаніе Маркса. «Основной недостатокъ господствовавшаго доселѣ матеріализма,—говоритъ авторъ «Капитала» въ своихъ тезисахъ о Фейербахѣ,—заключается въ томъ, что предметъ, дѣйствительность, чувственно воспринимаемое, понимается имъ лишь подъ формой объекта или созерцанія, но не субъективно, какъ человѣческая вещественная дѣятельность, какъ практика. Поэтому дѣятельная, активная сторона была выражена идеализмомъ, въ противоположность матеріализму, но лишь абстрактно, ибо идеализмъ, естественно, не признаетъ реальной, чувственной, дѣятельности... Вопросъ о томъ, познаетъ ли человѣческая мысль объективную истину, есть вопросъ не теоріи, но практики. Человѣкъ практикой доказываетъ истину, т.-е. дѣйствительность и силу, реальность своей мысли. Споръ объ объективной истинности или неистинности мысли, поскольку споръ этотъ не касается практики, есть чисто схоластическій споръ... Практика составляетъ самую сущность общественной жизни. Весь загадочный элементъ исторіи, приводящій теорію къ мистицизму, находитъ свое раціональное объясненіе въ практикѣ человѣческой дѣятельности и въ пониманіи этой практики» [2]).

Кажется, что эти мысли непосредственно внушены Марксу Фихте. Въ своей полемической книгѣ, направленной противъ Бруно Бауэра, Марксъ съ полной опредѣлен-

---

[1]) „Міръ, какъ воля и представленіе". Переводъ Фета. Изд. 4. Стр. 157.

[2]) Engels. „Ludwig Feuerbach". 1895. Anhang. „Marx über Feuerbach". Стр. 59—61.

ностью высказывается по вопросу о приматѣ воли надъ разумомъ. «Идея,—замѣчаетъ онъ,—терпѣла всегда неудачу, поскольку она была различна отъ интереса. Съ другой стороны, легко видѣть, что всякій массовой интересъ, достигающій историческаго господства, далеко выходитъ, при своемъ появленіи на исторической сценѣ, въ своей идеѣ или представленіи, за свои истинные предѣлы и отождествляется съ общечеловѣческимъ интересомъ. Эта иллюзія образуетъ собой то, что Фурье называлъ господствующимъ тономъ эпохи» [1]).

Однако, было бы большой ошибкой признавать слабой стороной марксизма его близость къ нѣкоторымъ психологическимъ ученіямъ Фихте и Шопенгауэра. Философія Гегеля не можетъ въ настоящее время служить основаніемъ какой бы то ни было научной теоріи. Иное слѣдуетъ сказать о волюнтаризмѣ Шопенгауэра. Этому направленію принадлежитъ настоящее и, какъ можно думать, будущее.

Можно различать три важнѣйшихъ направленія въ научной психологіи—интеллектуалистическое, матеріалистическое и волюнтаристическое. Интеллектуалистическая психологія долгое время была господствующей. Къ этому направленію принадлежала англійская психологическая школа, также, какъ и нѣмецкіе метафизики XVIII вѣка. Матеріалистическая психологія получила особенное распространеніе во Франціи. Но въ новѣйшей научной психологіи господствуетъ не интеллектуалистическое и не матеріалистическое, а волюнтаристическое направленіе.

«Волюнтаризмъ является, быть можетъ, всего рѣзче выраженной тенденціей психологіи XIX-го вѣка; волюнтаризмъ есть форма, въ которой эмпирическая наука использовала произведенное Кантомъ и Фихте перемѣщеніе точки зрѣнія философіи изъ теоретическаго въ практическій разумъ. Въ Германіи особенно повліяла въ этомъ направленіи метафизика Фихте и Шопенгауэра» [2]). Односторонній и узкій раціонализмъ XVIII-го столѣтія ставилъ разсудокъ на первый планъ психической жизни человѣка; жизни

---

[1]) „Die Heilige Familie". Gesammelte Schriften von Marx und Engels. 1902. II. Стр. 182.

[2]) W. Windelband. Geschichte der Philosophie. 1900. Стр. 518.

чувства придавалось второстепенное значеніе. Однако, дѣйствительнымъ основаніемъ нашей психики слѣдуетъ признать не разсудокъ и не чувство, являющееся наименѣе свободнымъ и активнымъ элементомъ нашей духовной жизни, а волю. «Душевный міръ,—говоритъ Вундтъ,—есть царство воли. Рѣшающее значеніе имѣетъ воля, а не представленіе или мысль» [1]).

Къ волюнтаристическому направленію въ психологіи принадлежитъ, въ числѣ прочихъ, также и извѣстный датскій философъ Гаральдъ Гёффдингъ. «Если среди трехъ элементовъ психической жизни (познанія, чувства и воли) какой-либо одинъ слѣдуетъ признать основнымъ, то таковымъ, очевидно является воля», замѣчаетъ онъ въ своемъ извѣстномъ курсѣ психологіи [2]). Несостоятельность объясненія мыслительнаго процесса пассивной ассоціаціей представленій—объясненія столь распространеннаго среди англійскихъ психологовъ—превосходна разъяснена Виндельбандомъ въ одномъ изъ его очерковъ, столько же глубокихъ по содержанію, сколько изящныхъ по формѣ. Мыслительныхъ актовъ, лишенныхъ всякаго элемента чувства и воли, въ дѣйствительности, не существуетъ. «Въ турнирѣ психической жизни представленія суть лишь маски, подъ которыми скрываются отъ сознанія истинные борцы, чувства. Но что такое этотъ интересъ, эти чувства, опредѣляющія дѣйствительный ходъ нашихъ представленій? Не что иное какъ формы и способы обнаруженія безсознательной воли» [3]).

Каждый организмъ подвергается вліянію всѣхъ безчи-

---

[1]) Wilhelm Wundt. „Logik". Второе изд. 1895. „Methodenlehre". II. Стр. 17.

[2]) Höffding. „Psychologie". 3-е нѣмецк. изд. 1901. Стр. 134.

[3]) Windelband. „Präludien". 2 изд. 1903. Стр. 229. Риль указываетъ на заслуги Шопенгауэра, какъ основателя современнаго волюнтаризма. „Никто не понялъ глубже Шопенгауэра и не изобразилъ нагляднѣе его эти отношенія съ философской точки зрѣнія. Оставляя въ сторонѣ его метафизику воли, можно признать, что его соображенія по этому вопросу находятся въ полномъ согласіи съ современными эволюціонными воззрѣніями относительно функціональнаго значенія сознанія... Какъ по мнѣнію Шопенгауэра, такъ и по современнымъ научнымъ воззрѣніямъ интеллектъ есть нѣчто производное, вторичное, продуктъ организаціи, а не ея причина" Riehl. „Der philosophische Kriticismus". II. 1887. Стр. 204.

сленныхъ силъ внѣшней природы. Все въ природѣ находится въ активномъ взаимодѣйствіи—это положеніе, формулированное Кантомъ въ его «Критикѣ чистаго разума», какъ третья аналогія опыта [1]), является основаніемъ современнаго естествознанія. Самая отдаленная звѣзда не остается безъ вліянія на нашъ организмъ и подпадаетъ, въ свою очередь, его вліянію, какъ бы слабо оно ни было, благодаря чему весь міръ сплетается въ пеструю, но неразрывно прочную ткань. Въ окружающей насъ внѣшней матеріальной средѣ перекрещивается все неисчислимое множество силъ природы; безконечно разнообразные удары волнъ матеріальнаго міра постоянно поражаютъ матеріальную оболочку нашего духа. Сравнительно съ этимъ разнообразіемъ, наша сознательная жизнь крайне скудна и бѣдна содержаніемъ; наши впечатлѣнія далеко не отличаются такимъ же обиліемъ и такой же сложностью, какъ обильны и сложны внѣшніе раздражители. Только чрезвычайно малая часть этихъ послѣднихъ вызываетъ въ нашемъ духѣ соотвѣтствующія впечатлѣнія. По отношенію же ко всѣмъ остальнымъ, несравненно болѣе многочисленнымъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ, мы остаемся слѣпы и глухи; они не воспринимаются нашими органами чувствъ и мы совсѣмъ не замѣчаемъ ихъ существованія. Безконечной сложности внѣшней природы мы противопоставляемъ ограниченное число слабо дифференцированныхъ органовъ чувствъ, и все, что не дѣйствуетъ на нихъ, не существуетъ для нашего сознанія. Такъ, напр., мы не имѣемъ особыхъ органовъ чувства для воспріятія электрической энергіи—и она оставалась, по этой причинѣ, долгое время совершенно неизвѣстной человѣчеству.

Что же опредѣляется подборъ между тѣми внѣшними раздраженіями, которыя воспринимаются и которыя не воспринимаются нами? Не что иное, какъ практическій интересъ жизни. Органы чувствъ, какъ и сознаніе вообще, суть продукты борьбы за существованіе организмовъ. Сознаніе возникло для пользы жизни и представляетъ собой могущественнѣйшее орудіе въ борьбѣ за жизнь. Ощущенія обо-

[1]) Ср. Kant. „Kritik der reinen Vernunft“. Изд. Kirchmann. 5 изд. 1881. Стр. 223 и слѣд.

нанія, вкуса, слуха, зрѣнія служатъ первоначально только для того, чтобы облегчить животному нахожденіе пищи, бѣгство отъ врага, указывать самцу на присутствіе самки и т. д., и т. д... Воля къ жизни управляетъ развитіемъ сознанія, а не наоборотъ, не сознаніе управляетъ волей къ жизни. Практическій интересъ жизни указываетъ, какія внѣшнія раздраженія должны быть восприняты организмомъ, и какія нѣтъ; но организмъ заинтересованъ въ различеніи и воспріятіи лишь тѣхъ раздраженій внѣшняго міра, которыя могутъ быть ему такъ или иначе полезны въ его движеніяхъ. Поэтому, съ біологической точки зрѣнія, сознаніе есть не что иное, какъ регуляторъ движеній организма, руководимыхъ, въ свою очередь, волей къ жизни [1]).

Конечно, Марксъ не былъ ученикомъ Шопенгауэра. Но, какъ и Шопенгауэръ, онъ былъ человѣкомъ XIX-го вѣка, являющагося въ столь разнообразныхъ отношеніяхъ реакціей противъ просвѣтительной философіи столѣтія великой революціи. «Классическій духъ» XVIII-го вѣка—говоритъ Тэнъ—чуждался всего конкретнаго, индивидуальнаго исторически различнаго. Пустая абстракція человѣка, разсуждающая машина признавалась истиннымъ человѣкомъ, котораго опредѣляли, какъ «чувствующее и разсуждающее существо, избѣгающее страданія и стремящееся къ наслажденію». Всѣ различія въ нравахъ, соціальныхъ и естественныхъ условіяхъ жизни общества, историческихъ традиціяхъ и пр. совершенно игнорировались и только одно различіе считалось важнымъ—различіе въ образованіи, въ которомъ видѣли ключъ ко всѣмъ остальнымъ различіямъ. Достаточно распространить образованіе въ народныхъ массахъ, чтобы создать новый общественный строй. Государство есть не что иное, какъ общественный договоръ гражданъ, и только невѣжество народныхъ массъ дѣлаетъ этотъ договоръ такимъ невыгоднымъ для большинства [2]).

Марксъ понялъ, что не мнѣнія и не идеи людей, а ихъ

---

[1]) Ср. Alfred Fouillée. „La psychologie des Idées-Forces". 1893. I. Стр. 1 и слѣд.

[2]) Taine. „Les Origines de la France Contemporaine. L'ancien régime". 885. Книга 3.

интересы опредѣляютъ ходъ всемірной исторіи, и этимъ самымъ рѣзко разошелся съ міровоззрѣніемъ просвѣтителей. Признаніемъ примата воли надъ разумомъ нашъ авторъ примыкаетъ, какъ указано, къ новѣйшей волюнтаристической психологіи. Тѣмъ не менѣе, Марксъ не вполнѣ порвалъ связь съ раціонализмомъ XVIII-го вѣка. Характерной особенностью психологическихъ воззрѣній автора «Капитала» является чрезвычайно упрощенное представленіе о движущихъ силахъ человѣческаго духа, сильно напоминающее философію эпохи великой революціи. Изъ всего пестраго многообразія человѣческихъ интересовъ Марксъ обращаетъ вниманіе лишь на одинъ интересъ—экономическій въ узкомъ смыслѣ слова, понимая подъ нимъ стремленіе къ непосредственному поддержанію жизни. Марксъ шелъ въ этомъ отношеніи, пожалуй, даже дальше «просвѣтителей» XVIII-го вѣка. Философы эпохи просвѣщенія считали стремленіе къ наслажденію единственнымъ двигателемъ поведенія человѣка; а нашъ экономистъ замыкаетъ человѣческую психику въ еще болѣе тѣсный и узкій кругъ и признаетъ въ соціальномъ отношеніи важнымъ и значительнымъ только одинъ родъ стремленія къ наслажденію—потребность въ непосредственномъ поддержаніи своей жизни [1]). Правда, Марксъ не отрицаетъ разнообразія человѣческихъ потребностей и интересовъ; но онъ считаетъ исторически рѣшающимъ именно экономическій интересъ и ничего больше.

---

[1]) Ср. Wundt. „Ethik". 1903. I. Стр. 510 и слѣд.

ГЛАВА III.

Потребности, какъ движущія силы общественнаго развитія.

I. *Физіологическія потребности самосохраненія и чувственнаго наслажденія.* Производство непосредственной жизни. Роль различныхъ потребностей при развитіи хозяйства. Вліяніе условій добычи пищи на общественную жизнь.—II. *Половое влеченіе.* Голодъ и любовь. Развитіе семьи. Схема Моргана. Ея несостоятельность. Зависимость формъ семьи отъ условій хозяйства.—III. *Симпатическія влеченія.* Ихъ происхожденіе. Материнская любовь и общественные инстинкты. Альтруистическія чувства.—IV. *Эгоальтруистическія влеченія.* Ихъ значеніе, какъ движущей силы исторіи. Жажда власти.—V. *Потребности, не основанныя на практическомъ интересѣ.* Игра. Сущность и происхожденіе игры. Искусство. Познаніе. Роль практическаго интереса въ возникновеніи науки. Интересъ къ истинѣ. Религіозная потребность. Ея основа и соціальное значеніе.

Мы признали, что господствующимъ элементомъ сознательной жизни человѣка является воля, слуга которой—разумъ—исполняетъ то, что ему предписывается волей. Но воля дѣйствуетъ по опредѣленнымъ мотивамъ; мотивы же даются влеченіями, потребностями человѣка. Такимъ образомъ, признаніе первенства воли равносильно признанію первенства въ психической жизни влеченій и потребностей, которыя заложены въ нашей природѣ и которыя опредѣляютъ въ концѣ концовъ все наше поведеніе. А такъ какъ. далѣе, общество слагается изъ отдѣльныхъ личностей, каждая изъ которыхъ стремится къ удовлетворенію своихъ потребностей, то и общественная жизнь и дѣятельность не могутъ имѣть иной цѣли, кромѣ удовлетворенія разнообразныхъ потребностей отдѣльныхъ личностей, образующихъ общество.

Эти потребности могутъ быть разбиты на 5 слѣдующихъ основныхъ группъ:

1) физіологическія потребности въ непосредственномъ поддержаніи жизни и чувственномъ наслажденіи;

2) половая потребность;
3) симпатическіе инстинкты и потребности;
4) эгоальтруистическія потребности;
5) потребности, не основанныя на практическомъ интересѣ.

Каждую изъ этихъ группъ потребностей мы разсмотримъ отдѣльно и постараемся выяснить ея значеніе, какъ фактора общественнаго развитія.

I.

Первая группа потребностей образуетъ собой психологическую основу индивидуальной жизни и свойственна человѣку наравнѣ со всѣмъ животнымъ міромъ. Такъ какъ удовлетвореніе потребности въ поддержаніи жизни вызываетъ чувственное наслажденіе, то эта потребность легко переходитъ въ другую, тѣсно съ нею связанную—въ стремленіе къ чувственному наслажденію, какъ таковому, благодаря болѣе обильному и утонченному удовлетворенію физіологическихъ потребностей организма; стремленіе это далеко не всегда совпадаетъ съ потребностью самосохраненія и можетъ даже разрушительно дѣйствовать на жизнь организма (чувственные эксцессы всякаго рода).

Потребности этого рода удовлетворяются при помощи дѣятельности, которую Марксъ называетъ «производствомъ непосредственной жизни» и которую онъ отожествляетъ съ хозяйственной дѣятельностью вообще. Очевидно, что производство средствъ къ жизни есть необходимое предварительное условіе всякой иной дѣятельности. Отсюда Энгельсъ почерпнулъ свой важнѣйшій аргументъ въ пользу матеріалистическаго пониманія исторіи, который онъ повторяетъ неоднократно. Аргументъ этотъ заключается въ томъ, что «люди должны, прежде всего, ѣсть, пить, имѣть жилище и одежду, а уже потомъ они могутъ заниматься политикой, наукой, искусствомъ, религіей и пр.; производство непосредственныхъ матеріальныхъ средствъ къ жизни и, слѣдовательно, данная ступень экономическаго развитія народа или эпохи образуетъ, такимъ образомъ, основу, на которой развиваются государственныя учрежденія, правовыя

воззрѣнія, искусство и даже религіозныя вѣрованія данныхъ людей» [1]).

Конечно, нельзя заниматься политикой, когда нечего ѣсть и пить; въ этомъ Энгельсъ безусловно правъ. Но этой глубокой истиной еще далеко не исчерпывается вопросъ объ отношеніяхъ между «производствомъ непосредственной жизни» и политикой, искусствомъ, религіей и пр., такъ какъ отношенія эти далеко не такъ просты, какъ это кажется Энгельсу. Производство необходимыхъ средствъ къ жизни есть не только основа политики, религіи и пр., но и наоборотъ, религія, политика и пр. представляютъ собой основу этого производства.

Возьмемъ, напр., производство предметовъ одежды, составляющее чрезвычайно важную отрасль хозяйства вообще. Мы привыкли признавать одежду необходимой принадлежностью жизни. Однако, современная этнологія вполнѣ установила фактъ, что «человѣкъ создалъ предметы украшенія раньше, чѣмъ одежду; одежда, въ нѣкоторой своей части, есть не что иное, какъ преобразованные предметы украшенія» [2]). Существуютъ народы, лишенные какого бы то ни было признака одежды; но мы не знаемъ народовъ, не употребляющихъ никакихъ средствъ самоукрашенія. «Это раннее влеченіе человѣка къ индивидуальнымъ отличіямъ, къ тому, чтобы при помощи какого-либо искусственнаго признака обращать на себя вниманіе, какъ на особую личность, эта прирожденная потребность человѣка такъ же рѣзко выдѣляетъ его среди наиболѣе близкихъ къ нему видовъ животныхъ, какъ и употребленіе орудій труда [3]).

На то же самое указываетъ Ратцель. «То, что австралійцы носятъ, представляетъ собой скорѣе украшеніе, чѣмъ одежду» [4]). Точно также многія негритянскія племена въ Африкѣ пользуются одеждой скорѣе какъ средствомъ украшенія, чѣмъ какъ средствомъ предохраненія тѣла отъ дѣйствія холода и влаги: во время дождя они ходятъ нагіе, а въ хорошую, жаркую погоду облачаются въ ко-

---

[1]) „Der Socialdemokrat“. 1883. № 13. Рѣчь Энгельса на могилѣ Маркса Цитирована у Woltmann'a „Der historische Materialismus“. 1900. Стр. 213.

[2]) Lippert «Die Kulturgeschichte». 1885. I. Стр. 175.

[3]) Тамъ же, стр. 175—176.

[4]) Ratzel. „Völkerkunde“. II. 1886. Стр. 38.

жаныя и мѣховыя одежды. Подобные факты приводятъ Спенсера къ заключенію, «что корень происхожденія знака отличія и одежды одинъ и тотъ же... Платье, подобно знаку отличія, первоначально носится изъ желанія возбудить удивленіе» [1]).

Итакъ, одежда возникла изъ стремленія человѣка къ самоукрашенію и первоначально играла такую же роль, какую теперь играютъ знаки отличія. Само собою разумѣется, что пристрастіе дикарей ко всякаго рода предметамъ украшенія объясняется не сильнымъ развитіемъ среди нихъ эстетическаго чувства, а побудительными мотивами совершенно другого порядка. Всѣ наблюдатели говорятъ о чрезвычайномъ тщеславіи дикаря. Самоукрашеніе является для него лучшимъ средствомъ удовлетворить этому тщеславію. Одежды изъ шкуръ и мѣховъ являются у многихъ народовъ признакомъ вождей и вообще лицъ господствующаго класса. Слѣдовательно, «политика» играла, повидимому, едва ли не самую важную роль въ происхожденіи одежды. Политика и, до извѣстной степени, религія. По словамъ Липперта, «многіе первоначальные роды украшенія связаны такъ тѣсно съ религіознымъ культомъ, что совершенно невозможно установить, въ какой мѣрѣ они вызваны самимъ культомъ и въ какой страстью къ украшеніямъ» [2]).

Производство предметовъ пищи также подверглось, въ своемъ историческомъ развитіи, вліянію совершенно иныхъ потребностей, чѣмъ потребность въ питаніи. Переходъ къ скотоводству является чрезвычайно важной ступенью въ исторіи хозяйства. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что прирученіе животныхъ, откуда возникло скотоводство, произошло внѣ вліянія хозяйственныхъ мотивовъ. «Поппигъ называетъ южно-американскихъ индѣйцевъ мастерами въ дѣлѣ прирученія животныхъ, но указываетъ на то, что прирученными животными индѣйцевъ являются обезьяны, попугаи и другія, служащія для забавы. Ихъ хижины полны такими животными. Вообще можно думать, что естественное чувство общительности человѣка играло, при на-

[1]) Спенсеръ. „Основанія соціологіи". 1898. § 412. Стр. 210.
[2]) Lippert. Тамъ же. Стр. 177.

чалѣ прирученія животныхъ, большую роль, чѣмъ какія бы то ни было соображенія хозяйственной пользы; соображенія послѣдняго рода возникли гораздо позже. Человѣкъ, стоящій на низшихъ ступеняхъ культуры, вообще дѣлаетъ то, что его забавляетъ, и думаетъ о пользѣ лишь подъ давленіемъ крайней необходимости» [1]). По мнѣнію Моргана, «началомъ прирученія животныхъ явилось, вѣроятно, прирученіе собаки, какъ спутника при охотѣ, причемъ затѣмъ послѣдовало воспитаніе дѣтенышей другихъ животныхъ, просто для забавы» [2]). «Нельзя прослѣдить происхожденія склонности человѣка держать съ собой животныхъ,—замѣчаетъ Липпертъ.—Она смѣшивается въ своихъ первыхъ начаткахъ съ дѣтскою любовью къ играмъ; такъ и теперь охотникъ часто приноситъ домой дѣтямъ молодую лисицу, просто для того, чтобы дать имъ товарища въ игрѣ» [3]).

Такимъ образомъ, любовь къ игрѣ, повидимому, всего болѣе содѣйствовала прирученію животныхъ. Извѣстное вліяніе въ томъ же направленіи оказали и потребности религіознаго культа. Собака—самое древнее домашнее животное—признавалась и признается многими народами священнымъ животнымъ. Многія другія животныя служили также предметомъ религіознаго культа и воспитывались въ качествѣ таковыхъ. Наконецъ, тщеславіе и стремленіе къ господству надъ себѣ подобными были, безъ сомнѣнія, весьма сильными побудительными мотивами къ прирученію животныхъ; вожди многихъ дикихъ народовъ придерживаются до настоящаго времени обычая держать при себѣ прирученныхъ львовъ, леопардовъ, волковъ и другихъ опасныхъ животныхъ—появленіе прирученнаго опаснаго хищника рядомъ съ вождемъ должно было увеличивать обаяніе силы и власти вождя.

Итакъ, мотивы и интересы отнюдь не хозяйственнаго рода оказали самое глубокое вліяніе на развитіе хозяйства. Такія мало настоятельныя потребности, какъ потребности въ знакахъ отличія и предметахъ украшенія, непосред-

---

[1]) Ratzel. „Anthropogeographie". I. 1899. Стр. 494.

[2]) Morgan. „Die Urgesellschaft". Нѣм. переводъ Eichhoff. 1891. Стр. 35—36.

[3]) Lippert. Тамъ же. Стр. 128—129.

ственно вызвали чрезвычайно важныя отрасли хозяйственнаго производства. Вопреки Энгельсу, люди часто предпочитали полезному безполезное; прирученіе животныхъ возникло не вслѣдствіе хозяйственной выгодности таковаго, а изъ стремленія человѣка имѣть товарища въ играхъ. Конечно, очень неблагоразумно думать о пустякахъ, когда не хватаетъ необходимаго. Но люди (особенно первобытные) именно такія неблагоразумныя существа—и этого никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, чтобы правильно понимать совершенно ирраціональный ходъ всемірной исторіи.

Всѣмъ этимъ я, конечно, не хочу сказать, чтобы производство средствъ къ жизни не являлось основаніемъ общественной жизни. Жизнь первобытнаго человѣка посвящена, главнымъ образомъ, добычѣ пищи. Борьба за существованіе, играющая, согласно современнымъ воззрѣніямъ, столь выдающуюся роль въ исторіи развитія организмовъ, есть, прежде всего, борьба изъ за пищи. Правда, жизнь самаго первобытнаго человѣка гораздо богаче содержаніемъ, чѣмъ жизнь животнаго, и далеко не ограничивается заботой о самосохраненіи. Однако, непосредственное поддержаніе жизни является главнымъ содержаніемъ дѣятельности не только первобытнаго человѣка, но и массы цивилизованнаго человѣчества, и притомъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ ниже производительность труда. «До изобрѣтенія орудій и приготовленія огня добыча пищи и послѣдующій отдыхъ должны были поперемѣнно наполнять все время человѣка» [1]). «Охотничья добыча наиболѣе примитивныхъ племенъ,—говоритъ Гроссе,—въ общемъ такъ скудна, что не можетъ обезпечить ихъ отъ самой крайней нужды. Бушмены и австралійцы буквально голодаютъ. Жители Огненной Земли также живутъ въ крайней скудости. А въ разсказахъ эскимосовъ голодъ играетъ такую большую роль, что легко понять, какое ужасное значеніе онъ имѣетъ въ ихъ жизни» [2]). Недостатокъ средствъ къ пропитанію опредѣляетъ собой весь строй жизни примитивныхъ народовъ, живущихъ въ менѣе благопріятныхъ есте-

---

[1]) Lippert. „Kulturgeschichte“. III. Стр. 68.

[2]) Grosse. „Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft“. 1896. Стр. 36.

ственныхъ условіяхъ. Они не могутъ образовывать значительныхъ сообществъ, такъ какъ только небольшія группы ихъ могутъ найти достаточно пищи, должны вести бродячую жизнь, такъ какъ продолжительное пребываніе на одномъ мѣстѣ повело бы къ истощенію естественныхъ запасовъ пищи и т. д. Только народъ, избавленный отъ голоданія, можетъ принимать участіе въ міровой культурѣ: извѣстный уровень производительности труда есть, слѣдовательно, предварительное условіе цивилизаціи.

Условія производства пищи и вообще необходимыхъ средствъ къ жизни могутъ, слѣдовательно, стать рѣшающимъ факторомъ соціальной жизни, а именно въ томъ случаѣ, когда данная общественная группа страдаетъ недостаткомъ этихъ средствъ. Но если людямъ не угрожаетъ опасность голоданія, то въ нихъ пробуждаются разнообразныя потребности, не имѣющія ничего общаго съ потребностью питанія и оказывающія, какъ мы видѣли, самое существенное вліяніе на развитіе «производства непосредственной жизни».

II.

Рядомъ съ голодомъ въ человѣческой природѣ заложено другое могучее влеченіе, не менѣе необходимое для сохраненія рода—половое влеченіе. Голодъ и любовь—вотъ двѣ силы, которыми, по извѣстнымъ словамъ Шиллера, природа поддерживаетъ міръ. Чрезвычайно характерно для склонности Маркса и Энгельса къ естественнонаучнымъ объясненіямъ исторіи, что они уступили искушенію признать и эту вторую чисто физіологическую потребность человѣка рѣшающимъ факторомъ историческаго развитіе. Это преобразованіе историческаго матеріализма было совершено, какъ извѣстно, Энгельсомъ въ его книгѣ о происхожденіи семьи.

Искусителемъ явился американецъ Морганъ. Въ своемъ знаменитомъ произведеніи «Первобытное общество» Морганъ сдѣлалъ смѣлую попытку установить общіе законы развитія семьи во всемъ мірѣ. Исходя изъ убѣжденія въ единствѣ происхожденія человѣческаго рода, онъ утверждалъ, что фазисы развитія семьи одинаковы у всѣхъ на-

родовъ міра, какъ бы ни были различны условія жизни каждаго изъ нихъ [1]). Всюду находилъ онъ однѣ и тѣ же формы семьи, исторически смѣнявшія другъ друга въ одной и той же неизмѣнной послѣдовательности.

Попытку Моргана нужно признать въ настоящее время рѣшительно неудавшейся. Новѣйшія этнологическія наблюденія съ очевидностью доказали несостоятельность всей эволюціонной схемы Моргана, отправнымъ пунктомъ которой является «семья кровныхъ родственниковъ», хотя реальность этой формы семьи, по признанію самого Моргана, «должна быть установлена другими данными, чѣмъ непосредственнымъ указаніемъ на существованіе ея у какого-либо народа» [2]). Точнѣе говоря, эта форма семьи существовала только въ фантазіи автора «Первобытнаго общества». Затѣмъ въ схемѣ Моргана слѣдуютъ другія формы семьи, найденыя имъ у самыхъ различныхъ народовъ, и все вмѣстѣ вытягивается имъ въ прямолинейный рядъ, образующій, по мнѣнію смѣлаго автора, неизбѣжный законъ развитія семьи во всемъ мірѣ.

Поистинѣ удивительно, какимъ образомъ вся эта конструкція, совершенно висящая въ воздухѣ, соблазнила Маркса и Энгельса отказаться отъ основной идеи ихъ историко-философской системы! Но какъ не признать такимъ отказомъ, напримѣръ, слѣдующее заявленіе Энгельса въ предисловіи къ его книгѣ о происхожденіи семьи: «Общественныя учрежденія людей извѣстной исторической эпохи и извѣстной страны опредѣляются двумя родами производства: ступенью развитія, съ одной стороны, труда, съ другой—семьи. Чѣмъ менѣе развитъ трудъ, чѣмъ ограниченнѣе количество его продуктовъ, а, слѣдовательно, и общественное богатство, тѣмъ въ большей мѣрѣ общественный строй опредѣляется половыми узами» [3]). Итакъ, не одинъ моментъ—матеріальные факторы хозяйства,—но два особыхъ и совершенно независящихъ другъ отъ друга момента управляютъ общественной жизнью.

---

[1]) Ср. Morgan. Die „Urgesellschaft“. Стр. 319.

[2]) Тамъ же, стр. 337.

[3]) Предисловіе къ книгѣ Engels'a. „Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats“.

Дѣйствительно ли, однако, соображенія Моргана такъ неотразимы, что ради нихъ необходимо столь радикально измѣнить доктрину историческаго матеріализма? Конечно, нѣтъ. Болѣе того—если въ какой-либо области соціальвой жизни экономическія условія играютъ рѣшающую роль, то это именно въ области семьи.

«Вѣра въ теорію Моргана,—замѣчаетъ съ полнымъ основаніемъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ исторіи семьи, Гроссе,—теряла почву по мѣрѣ того, какъ возрастало знакомство съ фактами этнологіи»[1]). Такъ, авторъ «Первобытнаго общества» признавалъ матріархатъ первоначальной семейной организаціей, задолго предшествовавшей патріархату. Это оказалось совершенной ошибкой: болѣе полное и точное наблюденіе семейныхъ отношеній у наиболѣе примитивныхъ народовъ обнаружило, что патріархальная семья является у нихъ правиломъ. Женщина у низшихъ народностей есть въ полномъ смыслѣ слова собственность и раба, вьючное животное мужчины, который свободно располагаетъ жизнью ея и дѣтей[2]). Величайшей ошибкой Моргана была, однако, его основная идея, вѣра въ сходство, даже тождественность развитія семьи у всѣхъ народовъ. Дѣйствительные факты совершенно опровергаютъ эту вѣру. Не существуетъ и не можетъ существовать общаго закона развитія семьи, такъ какъ формы семьи опредѣляются условіями жизни каждаго народа, которыя весьма различны. Семья не образуетъ собой соціальнаго явленія, независимаго отъ другихъ соціальныхъ моментовъ, но находится съ ними въ самомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи, благодаря чему никакихъ особыхъ законовъ развитія семьи быть не можетъ.

Такъ, напримѣръ, существованіе у нѣкоторыхъ народовъ матріархата объясняется экономическими условіями ихъ жизни. Матріархатъ есть сравнительно позднее явленіе и наблюдается только среди земледѣльческихъ народовъ. У охотничьихъ племенъ власть въ семьѣ принадле-

---

[1]) „Die Formen der Familie". Стр. 4.

[2]) На самой низшей ступени общества „единственной властью является власть мужчины надъ женщиной и дѣтьми, власть совершенно неограниченная и полная" Richard Hildebrand. Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. 1896. Стр. 5.

житъ мужчинѣ; наибольшаго развитія патріархатъ достигаетъ у пастушескихъ народовъ. Всѣ эти различія характера семьи объясняются различіемъ экономическихъ условій существованія каждаго народа: охота и скотоводство представляютъ собой занятія мужчины, между тѣмъ какъ земледѣліе развилось изъ собиранія зеренъ растеній, что было первоначально всецѣло женскимъ занятіемъ. Поэтому у самыхъ примитивныхъ земледѣльческихъ народовъ земля нерѣдко признается собственностью женщинъ, и на основѣ экономическаго господства женщины совершенно естественно возникло ея господство въ семьѣ и племени.

Поэтому, неудивительно, что отказъ Маркса и Энгельса отъ ихъ собственной историко-философской доктрины въ пользу теоріи Моргана встрѣтилъ сочувствіе далеко не у всѣхъ марксистовъ. Куновъ, среди марксистовъ безспорно лучшій знатокъ условій жизни первобытныхъ народовъ, объясняетъ развитіе семьи условіями хозяйства. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ Гроссе, не принадлежащій къ числу сторонниковъ матеріалистическаго пониманія исторіи, что придаетъ его мнѣнію въ данномъ случаѣ еще большій вѣсъ. Послѣ всесторонняго изслѣдованія формъ семьи у различныхъ народовъ онъ приходитъ къ заключенію, «что при каждой формѣ культуры господствуетъ такая форма семейной организаціи, которая соотвѣтствуетъ даннымъ отношеніямъ и потребностямъ хозяйства» [1]).

Итакъ, нѣтъ никакихъ основаній признавать развитіе семьи самостоятельнымъ соціальнымъ процессомъ, находящимся внѣ вліянія экономическихъ условій. Половое чувство такъ же необходимо для поддержанія рода, какъ и чувство самосохраненія индивида; но значеніе обоихъ чувствъ, какъ факторовъ соціальнаго развитія, глубоко различно. Стремленіе къ улучшенію хозяйственныхъ условій существованія толкаетъ человѣчество все впередъ, вызываетъ его на неустанную борьбу съ природой, такъ какъ каждая достигнутая ступень развитія хозяйства указываетъ человѣчеству на новыя цѣли, является основаніемъ для новыхъ усилій; а половое чувство имѣетъ консервативный характеръ и легко достигаетъ удовлетворенія. Между тѣмъ

[1]) Grosse. „Die Formen der Familie". Стр. 245.

какъ въ области хозяйства движеніе человѣчества представляетъ собой поступательную линію, уходящую почти въ безконечность, въ области половой любви человѣчество вращается почти въ кругѣ. Формы семьи нѣкоторыхъ примитивныхъ народцевъ мало отличаются отъ семейныхъ формъ цивилизованныхъ націй нашего времени. По отношенію къ положенію женщины въ семьѣ мы, со всей нашей цивилизаціей, мало ушли впередъ, а, можетъ быть, находимся и позади сравнительно съ ирокезами, которыхъ такъ превосходно описалъ Морганъ. Это показываетъ, быть можетъ, всего нагляднѣе, какую незначительную роль въ соціальномъ прогрессѣ играетъ моментъ половой любви и какъ ошибочно видѣть въ «любви» соціальный факторъ, равносильный «голоду».

III.

Существованіе въ человѣческой природѣ особыхъ симпатическихъ чувствъ, не сводимыхъ ни къ какимъ инымъ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Чувства эти, повидимому, двоякаго происхожденія. Съ одной стороны, они развились на основѣ одного изъ сильнѣйшихъ человѣческихъ чувствъ— материнской любви и вообще любви родителей къ дѣтямъ. Что касается до этого чувства, то оно такъ же стихійно и первоначально, какъ и чувство самосохраненія или половой инстинктъ. Среди многихъ животныхъ видовъ мы встрѣчаемъ примѣры сильнѣйшей материнской любви, въ то время какъ у другихъ видовъ не замѣчается никакой заботы родителей о своемъ потомствѣ. Эти различія всего лучше объясняются дѣйствіемъ естественнаго подбора: если для сохраненія вида необходимо охраненіе родителями потомства, то родители (обыкновенно, мать) заботятся о своихъ дѣтенышахъ, если же нѣтъ, то родители остаются къ нимъ совершенно равнодушны. Послѣднее замѣчается у тѣхъ животныхъ видовъ, которые кладутъ массу яицъ, достаточно обезпечивающую своимъ количествомъ сохраненіе вида.

Новорожденный человѣкъ нуждается въ материнскомъ уходѣ въ гораздо большей степени, чѣмъ какое-либо другое животное. Безъ материнской любви человѣческій родъ не могъ бы существовать, что и объясняетъ силу этого чувства

въ душѣ человѣка. На этой почвѣ возникаютъ чувства симпатіи между членами семьи.

Другимъ корнемъ симпатическихъ чувствъ, соединяющихъ въ одно цѣлое не только кровныхъ родственниковъ, но и совершенно чуждыхъ людей, является столь же стихійный, какъ и материнская любовь, общественный инстинктъ человѣка. Какъ и материнская любовь, этотъ инстинктъ свойственъ не только человѣку, но и многимъ животнымъ. Нѣкоторые животные виды живутъ только группами, между тѣмъ какъ другіе не обнаруживаютъ къ этому никакой склонности, что опять-таки естественнѣе всего объясняется условіями борьбы за существованіе. Крупные хищники, какъ львы и тигры, не принадлежатъ къ числу общественныхъ животныхъ, и это понятно, такъ какъ ихъ добыча разсѣяна на большомъ пространствѣ; стадо львовъ или тигровъ обречено было бы на гибель отъ голода. Напротивъ, дикіе ослы, быки, антилопы живутъ большими стадами, обнаруживая при этомъ чрезвычайную потребность въ обществѣ себѣ подобныхъ; зависитъ это отъ того, что отъ недостатка пищи стадо травоядныхъ не страдаетъ, а между тѣмъ соединеніе въ стадо уменьшаетъ для травоядныхъ опасность нападенія хищниковъ, облегчаетъ защиту отъ нихъ и бѣгство. Одинокая антилопа неминуемо должна была бы погибнуть—потому въ ней такъ и развитъ общественный инстинктъ [1]).

Общественный инстинктъ слагается, по мнѣнію Грооса, изъ двухъ болѣе элементарныхъ — изъ инстинктивнаго стремленія къ приближенію къ себѣ подобнымъ и изъ стремленія издавать звуки призыва и предупрежденія и отвѣчать на нихъ [2]). Эти болѣе простые инстинкты свойственны всѣмъ общественнымъ животнымъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и человѣкъ. Мы не знаемъ ни одного человѣческаго племени, которое не жило бы болѣе или менѣе значительными группами. Сила общественнаго инстинкта человѣка доказывается тяжелыми страданіями, ко-

---

[1]) Ср. Спенсеръ. „Основанія психологіи“. Часть VIII, гл. V. Также Ammon. „Der Ursprung des socialen Triebe“. Zeitschrift für Socialwissenchaft. 1901.

[2]) Karl Groos. „Die Spiele der Menschen“. 1899. Стр. 431.

торыя причиняетъ человѣку принудительное изолированіе его отъ общества себѣ подобныхъ (напримѣръ, въ одиночномъ заключеніи).

Инстинктивная любовь кровныхъ родственниковъ и общественный инстинктъ людей представляютъ собой важнѣйшую психологическую основу человѣческаго общества. Симпатическія чувства и взаимная любовь, которую Контъ назвалъ въ противоположность эгоизму альтруизмомъ, естественно развиваются между людьми, принадлежащими къ одному и тому же обществу. Наличность въ человѣческой природѣ альтруистическихъ чувствъ есть фактъ безспорный. Вопросъ только въ томъ, достигаютъ ли эти чувства въ современныхъ людяхъ такого развитія, чтобы ихъ можно было признавать крупной соціальной силой.

Одинъ современный соціологъ — Бэнжамэнъ Киддъ — сдѣлалъ попытку доказать именно это. По его мнѣнію, общественный прогрессъ нашего времени выражается въ чрезвычайномъ распространеніи въ широкихъ общественныхъ слояхъ и, въ частности, въ господствующихъ классахъ интенсивнаго чувства гуманности и жалости къ страданіямъ другого [1]). Къ этому заключенію Киддъ пришелъ на основаніи оригинальныхъ соціологическихъ соображеній, отправнымъ пунктомъ которыхъ является положеніе, что не интеллектуальная одаренность, но моральная сила обезпечиваетъ народу побѣду въ борьбѣ за существованіе.

Съ послѣднимъ можно согласиться. Но Киддъ глубоко заблуждается относительно характера моральныхъ свойствъ, необходимыхъ народу для побѣды надъ соперниками. Пока война не исчезла съ міровой арены, до тѣхъ поръ естественный подборъ не можетъ укрѣплять въ людяхъ альтруистическія чувства. Жестокость и невоспріимчивость къ чужимъ страданіямъ являются необходимыми свойствами хорошаго солдата. Киддъ очень высокаго мнѣнія о національномъ характерѣ англосаксовъ и видитъ въ послѣднемъ главную причину промышленныхъ и политическихъ успѣховъ англичанъ и американцевъ. Если это и такъ, то, конечно, только національное самоослѣпленіе внушило англій-

[1]) Benjamin Kidd. „Sociale Evolution". Нѣмецкій переводъ. Стр. 147 и слѣд.

скому соціологу мысль, что преимущества англосаксовъ передъ всѣми другими заключаются въ исключительномъ развитіи у нихъ альтруистическихъ чувствъ. Не альтруизмъ, но упорство и энергія въ преслѣдованіи своихъ, по большей части, совершенно эгоистическихъ цѣлей, мужество и настойчивость, съ какими преодолѣваются препятствія—вотъ что обезпечило англосаксамъ побѣду надъ соперниками. Что же касается до разсужденій Кидда о горячей любви къ ближнимъ капиталистовъ и вообще лицъ господствующихъ классовъ, то разсужденія эти слишкомъ наивны, чтобы нуждаться въ опроверженіи.

Именно условія борьбы за существованіе въ современномъ обществѣ объясняютъ намъ, почему альтруистическія чувства имѣютъ пока такое слабое развитіе. «Какъ бы это ни казалось страннымъ,—говоритъ Спенсеръ,—но слѣдуетъ признать, что усиленіе гуманныхъ чувствъ не идетъ шагъ за шагомъ по слѣдамъ цивилизаціи, но, что, напротивъ, первыя ступени цивилизаціи неизбѣжно обусловливаютъ относительную безчеловѣчность. Среди племенъ первобытныхъ людей, самыя грубыя скорѣе, чѣмъ самыя добрыя, успѣвали въ той борьбѣ, которая имѣла результатомъ объединеніе и отвердѣніе обществъ; и втеченіе многихъ послѣдующихъ стадій общественной эволюціи безсовѣстныя давленія на общество извнѣ и жестокія внутреннія насилія долгое время были обычными спутниками политическаго развитія. Люди, соперничество которыхъ образовало наилучше организованныя общества, были вначалѣ, да и долгое время потомъ, не что иное, какъ дикари, но болѣе другихъ сильные и хитрые. И даже теперь, если они освобождаются отъ вліяній, которыя по наружности измѣнили ихъ поведеніе, они оказываются немногимъ лучше» [1]).

Такъ какъ политическая организація слагалась подъ вліяніемъ войнъ, то естественно, что именно наиболѣе воинственныя, т.-е., наиболѣе кровожадныя и жестокія народности достигли цивилизаціи. И теперь существуетъ не мало первобытныхъ племенъ, отличающихся удивительной мягкостью нравовъ и далеко превосходящихъ въ этомъ отно-

---

[1]) Спенсеръ. „Основанія соціологіи“. II. Стр. 240.

шеніи цивилизованныя расы; но характерно, что всѣ эти племена почти лишены политической организаціи [1]).

Современный капиталистическій строй столь же мало благопріятствуетъ развитію альтруистическихъ чувствъ, какъ и военная организація общества прежняго времени. Нравы теперь не такъ грубы, убійство и другія формы физическаго насилія внушаютъ больше отвращенія и признаются допустимыми только въ исключительныхъ случаяхъ—напр., во время войнъ, которыя стали рѣже и менѣе продолжительны. Мы, несомнѣнно, не такъ жестоки, какъ наши кровожадные предки. Но капиталистическій строй не является благодарной почвой для широкаго развитія альтруизма. Насиліе приняло теперь болѣе мягкія формы, но отнюдь не прекратилось; капиталистическое хозяйство, какъ и рабское и феодальное, покоится на присвоеніи чужого труда, на эксплоатаціи немногими огромнаго большинства. Безпощадная конкуренція, ставшая, благодаря капиталистическому способу производства, условіемъ хозяйственнаго успѣха, повела къ чрезвычайному обостренію борьбы за существованіе, которая, несмотря на большую мягкость своихъ внѣшнихъ проявленій, требуетъ теперь большаго напряженія силъ личности. Связь наличныхъ денегъ (cash-nexus, по выраженію Карлэйля) не есть связь нѣжной любви.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что альтруистическія чувства никогда не были сколько-нибудь могущественнымъ факторомъ соціальнаго развитія. Это такъ же вѣрно относительно нашего времени, какъ и относительно прошлаго. Симпатическія чувства сильны только въ сравнительно тѣсныхъ группахъ людей. Это и понятно, такъ какъ способность человѣка къ симпатіи основывается на способности воспроизводить въ своемъ сознаніи чувства и ощущенія другого, для чего, въ свою очередь, требуется извѣстная общность психической жизни людей. Чѣмъ больше эта общность, тѣмъ сильнѣе и чувство симпатіи. По этой причинѣ симпатическое чувство достигаетъ наибольшей силы въ предѣлахъ семьи—и только въ этомъ узкомъ

---

[1]) См. Спенсеръ. „Основанія соціологіи“. §§ 437 и 574; „Основанія этики“, § 153.

кругу мы встрѣчаемъ дѣйствительно сильную и готовую къ самопожертвованію, дѣятельную любовь. Люди, принадлежащіе къ тому же соціальному классу, симпатизируютъ другъ другу, какъ общее правило, сильнѣе, чѣмъ люди разныхъ классовъ. Такимъ образомъ возникаетъ классовое чувство, вступающее въ тѣсную связь съ эгоистическими и эго-альтруистическими чувствами и въ такой формѣ являющееся однимъ изъ могущественныхъ двигателей исторіи. Національное чувство столь же мало основано на чистомъ альтруизмѣ, какъ и классовое чувство, такъ какъ главную роль въ немъ играютъ эгоальтруистическіе элементы (національная гордость, жажда славы).

Національность нерѣдко представляетъ собой крайній предѣлъ для симпатическихъ чувствъ современнаго человѣка. Между людьми различныхъ расъ симпатическое чувство можетъ совершенно отсутствовать, что, разумѣется, не оправдываетъ жестокости европейцевъ по отношенію къ цвѣтнымъ расамъ, но объясняетъ ее.

IV.

Если современный человѣкъ не способенъ сильно симпатизировать страданіямъ другого, чуждаго ему человѣка, зато онъ въ высшей степени воспріимчивъ къ одобренію или неодобренію его поведенія общественнымъ мнѣніемъ. «Я никогда никому не скажу этого,—говоритъ у Толстого князь Андрей Болконскій, — но, Боже мой! что же мнѣ дѣлать, ежели я ничего не люблю, какъ только славу, любовь людскую. Смерть, раны, потеря семьи, ничто инѣ не страшно. И какъ ни дороги, ни милы мнѣ многіе люди: отецъ, сестра, жена—самые дорогіе мнѣ люди; и какъ ни странно и ни неестественно это кажется, я всѣхъ ихъ отдамъ сейчасъ за минуту славы, торжества надъ людьми, за любовь къ себѣ людей, которыхъ я не знаю и не буду знать» [1]).

Совокупность чувствъ этого рода, названныхъ Спенсеромъ эгоальтруистическими, является однимъ изъ самыхъ

---

[1]) „Война и Миръ“. Изд. 7-е. Стр. 429,

могущественныхъ двигателей поведенія какъ цивилизованнаго, такъ и нецивилизованнаго человѣка.

«Даже самый примитивный человѣкъ, — утверждаетъ Липпертъ,—не довольствуется простымъ животнымъ существованіемъ; онъ хочетъ возбуждать вниманіе, имѣть значеніе для себѣ подобныхъ» [1]). «Какъ ни велико тщеславіе, обнаруживаемое цивилизованнымъ человѣкомъ, оно все-таки уступаетъ тому, которое обнаруживаетъ человѣкъ нецивилизованный, — замѣчаетъ Спенсеръ. — Самоукрашеніе занимаетъ мысли какого-нибудь дикаго вождя въ еще большей степени, чѣмъ мысли какой-нибудь свѣтской дамы нашихъ дней» [2]). Дикарь охотно переноситъ самыя тяжелыя физическія мученія (какъ, напр., татуированіе и изуродованія различныхъ частей тѣла), лишь бы придать себѣ болѣе внушительный видъ. «Фиджійскій вождь, волосы котораго, благодаря прическѣ, торчатъ, какъ щетина, въ разныя стороны, не можетъ во время сна положить свою голову, но долженъ держать ее на вѣсу, подпирая особой подставкой шею. Кольца въ носу, куски дерева въ нижней губѣ, которые носятъ ботокуды, обтачиваніе зубовъ въ острые треугольники, къ которому прибѣгаютъ малайцы, все это переносится, конечно, не легко, но все же охотно переносится, какъ и самоистязанія, которымъ себя подвергаютъ люди для умилостивленія боговъ» [3]).

Именно тщеславіе первобытнаго человѣка объясняетъ пристрастіе дикарей къ блестящимъ бездѣлушкамъ, привозимымъ европейцами. Конечно, не эстетическія соображенія побуждаютъ негритянскаго князька съ гордостью выступать въ европейскомъ костюмѣ передъ своими чернокожими подданными, но побужденія такого же рода, какъ и тѣ, которыя заставляютъ французскаго буржуа такъ высоко цѣнить знаменитую красную ленточку.

Въ «Основаніяхъ психологіи» Спенсеръ указываетъ, какимъ могущественнымъ мотивомъ человѣческаго поведенія былъ и остается страхъ передъ общественнымъ мнѣ-

---

[1]) Lippert. „Kulturgeschichte". I. Стр. 176.
[2]) „Основанія соціологіи". 1898 г. I. Стр. 41.
[3]) Wundt. „Ethik". I. 1893 г. Стр. 152.

ніемъ. Только совершенно исключительныя натуры способны къ сильнымъ альтруистическимъ чувствамъ; но почти не существуетъ людей, совершенно равнодушныхъ къ общественному мнѣнію. Объясняется это условіями существованія современнаго общества. Чѣмъ сплоченнѣе общество, чѣмъ тѣснѣе связаны его части, чѣмъ сильнѣе зависимость индивида отъ общественнаго цѣлаго, тѣмъ больше основаній имѣетъ каждый отдѣльный человѣкъ бояться общественнаго мнѣнія и регулировать имъ свое поведеніе. Политически организованное общество обладаетъ властью непосредственнаго принужденія непокорной воли отдѣльныхъ лицъ; награда же, обѣщаемая обществомъ послушнымъ, такъ же велика, какъ и кара ослушникамъ. Классовая борьба и война, препятствующія распространенію альтруистическихъ чувствъ, благопріятствуютъ развитію честолюбія, становящагося, поэтому, главнымъ двигателемъ человѣческаго поведенія. Утвержденіе Ницше, что «воля къ власти» есть самое существо человѣка, заключаетъ въ себѣ по отношенію къ нашему времени много вѣрнаго.

Христіанскій моральный идеалъ есть выраженіе высочайшаго альтруизма; но дѣйствительное поведеніе современныхъ людей опредѣляется не этимъ этическимъ идеаломъ. Такъ, христіанская религія требуетъ прощать обиды. Современное общество выработало, однако, свой собственный кодексъ чести, признающій прощеніе обидъ величайшимъ позоромъ, и какъ мало мы видимъ людей, имѣющихъ мужество предпочитать велѣнія Христа требованіямъ условной чести! Заповѣди Христа любить враговъ своихъ современное государство противопоставило требованіе убивать враговъ на войнѣ, и война ведется христіанскими народами съ величайшей безпощадностью. Христіанская мораль требуетъ отказа отъ богатства и признаетъ великимъ грѣхомъ не подать милостыни неимущему; господствующіе нравы, напротивъ, вполнѣ оправдываютъ богатство и караютъ нищенство какъ преступленіе. Коротко говоря, христіанская мораль несовмѣстима съ основами капиталистическаго общества и самый фактъ его существованія доказываетъ, что не христіанскій этическій идеалъ, но правила поведенія совершенно иного рода регулируютъ жизнь современнаго общества. Психологической основой

этихъ правилъ являются чувства эгоальтруистическаго характера [1]).

Классовое чувство, чувство солидарности съ представителями того же класса, есть очень сложное чувство, въ составъ котораго входятъ различные элементы, но преобладающую роль играютъ эгоистическіе и эгоальтруистическіе. Естественное симпатизированіе другъ другу людей, находящихся въ одинаковомъ положеніи, содѣйствуетъ, конечно, возникновенію этого чувства, но его главной основой является отнюдь не элементъ взаимной симпатіи. Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что люди того же класса рѣдко обнаруживаютъ значительную готовность безкорыстно помогать другъ другу. Развитію взаимной любви между лицами того же класса препятствуетъ конкуренція между ними, заставляющая ихъ нерѣдко больше бояться, чѣмъ любить другъ друга. Но тѣ же люди весьма часто обнаруживаютъ по отношенію къ другимъ классамъ чрезвычайную солидарность и защищаютъ, какъ, напр., французское дворянство въ эпоху революціи, съ величайшимъ самопожертвованіемъ интересы своего класса. Чувство сословной чести, стремленіе согласовать свое поведеніе съ общественнымъ мнѣніемъ своего класса, а затѣмъ сознаніе тѣсной связи между интересами класса и своими личными играетъ въ подобныхъ случаяхъ рѣшающую роль.

Даже тѣ немногіе люди, которые рѣшаются идти противъ общественнаго мнѣнія своего времени, не могутъ освободиться отъ вліянія общественнаго мнѣнія вообще. Они презираютъ настоящее, но тѣмъ болѣе они вѣрятъ въ будущее. Они освобождаются отъ подчиненія реальному общественному мнѣнію настоящаго только благодаря тому, что представляютъ себѣ идеальное общественное мнѣніе будущаго и чувствуютъ себя зависимыми отъ послѣдняго [2]).

Національное чувство точно также слагается изъ альтруистическихъ, эгоистическихъ и эгоальтруистическихъ чувствъ, при чемъ послѣднія рѣшительно преобладаютъ. Національное чувство является гораздо меньше любовью

---

[1]) Ср. Спенсеръ. „Основанія психологіи“. §§ 521, 522.

[2]) Ср. Lacombe. „De l'histoire considerée comme science“. 1894. Гл. III.

къ людямъ той же національности, чѣмъ непріязнью или даже отвращеніемъ къ людямъ другихъ національностей. Гордость принадлежности къ могущественной націи, отвращеніе къ чуждымъ нравамъ и образу жизни, сознаніе общности интересовъ, связывающихъ человѣка совершенно эгоистически съ людьми его національности—вотъ важнѣйшія основы этого чувства, играющаго такую выдающуюся роль въ исторіи.

Стремленіе къ власти, почестямъ, славѣ есть, наряду съ чувствомъ самосохраненія и жаждой чувственныхъ наслажденій, важнѣйшій мотивъ человѣческаго поведенія. Борьба за власть имѣетъ въ исторіи человѣчества такое же значеніе, какъ и борьба за существованіе. Это является однимъ изъ характернѣйшихъ признаковъ человѣческой исторіи, въ отличіе отъ исторіи развитія какого-нибудь животнаго вида.

Даже стремленіе къ богатству, къ хозяйственному благополучію, которое нерѣдко противопоставляютъ стремленію къ власти, вызывается въ значительной мѣрѣ стремленіемъ этого послѣдняго рода. Люди стремятся къ богатству не только вслѣдствіе чувственныхъ удовольствій, которыя оно доставляетъ, но не менѣе и вслѣдствіе доставляемой богатствомъ власти надъ людьми. Психологія скупости объясняется, главнымъ образомъ, этимъ мотивомъ [1]). Если бы жажда богатства была просто жаждой чувственныхъ наслажденій, то она должна была бы находить свою границу въ ограниченности этихъ послѣднихъ. Однако, такихъ границъ для жажды богатства нѣтъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ крупныя историческія движенія были и остаются въ непосредственной связи со стремленіемъ къ власти отдѣльныхъ лицъ и народныхъ массъ. Конечно, войну нельзя объяснить только этимъ мотивомъ. Но нельзя отрицать и того, что честолюбіе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ націй, весьма часто толкало людей на войну. И политическая, и соціальная исторія міра приняла бы совершенно иной видъ, если бы эгоальтруистическія чувства не играли такой первенствующей роли въ жизни человѣка.

---

[1]) Ср. Gurewitsch. „Die Entwicklung der menschlichen Bedürfnisse". 1900. Стр. 48.

V.

Практическій интересъ господствуетъ въ жизни человѣка, но не исчерпываетъ ея. Въ человѣческой природѣ есть потребности, которыя не направлены на практическіе интересы жизни и которыя, поэтому, я называю потребностями, не основанными на практическомъ интересѣ. Простѣйшей изъ нихъ является потребность въ игрѣ.

Игра, конечно, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ сознательная жизнь, такъ какъ низшія животныя не играютъ. На первыхъ ступеняхъ животной жизни самосохраненіе поглощаетъ всѣ силы организма и для игры мѣста не остается. Но уже весьма рано въ исторіи развитія животнаго міра появляется игра, какъ дѣятельность, кореннымъ образомъ отличная отъ борьбы за существованіе. Животное играетъ, производя безполезныя движенія, прыгая, бѣгая, притворяясь, будто оно нападаетъ на врага или спасается отъ него и т. д. безъ всякой другой цѣли, кромѣ наслажденія отъ этихъ движеній. Причиной, вызывающей послѣднія, можно считать избытокъ неизрасходованной жизненной энергіи организма, затрачиваемой животнымъ, за недостаткомъ полезной работы, на безполезную, но пріятную мускульную дѣятельность. Такимъ образомъ возникаетъ потребность въ игрѣ, тѣмъ болѣе сильная, чѣмъ больше въ организмѣ запасъ неиспользованныхъ жизненныхъ силъ.

Наиболѣе дѣятельныя животныя обнаруживаютъ наибольшую любовь къ играмъ. Такъ, напр., хищныя животныя и среди нихъ самый совершенный хищникъ—кошка. Первобытный человѣкъ также любитъ игры. «Извѣстно,—говоритъ Карлъ Бюхеръ,—что первобытные народы съ большимъ усердіемъ и для насъ непонятнымъ упорствомъ предаются дѣятельности разнаго рода, носящей характеръ игры—и прежде всего танцамъ... Всѣ примитивные народы танцуютъ, танцуютъ до бѣшенства и истощенія силъ, иногда до тѣхъ поръ, пока танцующій не падаетъ на землю съ кровавой пѣной у рта» [1]).

На основаніи огромнаго запаса фактовъ, Бюхеръ приходитъ къ заключенію, «что первоначально работа не отдѣ-

[1]) Bücher. „Arbeit und Rhythmus". 3-е изд. Стр. 18.

лялась отъ игры»[1]). Это раздѣленіе произошло позднѣе. Первобытный человѣкъ играетъ такъ же серьезно, какъ мы работаемъ, и соединяетъ серьезную работу съ элементами, которые мы относимъ къ игрѣ.

На высшихъ ступеняхъ развитія, послѣ того, какъ работа дифференцируется отъ игры, низшія формы игры теряютъ свое прежнее значеніе. Только въ рѣдкихъ случаяхъ наблюдается и среди культурныхъ народовъ такое усиленіе интереса къ физическимъ играмъ, что этотъ интересъ пріобрѣтаетъ значеніе важной соціальной силы. Такъ, напр., въ Римѣ и Византіи игры въ циркѣ были крупными событіями общественной жизни, иногда вызывавшими народныя волненія. «Panem et circenses!» (хлѣба и зрѣлищъ!»)—это сопоставленіе необходимыхъ средствъ къ жизни съ игрой крайне характерно для древняго Рима.

Но игра въ особенности важна тѣмъ, что изъ нея возникла такая чрезвычайно важная отрасль духовной дѣятельности человѣка, какъ искусство. Шиллеръ впервые указалъ на связь эстетической дѣятельности съ игрой; впрочемъ, мысли Шиллера были только развитіемъ соображеній Канта въ «Критикѣ способности сужденія». Эстетическое наслажденіе не основано на практическомъ интересѣ. А такъ какъ «мы имѣемъ право признавать игрой всякую дѣятельность, которая исполняется нами исключительно ради доставляемаго ею наслажденія»[2]), то искусство должно разсматриваться, какъ одна изъ формъ игры. Къ тому же заключенію пришелъ въ новѣйшее время независимо отъ Шиллера и Спенсеръ.

Замѣчательное изслѣдованіе Бюхера «Работа и ритмъ» показало, что музыка и поэзія первоначально были тѣсно связаны съ хозяйственнымъ трудомъ. Можно даже думать, что ритмъ, составляющій самое существо музыки и стихосложенія, возникъ, главнымъ образомъ, изъ ритмическихъ движеній работающаго человѣка[3]). Съ теченіемъ времени музыка выросла изъ средства облегченія хозяйственнаго труда въ одно изъ прекраснѣйшихъ искусствъ. Но это

---

[1]) Тамъ же. Стр. 295.

[2]) Karl Groos. „Die Spiele der Menschen". Стр. 7.

[3]) „Arbeit und Rhythmus". Глава VII и др.

мало увеличило ея значеніе, какъ фактора соціальнаго развитія. Музыка доставляетъ, быть можетъ, чистѣйшее эстетитеческое наслажденіе и въ этомъ отношеніи цѣнность ея не можетъ быть преувеличена; но не легко подмѣтить вліяніе музыки на ходъ историческаго развитія человѣчества. Такъ, напр., рѣшительно невозможно обнаружить, какое неблагопріятное вліяніе на соціальную исторію Англіи оказалъ недостатокъ музыкальной одаренности англійскаго народа, или же, наоборотъ, какія соціальныя выгоды воспослѣдовали для итальянцевъ и евреевъ изъ ихъ исключительной одаренности въ музыкальномъ отношеніи. Если бы эти выгоды или невыгоды были значительны, ихъ легче было было бы замѣтить [1]).

То же можно сказать и о другихъ изящныхъ искусствахъ, хотя и съ большими ограниченіями, такъ какъ изъ нихъ всѣхъ музыка стоитъ всего дальше отъ практическихъ интересовъ жизни. Что касается до поэзіи, то она, конечно, является крупной соціальной силой, но лишь потому, что въ поэзіи прекрасная форма соединяется съ опредѣленнымъ идейнымъ содержаніемъ. Эти идеи, однако, общи поэзіи съ другими областями соціальнаго мышленія—съ философіей и наукой. Только благодаря своему интеллектуальному содержанію, а не благодаря своему чисто эстетическому элементу—прекрасной формѣ—изящная литература выросла въ такую могучую общественную силу.

Область чистой эстетики не оказываетъ большого вліянія на практику жизни, что вполнѣ естественно, такъ какъ сущность эстетическаго наслажденія заключается въ его независимости отъ практическихъ интересовъ жизни. По знаменитому опредѣленію Канта, прекрасное намъ нравится независимо ни отъ какого практическаго интереса [2]). Правда, эстетическое наслажденіе заключаетъ въ себѣ нѣчто морально облагораживающее и, какъ на это указали Кантъ и Шиллеръ, способствуетъ моральному подъему

---

[1]) Попытку Спенсера доказать выдающуюся соціальную полезность музыки я считаю совершенно неудавшейся. Ср. Spencer. „The Origin and Functions of Music". Essays. Vol. II. 1901.

[2]) Ср. Kant. „Kritik der Urteilskraft". I отдѣлъ. I книга. § 2.

человѣка, погруженнаго въ чувственную жизнь. Мы можемъ признать вмѣстѣ съ Шиллеромъ, что идеалъ «прекрасной души» есть высочайшій человѣческій идеалъ, но изъ всего этого не слѣдуетъ, чтобы эстетическій элементъ искусства былъ крупной общественной силой. Дѣйствительная жизнь безконечно далека отъ идеала, и если признать за искусствомъ морально облагораживающее дѣйствіе, то, съ соціологической точки зрѣнія, это еще значитъ немного, такъ какъ сама-то альтруистическая мораль, какъ выше указано, мало осуществляется въ жизни современнаго общества. До настоящаго времени эта жизнь наполняется, главнымъ образомъ, борьбой за существованіе и за власть, а для интереса къ истинѣ, добру и красотѣ въ ней остается немного мѣста.

Стремленіе къ познанію имѣетъ въ себѣ нѣчто общее со стремленіемъ къ эстетическому наслажденію: и то и другое не основывается или можетъ не основываться на практическомъ интересѣ. Познаніе можетъ быть цѣлью въ себѣ, совершенно независимо отъ проистекающихъ изъ него практическихъ выгодъ. «Подобно тому, какъ существуютъ музыкальныя и поэтическія натуры, такъ существуютъ и интеллектуальныя натуры Для нихъ логическія противорѣчія, неясность и безсвязность мысли такъ же мучительны, какъ для другихъ фальшивые звуки и плохіе стихи [1]). Человѣкъ съ такой натурой стремится къ истинѣ ради нея самой. Правда, стремленіе къ познанію очень слабо на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія; и впослѣдствіи люди съ сильными интеллектуальными интересами встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ люди съ эстетической натурой. Чисто научное произведеніе никогда не можетъ разсчитывать на такой интересъ въ широкой публикѣ, какъ хорошій романъ или музыкальная пьеса. Однако, какъ бы слабо, въ общемъ, ни было чистое стремленіе къ познанію, все же нельзя отрицать его существованія въ человѣческомъ духѣ.

Конечно, было бы грубой ошибкой объяснять происхожденіе и развитіе науки исключительно любознательностью человѣка. Наука возникла не изъ теоретическаго

[1]) Höffding. „Psychologie“. Стр. 359.

интереса человѣка, не изъ его стремленія къ объективной истинѣ, но изъ практическаго интереса поддержанія жизни, Это вѣрно какъ относительно практическихъ, прикладныхъ, такъ и относительно теоретическихъ, абстрактныхъ наукъ. Практика жизни играетъ на первыхъ шагахъ научнаго развитія рѣшающую роль.

Это доказывается исторіей всѣхъ отраслей научнаго знанія. «Двѣ важнѣйшія отрасли древней математики— ариѳметика и геометрія—обязаны своимъ раздѣленіемъ и самостоятельной разработкой разнообразнымъ запросамъ, предъявлявшимся искусству счисленія торговлей и потребностью въ измѣреніи земли» [1]). Строительное искусство вмѣстѣ съ межевымъ повело къ возникновенію геометріи, а ариѳметика развилась изъ счета цѣнныхъ предметовъ. Естествознаніе точно также создано практическими нуждами жизни. «Какъ слѣдуетъ подпереть тѣло опредѣленной формы, чтобы помѣшать его паденію, какъ развить опредѣленную силу, какъ увеличить напряженіе тетивы лука, чтобы метательная сила возросла на опредѣленную величину: эти и подобныя задачи натолкнули Архимеда и Герона Александрійскаго на ихъ механическія изслѣдованія» [2]).

Въ возникновеніи механики сыграла большую роль практическая потребность взвѣшиванія цѣнныхъ предметовъ. «Раціональная механика не могла имѣть другого исходнаго пункта, кромѣ вѣсовъ» [3]). Астрономія также возникла изъ практическихъ интересовъ жизни. «Теоретическій интересъ къ небеснымъ явленіямъ былъ достаточно удовлетворенъ неопредѣленными представленіями Платона и Аристотеля о вращеніи звѣздныхъ сферъ; но для точнаго раздѣленія времени года требовались числовыя опредѣленія, достигшія своего завершенія съ доступной для древности точностью въ астрономической системѣ Гиппарха и Птоломея» [4]).

Не теоретическій, но практическій интересъ — найти

---

[1]) Wundt. „Logik". II томъ. Часть I. Стр. 91.
[2]) Тамъ же, стр. 263.
[3]) Spencer. „Essays". 1901. Т. I. „The Genesis of the Science". Стр. 50.
[4]) Wundt. Тамъ же, стр. 263.

средство превращать все въ золото—повелъ къ возникновенію алхиміи, изъ которой развилась научная химія. Теоретическая біологія создалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ своихъ прикладныхъ отраслей, какъ медицина, зоотехнія, агрономія и т. д. «Науки неразрывно сплетены съ техническими искусствами; и только условно мы можемъ ихъ разсматривать внѣ этой связи. Первоначально и тѣ и другія составляли нѣчто единое. Какъ установить дни религіозныхъ празднествъ; когда сѣять; какъ вѣсить товары и какъ измѣрять землю — вотъ совершенно практическіе вопросы, которые повели къ возникновенію астрономіи, механики и геометріи» [1]).

То же слѣдуетъ сказать и о наукахъ о духѣ. Вопросы этическаго и политическаго характера лишь сравнительно поздно стали предметомъ научнаго разсмотрѣнія. «Только въ V вѣкѣ, когда въ лицѣ софистовъ, явились учителя политическаго краснорѣчія, отвергнувшіе, какъ безполезныя, всѣ спекуляціи относительно связи явленій природы и посвятившіе себя практическимъ задачамъ жизни и, прежде всего, подготовкѣ учениковъ къ политической дѣятельности, пробудился интересъ и къ теоретическимъ проблемамъ, связаннымъ съ политической и ораторской дѣятельностью» [2]). Съ софистовъ начинается и филологія, какъ особая наука о языкѣ. Какъ практическіе учителя краснорѣчія, софисты были поставлены въ необходимость изучать и анализировать формы языка.

Что касается до юридическихъ наукъ, то всѣ онѣ возникли и развились въ непосредственной связи съ практическими задачами жизни. Весьма характерно въ этомъ отношеніи, что именно тѣ отдѣлы права впервые получили у римлянъ научную обработку, которые находились въ наиболѣе тѣсной связи съ хозяйственной жизнью—именно, гражданское и, въ частности, имущественное право, между тѣмъ какъ наука государственнаго и международнаго права развилась гораздо позже. Другая вѣтвь общественныхъ наукъ—экономическія науки—также возникла на практи-

---

[1]) Spencer. Тамъ же, стр. 69.

[2]) Wundt. „Logik. Methodenlehre". II. Стр. 2.

ческой почвѣ и сохраняетъ тѣсную связь съ практикой жизни донынѣ.

Такимъ образомъ, исторія науки вполнѣ подтверждаетъ примат практическаго интереса надъ теоретическимъ, воли надъ разумомъ. Это вѣрно относительно познанія не менѣе, чѣмъ относительно искусства: «Эстетическое чувство развилось изъ инстинктовъ, служащихъ для сохраненія индивидуума и рода. Оно есть слѣдствіе избытка энергіи, не израсходованной въ жизненной борьбѣ и потому могущей быть потраченной на другія цѣли» [1]). Что же касается до чистаго стремленія къ познанію, то оно является сравнительно позднимъ продуктомъ мощнаго развитія интеллекта, обусловленнаго, въ свою очередь, первенствующей важностью разума въ жизненной борьбѣ.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать теоретическій интересъ самостоятельнымъ и безусловно необходимымъ факторомъ научнаго познанія, ибо безъ этого теоретическаго интереса, совершенно чуждаго практическимъ задачамъ, ни одна наука не можетъ существовать. На первыхъ ступенях научнаго развитія теоретическій интересъ слабъ; но чѣмъ дальше идетъ наука, тѣмъ могущественнѣе становится этотъ интересъ. Теоретическія научныя дисциплины были первоначально подчинены практическимъ; впослѣдствіи же практическое знаніе стало опредѣляться теоретическимъ. Въ этомъ заключается естественный ходъ развитія каждой науки.

Практическія изобрѣтенія возникаютъ двоякимъ образомъ. Или практика жизни ставитъ народному сознанію опредѣленную практическую задачу, рѣшенію которой посвящаетъ себя множество людей, нѣкоторымъ изъ которыхъ это рѣшеніе, наконецъ, и удается. Такимъ образомъ были достигнуты великія техническія изобрѣтенія XVIII-го вѣка. Такъ, прядильная машина была изобрѣтена потому, что въ Англіи возникъ сильный спросъ на бумажную пряжу; потребность въ ускореніи ткачества повела къ изобрѣтенію ткацкой машины.

Или же техническія изобрѣтенія возникаютъ въ связи

---

[1]) Höffding. „Psychologie“. Стр. 360—361.

съ успѣхами теоретическаго знанія. Теоретическій интересъ вызываетъ извѣстное изслѣдованіе и оно приводитъ изслѣдователя совершенно неожиданно для него къ рѣшенію важной практической задачи. Изобрѣтенія этого типа такъ же характерны для XIX вѣка, какъ изобрѣтенія перваго типа для XVIII. Такъ, одна половина электротехники возникла изъ теоретическихъ изслѣдованій Вольты, а другая изъ столь же теоретическихъ работъ Фарадэя. Новѣйшее крупное изобрѣтеніе — безпроволочнаго телеграфа — находится въ самой тѣсной связи съ опытами Герца, посвященными рѣшенію совершенно теоретическаго вопроса объ электрической природѣ свѣта. Теоретическія работы Крукса повели къ открытію Рентгеномъ *x*-лучей—открытію, немедленно получившему важныя примѣненія и на практикѣ. Рядъ теоретическихъ работъ привелъ Гоффмана къ рѣшенію практическаго вопроса первенствующей важности—искусственнаго изготовленія анилиновыхъ красокъ.

Итакъ, наука возникла изъ потребностей практической жизни; но она преобразовала практическую жизнь и стала изъ средства цѣлью въ себѣ. Человѣкъ познаетъ не только для того, чтобы извлекать изъ своего познанія практическую пользу, но и ради самого наслажденія познанія. Правда, даже среди цивилизованныхъ народовъ встрѣчается немного людей, способныхъ въ значительной мѣрѣ къ этому наслажденію. Но какъ бы слаба ни была самостоятельная потребность въ познаніи, ея значеніе, какъ движущей силы исторіи, чрезвычайно велико: удовлетвореніе этой потребности немногими оказываетъ колоссальное вліяніе на судьбы остальнаго большинства, не испытывающаго жажды знанія. Одинокой работой немногихъ изслѣдователей созидается величественное зданіе науки, подъ кровомъ котораго находитъ себѣ пріютъ все человѣчество.

Радость познанія истины, логической гармоніи мысли, не основана, какъ и эстетическое наслажденіе, на практическомъ интересѣ—она не имѣетъ ничего общаго съ радостью по случаю практической пользы, которую можетъ принести работа мысли. Зигвартъ очень мѣтко охарактеризовалъ общее направленіе развитія нашихъ теоретическихъ и практическихъ интересовъ. «Потребности и нужды жизни прежде всего подчиняютъ себѣ наше мышленіе и

указываютъ ему цѣли... Но жажда знанія идетъ дальше практическихъ потребностей и требуетъ познанія вещей и ихъ отношеній; мы стремимся познавать природу вещей и возсоздавать совокупностью нашего знанія точную и полную картину объективнаго міра просто ради самого познанія. Удовлетвореніе потребности въ познаніи включаетъ въ себя и достиженіе практическихъ цѣлей; познаніе существующаго есть непосредственная цѣль, приводящая въ движеніе наше мышленіе и опредѣляющая его направленіе» [1]).

Высшей потребностью человѣка является религіозная потребность. Правда, потребность эта свойственна далеко не всѣмъ людямъ, но то же слѣдуетъ сказать и относительно эстетической и интеллектуальной потребности. Наилучшее опредѣленіе сущности религіознаго далъ, по моему мнѣнію, Шлейермахеръ, опредѣляющій религію, какъ «непосредственное сознаніе, что все конечное заключено въ безконечномъ, все временное въ вѣчномъ» [2]). Специфически религіознымъ чувствомъ является чувство почитанія или благоговѣнія, «принадлежащее не менѣе, чѣмъ чувство симпатіи, на которомъ основывается соціальная жизнь человѣка, къ основнымъ чувствамъ человѣческой природы» [3]).

Религія, понимаемая такимъ образомъ, далеко не тождественна съ вѣрой въ сверхъестественныя силы, управляющія міромъ. «Вѣра въ демоновъ вызываетъ чувства страха и ужаса; но религіознаго чувства благоговѣнія въ ней нѣтъ почти и слѣда» [4]). Первобытные народы вѣрятъ въ существованіе духовъ умершихъ, въ колдовство, приносятъ жертвы для умилостивленія своихъ боговъ, но религіи въ нашемъ смыслѣ слова у нихъ почти нѣтъ. Вовсе не благоговѣйное чувство, не стремленіе къ вѣчному побуждаетъ ихъ къ религіозному культу. Наблюденіе нѣкоторыхъ фактовъ обыденной жизни внушаютъ первобытному человѣку убѣжденіе, что духъ человѣка живетъ и послѣ его

---

[1]) Christoph Sigwart. „Logik". I т. 2-е изд. 1889. Стр. 4.

[2]) Schleiermacher. „Reden über die Religion". 4 изд. Стр. 42. Цитир. у Wundt'a „Ethik". I. Стр. 42.

[3]) Wundt. „Ethik". I. Стр. 273.

[4]) Wundt. Тамъ же, стр. 273.

смерти. Первоначальный религіозный культъ есть не что иное, какъ забота объ удовлетвореніи потребностей духа умершаго человѣка, внушающаго страхъ благодаря его предполагаемой силѣ. Этотъ культъ возникаетъ, слѣдовательно, подъ вліяніемъ побужденій совершенно эгоистическаго рода. Дикарь относится къ своему богу почти такъ, какъ онъ сталъ бы относиться къ живому могущественному врагу; онъ хлопочетъ объ его умилостивленіи обильными подарками, но испытываетъ по отношенію къ нему гораздо больше чувства страха, чѣмъ благоговѣйнаго почитанія.

То же нужно сказать и о, такъ называемой, религіи многихъ цивилизованныхъ людей. Французскій соціологъ Лакомбъ, конечно, правъ, утверждая, что у очень многихъ людей побудительные мотивы къ религіозному культу имѣютъ совершенно эгоистическій характеръ. Но Лакомбъ идетъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что признаетъ всю религію не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ видовъ самосохраненія, воображаемымъ, мнимымъ хозяйствомъ: религіозная дѣятельность человѣка есть просто средство обезпечить себѣ извѣстныя выгоды благодаря помощи воображаемыхъ сверхестественныхъ силъ. Никакого специфически религіознаго чувства въ душѣ человѣка, по мнѣнію Лакомба, нѣтъ [1]).

Эту точку зрѣнія слѣдуетъ признать безусловно ошибочной. Правда, къ религіозному культу весьма часто приводятъ мотивы, не имѣющіе строго религіознаго характера. Но на ряду съ этой мнимой религіей существуетъ и иная, уже потому не имѣющая ничего общаго съ хозяйствомъ, что хозяйство служитъ практическимъ интересамъ жизни, а религія основывается на чувствѣ благоговѣнія, не имѣющемъ ничего общаго съ послѣдними. Не всѣ способны испытывать это чувство, но кто его испытываетъ, для того Богъ, въ котораго онъ вѣруетъ, есть не средство для достиженія другихъ цѣлей, но послѣдняя и верховная цѣль въ себѣ, наибольшая и высочайшая цѣнность.

Можно раздѣлять или не раздѣлять это чувство, но нельзя отрицать его реальнаго существованія въ душѣ человѣка. Истинно религіозныя натуры рѣдки, но все же онѣ

---

[1]) Ср. Lacombe. „L'histoire considerée comme science". Гл. VI, § 9.

существуютъ. Въ аскетизмѣ религіозное чувство вступаетъ въ борьбу съ волей къ жизни и побѣждаетъ ее. Но мы не имѣемъ права отрицать безкорыстнаго религіознаго чувства и у большинства людей. Если бы религіозное чувство было такимъ исключеніемъ, то была бы непонятна устойчивость и прочность религіозныхъ вѣрованій у цивилизованныхъ народовъ, ибо, конечно, эти вѣрованія основываются не на данныхъ положительнаго знанія.

То, что мы называемъ нравственностью, есть, въ значительной мѣрѣ, результатъ религіозныхъ вліяній. «Зрѣлая нравственность есть совершеннолѣтнее дѣтище религіи и нравовъ» [1]). Нельзя себѣ представить чувства долга безъ чувства благоговѣнія, а это послѣднее имѣетъ специфически религіозный характеръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что современная нравственность гораздо больше основывается на религіи, чѣмъ на альтруистическихъ чувствахъ. Существующій общественный строй не благопріятствуетъ развитію этихъ послѣднихъ—и потому они сильны только между людьми очень тѣснаго круга, преимущественно въ предѣлахъ семьи. Напротивъ, религіозныя вѣрованія раздѣляются большинствомъ населенія. Очень рѣдко люди дѣйствуютъ по побужденіямъ чистаго альтруизма, но религіозный энтузіазмъ неоднократно вызывалъ могучія народныя движенія, при чемъ люди обнаруживали величайшую готовность къ самопожертвованію во имя того, что они признавали богомъ. Религія всегда была и остается до настоящаго времени одной изъ могущественнѣйшихъ историческихъ силъ.

Правда, не нужно упускать изъ виду, что въ такихъ религіозныхъ движеніяхъ, какъ религіозныя войны, преслѣдованія еретиковъ и т. п. чисто религіозные мотивы не играютъ рѣшающей роли. Эгоальтруистическое чувство чести легко вступаетъ въ связь съ религіознымъ чувствомъ и лишь благодаря этой связи религіоный фанатизмъ достигаетъ такого напряженія. Фанатикъ усматриваетъ въ чужой вѣрѣ оскорбленіе своего бога—и преслѣдуя враговъ послѣдняго, онъ преслѣдуетъ, въ сущности, своихъ собствен-

---

[1]) Wundt. „Ethik". I. Стр 276.

ныхъ враговъ, оскорбившихъ его самымъ чувствительнымъ образомъ—пренебреженіемъ къ самому дорогому для него предмету, предмету его вѣры и религіознаго преклоненія. Поэтому религіозныя войны и носятъ, какъ общее правило, такой ожесточенный характеръ.

ГЛАВА IV.

Хозяйство и общественная жизнь.

Борьба за существованіе въ органическомъ мірѣ и въ исторіи человѣчества.—I. *Понятіе хозяйства.* Характерные признаки хозяйственной дѣятельности. Роды хозяйства. — II. *Хозяйство, какъ основа всякой иной дѣятельности.* Роль хозяйства при удовлетвореніи различныхъ потребностей. Хозяйство, какъ основа соціальнаго могущества. Матеріальная основа искусства и науки. Центральное положеніе хозяйства въ общественной жизни.—III. *Хозяйство, какъ важнѣйшее занятіе большинства населенія.* Косвенное вліяніе хозяйства на другіе роды соціальной дѣятельности. Хозяйство и духовная среда. — IV. *Матеріальный моментъ хозяйства.* Внѣшняя природа. Прямое и косвенное вліяніе внѣшней природы на общественную жизнь. Природа и первобытные народы. Относительное освобожденіе человѣка изъ подъ власти внѣшней природы.—V. *Сознаніе и общественная жизнь.* Генетическій и телеологическій прогрессъ. Естественное и искуственное общество. Царство необходимости и царство свободы.

Среди различныхъ отраслей соціальной дѣятельности Марксъ выдвигаетъ на первый планъ одну отрасль—производство средствъ къ жизни—и придаетъ ей рѣшающее значеніе въ исторіи человѣчества. Мотивъ самосохраненія опредѣляетъ собой, по мнѣнію Маркса, все поведеніе людей. Борьба за существованіе между отдѣльными лицами и цѣлыми общественными группами играетъ, согласно ученію Маркса, въ человѣческой исторіи такую же рѣшающую роль, какъ и въ исторіи развитія органическаго міра, согласно теоріи Дарвина.

Но можно думать, что даже по отношенію къ біологической исторіи борьба за существованіе является слишкомъ узкимъ понятіемъ, такъ какъ борьба ведется на самомъ дѣлѣ не просто за существованіе, но за возможно болѣе свободное, полное существованіе. Каждый организмъ стремится обезпечить себѣ нѣчто лучшее, чѣмъ голое суще-

ствованіе; борьба ведется за возможно болѣе широкое развитіе всѣхъ силъ организма, за возможно болѣе полное удовлетвореніе всѣхъ потребностей и влеченій данной особи[1]). Поэтому борьба между организмами никогда не прекращается и толкаетъ органическій міръ все впередъ и впередъ. Каждая достигнутая ступень есть исходный пунктъ новыхъ усилій, новой борьбы и такъ безъ конца.

Все это въ особенности вѣрно въ примѣненіи къ человѣку. Человѣкъ имѣетъ разнообразныя потребности, кромѣ инстинкта самосохраненія, и стремится къ удовлетворенію ихъ всѣхъ. Правда, потребность въ пищѣ имѣетъ наиболѣе настоятельный характеръ; но это обстоятельство имѣетъ рѣшающее значеніе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣку угрожаетъ голодъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что человѣкъ не только ѣстъ, но и занимается искусствомъ, наукой и т. д., вполнѣ доказываетъ, что человѣчество лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ стоитъ передъ альтернативой—ѣсть или философствовать.

Историческому матеріализму нерѣдко дѣлаютъ упрекъ, что это историко-философское ученіе исходитъ изъ слишкомъ низменнаго представленія о человѣческой природѣ, и что оно, если и не отрицаетъ высшихъ побудительныхъ мотивовъ человѣческаго поведенія, то, во всякомъ случаѣ, игнорируетъ ихъ. Этотъ упрекъ безусловно основателенъ въ примѣненіи къ Марксу и Энгельсу. Изъ пестраго разнообразія психологическихъ мотивовъ человѣческаго поведенія они выдвигаютъ на первый планъ мотивъ самосохраненія и усматриваютъ въ немъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ проблемъ міровой исторіи. Это приводитъ марксизмъ въ противорѣчіе съ реальными фактами общественной жизни, доказывающими наличность въ человѣческой душѣ другихъ, не менѣе могущественныхъ мотивовъ человѣческаго поведенія; кромѣ того, объективное изученіе человѣческой исторіи не можетъ игнорировать рѣшающаго значенія для судебъ человѣческаго рода такихъ слабыхъ по своей силѣ потребностей, какъ потребность въ познаніи. Если бы человѣкъ былъ лишенъ совершенно чуждаго практическихъ интересовъ любопытства, радости познаніи, то никакая прак-

[1]) Ср. Fouillée. „Les Idées Forces". I. Стр. 78 и слѣд.

тическая потребность, какъ бы важна она ни была, не могла бы повести къ могущественному развитію человѣческаго разума, на чемъ основывается вся цивилизація. Не нужно преувеличивать значенія практическихъ потребностей жизни. Человѣкъ (а первобытный человѣкъ въ особенности) есть инертное и косное существо, очень неохотно предпринимающее что-либо, не доставляющее ему непосредственнаго наслажденія. «Всегда приходится удивляться, — говоритъ Ратцель, — незначительности самостоятельныхъ изобрѣтеній у первобытныхъ народовъ, не замѣчающихъ даже наиболѣе доступнаго пониманію»[1]). Всѣ описанія жизни первобытнаго человѣка сходятся въ томъ, что забота о будущемъ ему совершенно не знакома. При такой психологической природѣ примитивнаго человѣка совершенно невѣроятно, чтобы когда-либо могло быть сдѣлано какое-либо важное изобрѣтеніе, если бы дѣятельность интеллекта не доставляла самостоятельнаго наслажденія даже первобытному человѣку. Еще труднѣе объяснить послѣдующіе поразительные успѣхи научнаго познанія его практической полезностью. Умственная работа есть величайшее наслажденіе для всякаго истиннаго научнаго изслѣдователя, наслажденіе, не имѣющее психологически ничего общаго съ инстинктомъ самосохраненія.

I.

Не слѣдуетъ ли изъ этого, что матеріалистическое пониманіе исторіи должно быть просто отброшено, какъ односторонняя и ошибочная историко-философская система? Я этого не думаю. Я думаю, наоборотъ, что система эта, послѣ нѣкоторой реконструкціи, можетъ стать вполнѣ пригоднымъ орудіемъ научнаго изслѣдованія.

Ложь историческаго матеріализма заключается, прежде всего, въ совершенно ошибочномъ понятіи хозяйства, изъ котораго исходятъ Марксъ и Энгельсъ при построеніи своей историко-философской теоріи. Это является, вмѣстѣ съ тѣмъ, поучительнымъ примѣромъ, какъ важно для всякой науки обладать ясными и отчетливыми понятіями объ ос-

[1]) Ratzel. „Anthropogeographie“. T. II. Стр. 711.

новныхъ предметахъ своего изученія. Къ современной политической экономіи вполнѣ примѣнимы слова Канта о юриспруденціи его времени—экономисты все еще спорятъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ основнымъ экономическимъ понятіемъ хозяйства. Къ какой путаницѣ это неминуемо должно вести, можно видѣть на примѣрѣ критики историческаго матеріализма со стороны Штаммлера. Основной грѣхъ этой, въ общемъ, весьма замѣчательной критики заключается въ совершенно ошибочномъ понятіи соціальнаго хозяйства.

Многіе экономисты—и среди нихъ Марксъ и Энгельсъ—усматриваютъ отличительный признакъ хозяйственной дѣятельности въ родѣ потребностей, удовлетворенію которыхъ эта дѣятельность служитъ. По мнѣнію создателей историческаго матеріализма, дѣятельность человѣка пріобрѣтаетъ хозяйственный характеръ въ томъ случаѣ, когда она направляется на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей человѣка, какъ, напр., потребности въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и т. д. Но если человѣческая дѣятельность служитъ удовлетворенію другихъ, менѣе настоятельныхъ потребностей, то она не можетъ считаться хозяйствомъ.

Такъ, Энгельсъ говоритъ, что «производство непосредственной жизни», являющееся рѣшающимъ моментомъ исторіи, состоитъ изъ «производства средствъ къ жизни, пищи, одежды, жилищъ и необходимыхъ для этого орудій труда[1]). То же повторяетъ Энгельсъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 1904 г «Подъ экономическими отношеніями, которыя мы признаемъ опредѣляющей основой общества, мы понимаемъ способъ, которымъ люди опредѣленнаго общества производятъ свои средства къ жизни и обмѣниваются ими»[2]).

Противъ такого пониманія сущности хозяйственной дѣятельности можно указать на слѣдующее. Прежде всего, невозможно провести сколько-нибудь опредѣленную черту различія между необходимыми и не необходимыми потребностями жизни. Куда отнести, напр., потребности въ красивой одеждѣ, драгоцѣнностяхъ и пр.? Конечно, всего

---

[1]) Engels. „Der Ursprung der Familie". 8-е изд. Предисл. Стр. VIII.

[2]) „Documente des Socialismus". 1902. Т. II. Стр. 73.

этого нельзя отнести къ необходимымъ потребностямъ—и, однако же, Энгельсъ причисляетъ производство одежды къ хозяйству. Далѣе, почти каждый предметъ можетъ служить самымъ разнообразнымъ потребностямъ и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія Энгельса, совершенно невозможно установить, является ли извѣстная дѣятельность хозяйствомъ, или нѣтъ. Изъ кирпичей можно выстроить фабрику или храмъ, изъ полотна дѣлаютъ картофельные мѣшки, но на полотнѣ рисуютъ и картины, изъ дерева дѣлаютъ стулья и столы, но также и музыкальные инструменты и т. д., и т. д Всякое производство можно, слѣдовательно, относить, съ этой точки зрѣнія, къ нехозяйственной дѣятельности, такъ какъ оно можетъ служить другимъ цѣлямъ, кромѣ непосредственнаго поддержанія жизни.

Подобныя соображенія привели Штаммлера къ совершенному отказу отъ различенія хозяйственной и нехозяйственной дѣятельности. Соціальное хозяйство онъ опредѣляетъ, какъ всякое, внѣшнимъ образомъ урегулированное, «взаимодѣйствіе, направленное на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей» [1]). Такимъ образомъ, всякая организованная соціальная дѣятельность есть хозяйство—матерія соціальной жизни—въ противоположность праву, формѣ соціальной жизни. Война, богослуженіе, театральное представленіе являются, по Штаммлеру, видами хозяйства, понятіе котораго охватываетъ въ соціальной жизни все, что не составляетъ права.

Произвольность этой терминологіи очевидна. Штаммлеръ нуждается въ понятіи матеріи соціальной жизни, и присваиваетъ этому понятію названіе соціальнаго хозяйства. Каждый писатель воленъ создавать новую терминологію, но очевидно, что хозяйство въ смыслѣ Штаммлера есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что обыкновенно понимаютъ подъ хозяйствомъ. Хозяйство, въ обычномъ смыслѣ слова, отнюдь не совпадаетъ съ понятіемъ матеріи соціальной жизни и образуетъ только часть этой послѣдней. Какъ научное, такъ и обычное словоупотребленіе понимаютъ подъ хозяйствомъ, по моему мнѣнію, не что иное, какъ совокупность человѣческихъ дѣйствій, направленныхъ на внѣш-

[1]) Stammler. „Wirtschaft und Recht“. 1896. Стр. 139.

ній міръ и имѣющихъ цѣлью созданіе матеріальной обстановки, необходимой для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Хозяйственная дѣятельность различается отъ нехозяйственной, главнымъ образомъ, слѣдующими двумя моментами:

1) Хозяйственная дѣятельность всегда есть средство къ чему-либо, но не цѣль въ себѣ. Хозяйство создаетъ средства для удовлетворенія нашихъ потребностей, но само по себѣ такового не составляетъ. Этимъ отличается хозяйство отъ игры, искусства и вообще отъ всякой дѣятельности, являющейся цѣлью въ себѣ. Поэтому живопись истиннаго художника не есть хозяйство, но рисованіе фабричныхъ образцовъ является хозяйствомъ. Карлъ Бюхеръ видитъ въ хозяйствѣ продуктъ историческаго развитія и идетъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что признаетъ дѣятельность первобытнаго человѣка игрой, а не работой. «Игра, — говоритъ онъ,—древнѣе работы, искусство древнѣе полезнаго производства» [1]). Я считаю это преувеличеніемъ, такъ какъ добываніе пищи является для первобытнаго человѣка не игрой, но тяжелой работой. Но, во всякомъ случаѣ, Бюхеръ правъ въ томъ, что у первобытнаго человѣка работа и игра мало дифференцированы и что ихъ часто трудно различить другъ отъ друга. Поскольку это такъ, дѣятельность первобытнаго человѣка не имѣетъ хозяйственнаго характера.

Потребленіе не составляетъ хозяйства, такъ какъ оно есть цѣль въ себѣ. Хозяйственная дѣятельность прекращается въ тотъ моментъ, когда человѣкъ переходитъ къ потребленію. Въ противномъ случаѣ, вся жизнедѣятельность человѣка была бы только хозяйствомъ и ничѣмъ болѣе, такъ какъ всякая дѣятельность можетъ разсматриваться, какъ потребленіе тѣхъ или иныхъ матеріальныхъ предметовъ [2]).

---

[1]) Bücher. „Die Entstehung der Volkswirtschaft". 2-е изд. Стр. 34.

[2]) „Процессы удовлетворенія потребностей, во всѣхъ своихъ видахъ, отъ самыхъ грубыхъ, до самыхъ возвышенныхъ, такъ же какъ и всякая дѣятельность, которую мы предпринимаемъ не какъ хозяйственную работу, съ разсчетомъ на ея внѣшній результатъ, но въ которой развивается и открывается сама человѣческая личность, не имѣютъ хозяйственнаго характера". Wieser. „Ueber den Ursprung des wirtschaftlichen Wertes". 1884. Стр. 77.

2) Хозяйство всегда направлено на внѣшнюю природу, на матеріальныя условія нашего существованія. Это отличаетъ хозяйство отъ дѣятельности, объектомъ которой является самъ человѣкъ: работа учителя, священника, врача не составляетъ хозяйства.

Хозяйственная дѣятельность состоитъ въ измѣненіи внѣшней природы, приспособленіи ея къ нашимъ потребностямъ (производство и перевозка предметовъ хозяйства), въ измѣненіи положенія человѣка въ пространствѣ по отношенію къ внѣшней природѣ (передвиженіе человѣка) въ переходѣ владѣнія тѣми или иными предметами внѣшней природы отъ однихъ людей къ другимъ (обмѣнъ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ цѣлью хозяйства остается созданіе возможно болѣе благопріятныхъ матеріальныхъ условій для удовлетворенія потребностей человѣка [1]).

II.

Предположеніе, что хозяйство служитъ исключительно потребности самосохраненія, является, такимъ образомъ, грубой ошибкой. Именно эту ошибку совершаютъ Марксъ и Энгельсъ, утверждая, что хозяйственное производство есть не что иное, какъ «производство непосредственной жизни». Подъ условіями производства, которыя, по ихъ мнѣнію, управляютъ общественной жизнью, они понимаютъ

---

[1]) Дицель опредѣляетъ хозяйство, какъ „совокупность дѣйствій, посредствомъ которыхъ личность покрываетъ свою потребность въ матеріальныхъ благахъ“ (Dietzel. „Theoretische Sozialökonomik“. 1895. T. I. Стр. 159). Противъ этого опредѣленія, имѣющаго кое что общаго съ моимъ, можно возразить слѣдующее. Оно включаетъ все потребленіе въ область хозяйства—Дицель относитъ къ хозяйству даже дыханіе—что я считаю большой ошибкой, ибо, такимъ образомъ, уничтожается всякое различіе между хозяйствомъ и нехозяйствомъ. Далѣе, опредѣленіе Дицеля включаетъ въ себя утвержденіе, что хозяйство всегда направлено на удовлетвореніе потребностей субъекта хозяйства, что, конечно, несправедливо, такъ какъ хозяйство можетъ служить къ удовлетворенію потребностей и другихъ лицъ. Благотворительныя учрежденія ведутъ хозяйство, удовлетворяя потребности не своихъ руководителей, а третьихъ лицъ. Въ третьихъ, съ точки зрѣнія Дицеля, трудно признать хозяйствомъ передвиженіе человѣка не для своего удовольствія, а между тѣмъ это несомнѣнно хозяйственная дѣятельность.

условія производства пищи, одежды и жилищъ, т.-е. предметовъ, необходимыхъ для жизни. Если стоять на этой точкѣ зрѣнія, то слѣдуетъ признать, что историческій матеріализмъ есть въ высшей степени одностороняя историко-философская теорія, покоящаяся на непониманіи истинныхъ мотивовъ человѣческой дѣятельности. Чувство самосохраненія есть лишь одинъ изъ многихъ мотивовъ, управляющихъ человѣческой дѣятельностью, а условія удовлетворенія этой потребности опредѣляются самымъ дѣйствительнымъ образомъ условіями удовлетворенія другихъ потребностей.

Но эта односторонность матеріалистическаго пониманія исторіи есть просто слѣдствіе лежащаго въ ея основѣ ложнаго понятія хозяйства. Если же признать хозяйственной работой всякую дѣятельность, поскольку она направлена на преодолѣніе сопротивленія внѣшней природы, совершенно независимо отъ рода потребностей, удовлетворенію которыхъ она служитъ, то многія возраженія противъ историческаго матеріализма отпадутъ. Преобразованный такимъ образомъ историческій матеріализмъ чуждъ психологической односторонности старой теоріи—игнорированія всѣхъ другихъ мотивовъ человѣческой дѣятельности, кромѣ чувства самосохраненія; онъ не отрицаетъ высокаго соціальнаго значенія идеальныхъ мотивовъ нашего поведенія. Хозяйство, господствующее надъ общественной жизнью, не менѣе служитъ, съ этой точки зрѣнія, удовлетворенію нашихъ идеальныхъ цѣлей, чѣмъ и поддержанію нашего существованія.

Правда, вопросъ остается открытымъ, можно ли признавать хозяйство и въ этомъ болѣе широкомъ смыслѣ основаніемъ общественнаго строя. Но, во всякомъ случаѣ, историческій матеріализмъ, преобразованный указаннымъ образомъ, освобождается отъ упрека въ непониманіи пестраго разнообразія сознательныхъ мотивовъ человѣческаго поведенія.

Итакъ, безусловно ошибочно раздѣлять общественныя потребности на двѣ группы — хозяйственныя (потребности въ поддержаніи жизни) и нехозяйственныя (всѣ остальныя). Нѣтъ ни одной потребности, удовлетворенію которой не служило бы хозяйство.

Такъ, половая потребность вызываетъ весьма разнообразную хозяйственную дѣятельность. Большая часть предметовъ украшенія, особенно въ женской одеждѣ, должна быть отнесена на счетъ этой потребности. Но производство предметовъ украшенія есть весьма важная отрасль промышленности; достаточно указать на тотъ фактъ, что вывозъ шелковыхъ матерій играетъ, по своей цѣнности, первую роль въ вывозной торговлѣ Франціи. Милліоны рабочихъ заняты во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ изготовленіемъ предметовъ украшенія — одежда до настоящаго времени далеко не утратила своего первоначальнаго характера—предмета украшенія.

Что касается до соціальныхъ влеченій, то самое могущественное среди нихъ—любовь къ дѣтямъ — есть одинъ изъ наиболѣе могущественныхъ стимуловъ хозяйственной дѣятельности. Стремленіе обезпечить благосостояніе своей семьи легче всего побѣждаетъ естественную лѣность человѣка и побуждаетъ его къ энергичной хозяйственной дѣятельности. Столь важный соціальный институтъ, какъ право наслѣдства, являющійся однимъ изъ основаній существующаго хозяйственнаго строя, покоится, прежде всего, на психологическомъ мотивѣ любви къ дѣтямъ. Безъ чувства взаимной симпатіи и солидарности хозяйство не могло бы никогда достигнуть высшихъ ступеней развитія, такъ какъ смерть, неминуемо предстоящая каждой личности, лишила бы смысла всякую дѣятельность, разсчитанную на отдаленную цѣль. Такія отрасли промышленности, какъ лѣсоводство, садоводство и пр., основываются въ большей или меньшей степени на готовности человѣка жертвовать своими интересами данной минуты интересамъ другихъ людей (и прежде всего, своей семьи). То же нужно сказать до извѣстной степени и вообще о накопленіи капитала. Если бы человѣкъ руководился исключительно эгоистическими интересами, то его хозяйственная дѣятельность получила бы совершенно иное направленіе. Римъ временъ упадка можетъ дать намъ представленіе о расточительномъ характерѣ хозяйства, руководимаго эгоистической жаждой чувственныхъ наслажденій.

Не менѣе ясно, что стремленіе къ соціальному господству могущественнымъ образомъ вліяетъ на хозяйственную

дѣятельность. Богатство всегда было и остается одной изъ важнѣйшихъ основъ соціальной власти и, главнымъ образомъ, въ качествѣ таковой оно является предметомъ всеобщихъ вожделѣній. Конечно, не жажда чувственныхъ наслажденій побуждаетъ милліонера ко всему большему и большему накопленію капитала—и не экономическая необходимость расширенія предпріятія по соображеніямъ конкуренціи, такъ какъ каждый преуспѣвающій предприниматель легко можетъ смѣнить свою предпринимательскую дѣятельность, требующую величайшаго напряженія силъ, на спокойную жизнь зажиточнаго рантьера. Честолюбіе, а не жажда наслажденій или чувство самохраненія, является важнѣйшимъ побудительнымъ мотивомъ накопленія капитала. Джэй Гульдъ былъ очень умѣреннымъ человѣкомъ и его ненасытная жажда богатства могла объясняться лишь такимъ же ненасытнымъ честолюбіемъ. Богатство—средство не только къ чувственному наслажденію, но и къ власти. Это послѣднее значеніе богатства особенно выступаетъ въ чисто политической области, такъ какъ политическое могущество каждаго государства основывается, прежде всего, на его экономическомъ могуществѣ. Изготовленіе оружія и всякихъ военныхъ припасовъ есть очень важная отрасль промышленности и для современнаго капитализма крайне характерно, что Круппъ принадлежитъ къ крупнѣйшимъ капиталистамъ Германіи.

Также и эстетическая потребность является могущественнымъ мотивомъ хозяйственной дѣятельности. Въ области архитектуры связь хозяйства съ искусствомъ всего очевиднѣе. Но даже искусство, столь далеко отстоящее отъ поддержанія жизни, какъ музыка, нуждается въ хозяйственной основѣ. Рояль или органъ—очень сложныя машины, производство которыхъ предполагаетъ высокій уровень промышленной техники. Музыкальное наслажденіе, доставляемое намъ слушаніемъ хорошей оперы, конечно, не заключаетъ въ себѣ хозяйственныхъ элементовъ. Но для возможности этого наслажденія требуется нѣчто большее, чѣмъ талантъ композитора и исполнителей, для этого требуется также располагать театральнымъ зданіемъ и музыкальными инструментами со всѣми техническими приспособленіями, необходимыми для театральнаго представленія.

То же нужно сказать и о наукѣ. Наука покоится на матеріальной основѣ, создаваемой хозяйствомъ. Книгопечатаніе есть хозяйственное производство, какъ и всякое другое, и изобрѣтеніе книгопечатанія было вызвано совершенно хозяйственными мотивами—стремленіемъ предпріимчиваго предпринимателя понизить стоимость производимаго имъ товара—книги.

Познаніе имѣетъ свои матеріальныя орудія труда, какъ и промышленность. Если вѣрно, что на основаніи рабочихъ инструментовъ извѣстной эпохи можно судить о состояніи хозяйства, то съ такимъ же правомъ можно утверждать, что по рабочимъ инструментамъ науки можно судить объ ея состояніи въ данное время. А такъ какъ производство этихъ послѣднихъ инструментовъ есть несомнѣнно хозяйственная дѣятельность, то хозяйство образуетъ матеріальную основу и познанія.

Даже религія имѣетъ свою хозяйственную основу. Архитектура возникла изъ постройки храмовъ, и храмы остаются до настоящаго времени грандіознѣйшими и прекраснѣйшими произведеніями строительнаго искусства. Во Владимірской губерніи есть цѣлыя деревни, жители которыхъ исключительно занимаются приготовленіемъ иконъ, являющимся такимъ же кустарнымъ промысломъ, какъ и приготовленіе гвоздей или овчинъ.

Такимъ образомъ, всѣ потребности человѣка даютъ поводъ къ хозяйственной дѣятельности, которая является благодаря этому всеобщей основой человѣческой дѣятельности. Рѣшающее значеніе хозяйства въ общественной жизни основывается не только на томъ, что «люди должны раньше ѣсть, пить и одѣваться, чѣмъ заниматься политикой, наукой, искусствомъ, религіей и т. д.», но также и на томъ, что «политика, наука и т. д.» имѣютъ свою матеріальную основу, создаваемую хозяйствомъ, и неотдѣлимы отъ нея. Какую область соціальной дѣятельности мы бы ни взяли, повсюду мы увидимъ, что первый шагъ соотвѣтствующей дѣятельности заключается въ приспособленіи матеріальныхъ условій этой дѣятельности къ извѣстнымъ спеціальнымъ задачамъ ея, иными словами, въ хозяйствѣ.

На этомъ основывается центральное положеніе хозяй-

ства въ соціальной жизни. Линіи соціальной дѣятельности самаго разнообразнаго рода расходятся, какъ радіусы, отъ хозяйственнаго центра.

Какъ центръ есть единственная точка пересѣченія всѣхъ радіусовъ, соприкасающихся другъ съ другомъ только въ центрѣ, такъ и соціальное хозяйство есть единственное мѣсто соприкосновенія и общая связь всѣхъ отраслей соціальной дѣятельности. Все, что совершается въ центрѣ, отражается на всѣхъ радіусахъ. Точно также всякая глубокая перемѣна соціальнаго хозяйства должна вызывать соотвѣтствующія перемѣны по всѣмъ линіямъ приложенія общественнаго труда.

Но все же, не нужно упускать изъ виду, что соціальная жизнь не совпадаетъ съ хозяйствомъ: только въ своемъ исходномъ пунктѣ радіусы совпадаютъ съ центромъ, а затѣмъ дальше и дальше удаляются отъ него. Значеніе хозяйственной ступени въ различныхъ областяхъ соціальной дѣятельности весьма различно. Работа поддержанія жизни есть только хозяйство и ничего больше. Иное слѣдуетъ сказать о дѣятельности различнаго рода, служащей удовлетворенію иныхъ общественныхъ потребностей. Такъ, напр., стремленіе къ соціальному господству вызываетъ самую разнообразную дѣятельность, которая хотя и требуетъ хозяйственной основы, но далеко выходитъ за ея предѣлы. Война не есть хозяйство и военные успѣхи отнюдь не всецѣло зависятъ отъ относительнаго экономическаго могущества сражающихся—вѣдь варвары разрушили Римъ. Судебное разбирательство также не есть хозяйственная дѣятельность. Правда, судебная дѣятельность предполагаетъ хозяйственную основу—современный судъ немыслимъ безъ тюремъ, которыя должны быть построены—но задача судьи заключается не въ томъ, чтобы пополнять тюрьмы.

Искусство и наука высоко возвышаются надъ хозяйствомъ. Среди всѣхъ изящныхъ искусствъ тѣснѣе всего связь съ хозяйствомъ архитектуры. Такъ, напр., греческій архитектурный стиль, конечно, не могъ бы создаться въ странѣ, въ которой мало камня для построекъ, какъ, напр., въ Россіи. Съ другой стороны, великорусскій національный архитектурный стиль указываетъ на богатство страны

*

лѣсомъ. Но и архитектура, какъ изящное искусство, не есть простой продуктъ хозяйства. Несмотря на свою экономическую мощь, современный капитализмъ оказался не въ силахъ создать свой собственный архитектурный стиль и принужденъ эклектически воспроизводить стили другихъ эпохъ.

Точно также расцвѣтъ философіи и науки не находится въ неразрывной связи съ хозяйственнымъ процвѣтаніемъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ—въ хозяйственномъ отношеніи безусловно могущественнѣйшей страны міра, неспособной, однако, освободиться въ интеллектуальномъ отношеніи отъ подчиненія старой Европѣ. Капитализмъ увеличилъ и усовершенствовалъ въ коссальныхъ размѣрахъ матеріальныя орудія познанія; несмотря на это, XIX столѣтіе не можетъ похвалиться такими титанами мысли, какъ Платонъ, Аристотель, Ньютонъ, Лейбницъ или Кантъ.

Что касается религіи, то никакіе храмы не могутъ создать религіознаго настроенія населенія, если для этого нѣтъ благопріятныхъ условій въ другихъ отношеніяхъ. Религіозное воодушевленіе было очень сильно среди первыхъ христіанъ, хотя ихъ религіозный культъ былъ до послѣдней степени простъ и лишенъ всякой пышности, между тѣмъ какъ въ наше время самые роскошные храмы не въ силахъ преодолѣть религіознаго индифферентизма населенія.

Разнообразная дѣятельность людей, совокупность которой охватываетъ жизнь общества, образуетъ собой лѣстницу, низшей ступенью которой является производство непосредственныхъ средствъ къ жизни, представляющее собой всецѣло хозяйственную дѣятельность, между тѣмъ какъ на высшихъ ступеняхъ хозяйственная работа составляетъ все меньшую долю соотвѣтствующей дѣятельности. Чѣмъ выше потребность, тѣмъ меньшую роль въ дѣятельности, служащей ея удовлетворенію, играетъ хозяйственный трудъ. Высшіе роды соціальной дѣятельности имѣютъ свое самостоятельное значеніе, независимое отъ хозяйства, и было бы въ высшей степени ошибочно видѣть въ нихъ пассивный продуктъ или даже просто отраженіе хозяйства. Но такъ какъ историческій прогрессъ именно и заключается въ

одухотвореніи человѣка, въ перемѣщеніи центра тяжести человѣческой жизни изъ низшихъ физіологическихъ потребностей поддержанія жизни въ область высшихъ духовныхъ потребностей, то и соціальное значеніе хозяйственнаго момента должно, повидимому, уменьшаться по мѣрѣ движенія исторіи впередъ.

III.

Кромѣ непосредственной, прямой связи между хозяйствомъ и всякой иной дѣятельностью, между ними существуетъ, еще подлежащая разсмотрѣнію, косвенная связь, основывающаяся на томъ, что хозяйство является важнѣйшимъ занятіемъ большинства населенія. Сравнительно съ населеніемъ, преданнымъ хозяйственной работѣ, количество людей, свободныхъ отъ хозяйственнаго труда, и теперь очень невелико, а прежде было еще меньше. Такъ, въ населеніи Пруссіи принадлежало на 100 человѣкъ населенія [1]):

	1843 г.	1895 г.
1) къ хозяйственнымъ профессіямъ (земледѣліе, промышленность, торговля, домашнія услуги)	95,5	88,3
2) къ нехозяйственнымъ профессіямъ (военные, чиновники, духовенство, люди свободныхъ профессій и безъ профессій)	4,5	11,7

Конечно, статистическія данныя подобнаго рода не даютъ указанія на относительное соціальное значеніе того или иного занятія. Дѣятельность какого-нибудь Пастёра или Вернера Сименса, даже съ точки зрѣнія вліянія этой дѣятельности только на народное богатство, имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ хозяйственный трудъ тысячъ фабричныхъ рабочихъ. Незначительность доли населенія, занятой нехозяйственнымъ трудомъ, не доказываетъ поэтому незначительной соціальной цѣнности труда этого рода; но, конечно, это обстоятельство доказываетъ количественное

[1]) Sombart. „Die deutsche Volkswirtschaft im 19 Jahrhundert", 1903. Стр. 491.

преобладаніе хозяйственнаго труда въ общей совокупности соціальной дѣятельности. Большая часть рабочей силы, которой располагаетъ общество, затрачивается на хозяйственную дѣятельность, что объясняется, съ одной стороны, особой настоятельностью потребности въ поддержаніи жизни, а съ другой—значительностью затраты труда, требующейся для удовлетворенія этой потребности, благодаря все еще низкому уровню производительности труда, достигнутому понынѣ.

Человѣкъ всегда былъ занятъ по преимуществу хозяйственнымъ трудомъ; все остальное могло быть очень важнымъ, но требовало и требуетъ со стороны общества несравненно меньшей затраты силы. А такъ какъ, далѣе, жизнь человѣка неотдѣлима отъ его дѣятельности, имѣющей, какъ сказано, преимущественно хозяйственный характеръ, то въ результатѣ получается косвенная зависимость всякой иной дѣятельности отъ условій хозяйственнаго труда.

Непосредственное вліяніе хозяйственнаго труда на другіе роды дѣятельности имѣетъ болѣе внѣшній характеръ и не опредѣляетъ ихъ внутренняго содержанія. Правда, хозяйство даетъ живописи полотно и краски, скульптурѣ матеріалъ для обработки, музыкѣ инструменты, литературѣ бумагу и перья, но какая картина будетъ написана на полотнѣ, какая статуя будетъ высѣчена изъ мрамора, какая музыкальная пьеса будетъ разыграна на роялѣ и что будетъ написано на бумагѣ—все это весьма мало зависитъ отъ свойствъ матеріальной основы искусства. Соціальное же преобладаніе хозяйства, какъ важнѣйшаго занятія человѣчества, ведетъ къ тому, что и содержаніе искусства опредѣляется хозяйственными условіями существованія человѣка. Художникъ живетъ въ матеріальной и духовной средѣ, оказывающей огромное вліяніе на его творчество. Тэнъ превосходно выяснилъ вліяніе духовной среды на характеръ искусства извѣстной исторической эпохи. Только незначительная часть духовнаго достоянія человѣка, не исключая и самыхъ выдающихся, можетъ считаться его индивидуальнымъ достояніемъ—все остальное онъ получаетъ отъ окружающей его среды, отъ общенія съ людьми и отъ знакомства съ продуктами ихъ дѣятельности. «Подобно

тому, какъ существуетъ физическая температура,—говоритъ Тэнъ,—которая, смотря по своему состоянію, вызываетъ появленіе того или другого рода растенія, такъ существуетъ и моральная температура, которая, въ зависимости отъ своихъ перемѣнъ, обусловливаетъ появленіе того или иного рода искусства» [1]). Вундтъ доходитъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что усматриваетъ въ изолированномъ понятіи индивидуальнаго человѣческаго духа голую абстракцію, не соотвѣтствующую дѣйствительности, «такъ какъ реальность многочисленныхъ духовныхъ процессовъ сложнаго характера въ томъ именно и заключается, что въ образованіи ихъ всегда принимаетъ участіе множество отдѣльныхъ личностей, находящихся во взаимодѣйствіи» [2]). Литература, искусство, философія, наука, религія, нравственность суть коллективные продукты духовнаго общенія людей. «Языкъ, нравы, вѣрованія образуютъ вокругъ каждаго человѣка духовную атмосферу, внѣ которой онъ не могъ бы существовать въ качествѣ данной духовной индивидуальности, и которая, хотя и не подлежитъ количественной оцѣнкѣ, но, по всей вѣроятности, въ большей мѣрѣ опредѣляетъ совокупный характеръ данной личности, чѣмъ какое-либо иное спеціальное вліяніе» [3]).

Но духовная среда, окружающая человѣка, не есть первичный соціальный моментъ, не допускающій дальнѣйшаго анализа. Духовная среда есть не что иное, какъ тѣ же люди и ихъ духовные продукты. Какимъ же духовнымъ вліяніямъ подпадаетъ человѣкъ, это зависитъ, прежде всего, отъ хозяйственныхъ условій его жизни, ибо жизнь человѣка слагается, главнымъ образомъ, изъ хозяйства. Такъ, напр., духовная среда фабричнаго рабочаго, работающаго въ обществѣ сотенъ и тысячъ своихъ товарищей въ замкнутомъ помѣщеніи, живущаго въ большомъ городѣ съ его образовательными учрежденіями, театрами, политическими собраніями, но также и трактирами и проститутками, съ его постояннымъ контрастомъ величайшей бѣдности рядомъ съ безумнѣйшимъ богатствомъ, имѣетъ со-

---

[1]) H. Taine. „Philosophie der Kunst". Нѣмец. изд. Стр. 14. Цитир. у Wundt. „Logik". Т. II. Ч. II. Стр. 326.

[2]) Wundt. „Logik". Т. II. Ч. II. Стр. 293.

[3]) Тамъ же. Стр. 35.

вершенно иной характеръ, чѣмъ духовная среда крестьянина, обрабатывающаго своими единоличными силами свой собственный клочекъ земли, живущаго въ маленькой деревушкѣ, гдѣ онъ родился и гдѣ онъ умретъ, не подвергаясь другимъ духовнымъ вліяніямъ, чѣмъ тѣ, которыя можетъ ему доставить его спокойная и монотонная жизнь въ деревнѣ. Духовная среда фабричнаго рабочаго имѣетъ опять-таки иной характеръ, чѣмъ духовная среда фабриканта и т. д. Хозяйственная необходимость принуждаетъ большинство населенія, при современныхъ условіяхъ общественнаго строя, отдавать все свое время крайне изнурительному хозяйственному труду, не оставляющему свободы ни для какой иной дѣятельности и отрѣзывающему рабочаго, какъ желѣзной стѣной, отъ цивилизаціи и культуры. Степень хозяйственнаго благосостоянія и хозяйственныя условія жизни являются, такимъ образомъ, важнѣйшимъ моментомъ, опредѣляющимъ духовную среду человѣка.

Это рѣшающее значеніе хозяйственныхъ условій существованія приводитъ къ тому, что они налагаютъ свою печать на всѣ области сознательной жизни народа. Каждый экономически обособленный классъ имѣетъ и свою особую культурную физіономію. Совокупность психическихъ особенностей, отличающихъ одинъ народъ отъ другого и составляющихъ то, что называютъ національнымъ духомъ, зависитъ, прежде всего, отъ хозяйственныхъ условій жизни этихъ народовъ. Однако, руководящая роль хозяйства, какъ важнѣйшаго занятія человѣчества, имѣетъ тенденцію падать по мѣрѣ общественнаго прогресса. Развитіе производительности труда вызываетъ все новые роды умственной дѣятельности, не имѣющіе ничего общаго съ хозяйствомъ. Представители нехозяйственнаго труда (ученые, художники, общественные дѣятели, писатели, врачи и пр.), образуютъ все большую долю населенія. Такъ, процентъ лицъ, занятія которыхъ не имѣютъ хозяйственнаго характера, повысился въ Пруссіи съ 4,5 (въ 1843 г.) до 11,7 (въ 1895 г.) [1]). Участіе хозяйственнаго труда въ общей сово-

[1]) Кажущимся противорѣчіемъ этому является тотъ фактъ, что въ жизни нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ, живущихъ подъ тропиками, нехозяйственная дѣятельность, какъ танцы и игры, занимаетъ весьма

купности соціальной дѣятельности сокращается по мѣрѣ хода исторіи. Повышеніе производительности труда подрываетъ соціальное преобладаніе хозяйства и нехозяйственная дѣятельность пріобрѣтаетъ, въ качествѣ движущей силы исторіи, все большее значеніе.

IV.

Матеріалистическое пониманіе исторіи признаетъ рѣшающимъ моментомъ соціальной жизни не просто хозяйство, но матеріальные факторы хозяйства. Это различіе чрезвычайно важно не упускать изъ виду. Въ одномъ мѣстѣ «Капитала» Марксъ даетъ слѣдующее обоснованіе историческаго матеріализма.

«Трудъ есть, прежде всего, процессъ между человѣкомъ и природой, процессъ, въ которомъ человѣкъ своей собственной дѣятельностью осуществляетъ, регулируетъ и контролируетъ свой вещественный обмѣнъ съ природой. Онъ выступаетъ по отношенію къ матеріальной природѣ, какъ сила природы. Онъ приводитъ въ движеніе естественныя силы, принадлежащія ему, какъ организму—руки, ноги и голову, чтобы завладѣть матеріальной природой въ пригодной для него формѣ. Воздѣйствуя путемъ такого движенія на внѣшнюю природу и измѣняя ее, онъ измѣняетъ въ то же время свою собственную природу»[1]).

Въ этихъ словахъ охарактеризована одна особенность хозяйственнаго процесса, отличающая его кореннымъ образомъ отъ другихъ родовъ человѣческой дѣятельности. Хозяйственный процессъ совершается между двумя полюсами—человѣкомъ и матеріальной природой; соціальное хозяйство включаетъ въ себя не только отношенія людей между собой, но и ихъ отношенія къ внѣшней природѣ.

большое мѣсто и почти отодвигаетъ на задній планъ хозяйственный трудъ. Но это объясняется благопріятными естественными условіями существованія этихъ народовъ, что даетъ имъ возможность затрачивать сравнительно незначительное количество труда на добываніе средствъ къ жизни, иначе говоря, высокой производительностью хозяйственнаго труда подъ тропиками.

[1]) „Das Kapital". T. I. 4-е изд. Стр. 140.

Поэтому хозяйственный процессъ можетъ разсматриваться съ двухъ точекъ зрѣнія и можетъ быть предметомъ изученія двухъ различныхъ группъ наукъ: какъ соціальный процессъ онъ изучается соціальными науками, а какъ матеріальный процессъ—прикладнымъ естествознаніемъ.

Эта особенность хозяйства создаетъ ему совершенно особое положеніе среди всѣхъ другихъ соціальныхъ моментовъ. Хозяйство связываетъ въ одно неразрывное цѣлое соціальную, духовную среду съ матеріальной. Всѣ соціальные моменты обусловливаютъ другъ друга, находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи; но хозяйство есть нѣчто большее, чѣмъ соціальный моментъ, такъ какъ оно имѣетъ свою матеріальную сторону, стоящую внѣ соціальнаго взаимодѣйствія. Хотя внѣшняя природа и измѣняется хозяйственнымъ трудомъ, эти измѣненія происходятъ лишь на основѣ свойствъ самой внѣшней природы, составляющихъ самостоятельный и совершенно независящій отъ человѣка объективный моментъ хозяйства. Измѣняя природу, человѣкъ остается подчиненнымъ ея законамъ.

Въ историческомъ процессѣ развитія измѣняются нравы, политическое устройство, правовыя нормы, философскія и научныя воззрѣнія, формы искусства и т. д. и т. д. Всѣ чисто соціальныя категоріи подвержены постояннымъ перемѣнамъ. Общественный строй каждаго народа чрезвычайно различенъ на различныхъ ступеняхъ своего развитія, и нѣтъ ни одного чисто соціальнаго элемента, который оставался бы неизмѣннымъ при поступательномъ ходѣ исторіи.

Но хозяйство имѣетъ одну сторону, стоящую внѣ этого процесса измѣненія и независящую отъ него. Таковой является объективный моментъ хозяйства, обусловленный свойствами внѣшней природы.

Моментъ этотъ не измѣняется соціальнымъ развитіемъ, такъ какъ не принимаетъ въ немъ участія. Въ качествѣ процесса между человѣкомъ и природой, хозяйство встрѣчаетъ въ свойствахъ этой послѣдней свой послѣдній предѣлъ и свою естественную границу. Географическое положеніе страны, ея пространство, климатъ, береговая линія, строенія ея горъ и т. д. не зависятъ отъ историческихъ событій. «Какъ у извѣстнаго утеса волны всегда разби-

ваются опредѣленнымъ образомъ, такъ и извѣстныя условія внѣшней природы постоянно направляютъ по тѣмъ же путямъ движеніе жизни, являются неизмѣнно и въ томъ же смыслѣ предѣломъ и условіемъ послѣдней. Благодаря этому они пріобрѣтаютъ особое значеніе, дѣлающее ихъ чѣмъ то большимъ, чѣмъ простой ареной, на которой происходятъ отдѣльныя историческія событія; они являются неизмѣняющимся моментомъ въ измѣняющемся потокѣ міровой исторіи»[1]).

Внѣшняя природа оказываетъ двоякое вліяніе на человѣка, прямое и косвенное. Прямое вліяніе природы выражается въ измѣненіи естественной средой тѣла и духа человѣка; однако, гораздо важнѣе второе, косвенное вліяніе внѣшней природы на человѣка, именно черезъ посредство планомѣрной дѣятельности человѣка. Природа опредѣляетъ внѣшнія цѣли и условія человѣческой дѣятельности и этимъ самымъ оказываетъ въ высшей степени могущественное вліяніе какъ на всю жизнь человѣка, такъ и на его физическія и психическія свойства. Это второе, косвенное вліяніе природы на человѣка совершается черезъ посредство хозяйства[2]).

Основная ошибка того направленія въ исторіи, которое Бартъ называетъ антропогеографическимъ, заключается въ непониманіи, что не прямое, а косвенное вліяніе природы на общественную жизнь имѣетъ рѣшающій характеръ. Что касается до вліянія перваго рода, то наличности его нельзя, разумѣется, отрицать, но оно остается пока совершенно неяснымъ. Такъ, напр., нельзя сомнѣваться, что климатъ непосредственно вліяетъ на организмъ человѣка. Въ чемъ, однако, заключается это вліяніе, сказать опредѣленно нельзя. Попытки Бокля и другихъ установить непосредственную связь между естестественными условіями и особенностями соціальнаго строя можно считать совершенно неудавшимися; онѣ остались совершенно безплодными для соціальной науки.

---

[1]) Ratzel „Anthropogeographie". T. I. Стр. 13.

[2]) Ратцель справедливо указываетъ, что „воздѣйствіе природы на высшую духовную жизнь совершается въ большинствѣ случаевъ черезъ посредство хозяйственныхъ и общественныхъ отношеній, самымъ тѣснымъ образомъ связанныхъ другъ съ другомъ". Тамъ же. T. I. Стр. 54.

Напротивъ, связь между свойствами почвы, климата, географическаго положенія и господствующимъ характеромъ хозяйства совершенно очевидна и безспорна. Природа черезъ посредство хозяйства опредѣляетъ формы соціальной жизни. Такъ, напр., очевидно, что естественныя условія производства суть въ то время условія жизни общества. Человѣкъ можетъ приспособляться къ самому различному климату, но не къ недостатку пищи. «Какъ отдѣльная личность или небольшими группами человѣкъ могъ бы жить и на сѣверномъ полюсѣ, питаясь морскими животными. Но гдѣ онъ живетъ большими обществами, тамъ почва должна быть плодородна» [1]). Въ самыхъ холодныхъ и сухихъ мѣстностяхъ можетъ существовать лишь весьма рѣдкое населеніе; зависимость жизни человѣчества отъ количества выпадающихъ осадковъ имѣетъ еще болѣе принудительный характеръ. «Теплота еще можетъ быть до извѣстной степени возмѣщена жилищемъ и огнемъ. Но воду нужно получить изъ облаковъ или изъ земли. Ключевая вода можетъ восполнять недостатокъ дождевой — какъ, напр., въ оазисахъ въ пустынѣ. Но гдѣ не хватаетъ и этой послѣдней, тамъ ничѣмъ нельзя восполнить недостатка влаги, и передъ нами появляется пустыня, въ которой прекращается, благодаря отсутствію воды, жизнь какъ растеній и животныхъ, такъ и человѣка» [2]).

Природа ставитъ внѣшнія границы человѣческой дѣятельности и человѣческая исторія должна совершаться въ этихъ границахъ. Такимъ образомъ, жизнь общества опредѣляется и направляется силою стоящихъ внѣ ея естественныхъ условій хозяйства. Народъ, живущій вдали отъ моря, не можетъ заниматься морской торговлей; горнозаводское производство не можетъ возникнуть въ странѣ, лишенной полезныхъ ископаемыхъ; каждое культурное растеніе имѣетъ свои естественныя границы, въ которыхъ только и можетъ существовать и т. д. Исторія каждаго народа имѣетъ свою неизмѣнную естественную основу въ видѣ условій внѣшней природы, опредѣляющихъ черезъ посредство хозяйства границы возможнаго для даннаго народа.

---

[1]) Ratzel. „Anthropogeographie“. Т. II. Стр. 205.

[2]) Тамъ-же, стр. 207.

Извѣстно, какимъ своеобразнымъ и прочнымъ соціальнымъ типомъ обладаютъ кочевые народы. Втеченіе многихъ столѣтій они сохраняютъ тотъ же образъ жизни, тѣ же формы семьи, тѣ же общественныя учрежденія и пр. «Къ современнымъ крымскимъ Ногаямъ примѣнимо все то, что древніе разсказываютъ объ Агатирзахъ, Зауроматахъ и Гамаксобитахъ древности» [1]). Но кочевой образъ жизни связанъ самымъ тѣснымъ образомъ съ условіями внѣшней природы. Кочевая жизнь возможна лишь при наличности широкихъ, незаселенныхъ степей.

Лѣсные народцы являются другимъ примѣромъ тѣсной связи соціальнаго типа съ природными условіями существованія. Лѣсъ налагаетъ отпечатокъ на весь строй жизни такихъ народовъ, какъ бразильскіе лѣсные индѣйцы, лѣсные народцы внутренней Африки, сѣверо-американскія и сѣверо-азіатскія охотничьи племена и т. д. «Лѣсъ раздробляетъ такіе народы на мелкія племена, не допускаетъ образованія среди нихъ сильныхъ политическихъ организацій, затрудняетъ сообщеніе, препятствуетъ возникновенію земледѣлія и скотоводства. Непосредственная зависимость отъ внѣшней природы объясняетъ постоянно повторяющіяся сравненія образа жизни негритосовъ съ лѣсными животными» [2]).

Жизнь всѣхъ первобытныхъ народовъ очень тѣсно связана съ особенностями внѣшней природы, среди которой они живутъ. «Благодаря тому, что люди берутъ матеріалъ для своихъ жилищъ, одеждъ, домашней утвари, оружія, въ значительной степени изъ окружающаго ихъ животнаго и растительнаго міра, народы такъ тѣсно связываются, въ этнографическомъ отношеніи, съ окружающей ихъ внѣшней природой, что можно говорить о бамбуковой культурѣ, культурѣ раковинъ, точно такъ же, какъ о культурѣ, основанной на рисѣ, разведеніи коровъ, козъ и т. д.» [3]).

Такую тѣсную связь между условіями внѣшней природы и формами общественной жизни можно замѣтить,

---

[1]) Ratzel. „Anthropogeographie“. T. I. Стр. 156.

[2]) Тамъ же, стр. 478—479.

[3]) Тамъ же. Стр. 502.

однако, лишь на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія. Но такъ какъ хозяйственный прогрессъ заключается въ расширеніи власти человѣка надъ внѣшней природой, то и общественное развитіе должно вести къ относительному освобожденію человѣка отъ подчиненія внѣшней природѣ. Въ поступательномъ ходѣ исторіи измѣняются всѣ соціальные моменты, включая сюда и хозяйство; на той же природной основѣ смѣняются самыя различныя формы хозяйства, не имѣющія ничего общаго другъ съ другомъ. Природа предоставляетъ общественной жизни широкій кругъ возможнаго въ предѣлахъ этого круга—но чѣмъ заполняется этотъ кругъ, это зависитъ лишь на первыхъ ступеняхъ развитія непосредственно отъ внѣшнихъ условій природы.

Чѣмъ ниже ступень развитія, тѣмъ тѣснѣе связь между внѣшней природой и жизнью общества. Такъ, на первыхъ ступеняхъ развитія пути сообщенія опредѣляются почти исключительно условіями внѣшней природы. Морское побережье, рѣки, горные перевалы и долины образуютъ собой первые естественные пути сообщенія, въ узловыхъ пунктахъ которыхъ возникаютъ города. Но хозяйственное развитіе создаетъ, съ теченіемъ времени, новые, искусственнные пути сообщенія, которые, особенно со времени постройки желѣзныхъ дорогъ, все болѣе и болѣе уклоняются отъ первоначальныхъ естественныхъ линій сообщенія. Горы прорываются туннелями, проводятся каналы и для передвиженія создаются совершенно новые пути. Такъ, напр., Суэцкій каналъ придалъ новое направленіе міровой торговлѣ. Сравненіе карты путей сообщенія Римской Имперіи съ современной показываетъ, что, хотя нѣкоторые узловые пункты не измѣнили положенія, общее направленіе торговыхъ путей стало иное.

«Рѣки, какъ пути сообщенія, имѣютъ всего больше значенія въ началѣ развитія каждой страны. Сообщеніе первоначально опредѣляется направленіемъ рѣкъ, слѣдуя или по самимъ рѣкамъ, или по рѣчнымъ долинамъ. Въ низменностяхъ около рѣкъ прежде всего скопляется населеніе. Впослѣдствіи зависимость отъ рѣкъ ослабѣваетъ. Населеніе, возростая по своей численности, покидаетъ до-

лины, дороги уклоняются отъ извилистыхъ поворотовъ рѣкъ и идутъ напрямикъ»[1]).

Такимъ образомъ, общество постепенно освобождается отъ своей первоначальной зависимости отъ внѣшней природы. Конечно, вполнѣ исчезнуть эта зависимость не можетъ никогда. Природа всегда ограничиваетъ кругъ возможнаго для человѣка—но кругъ этотъ становится шире. Цѣпь, связывающая общество съ внѣшней природой, никогда не разрывается, но она удлиняется, и общественное развитіе становится свободнѣе въ томъ смыслѣ, что оно все болѣе опредѣляется своими собственными, внутренними, духовными, а не внѣшними, посторонними, матеріальными силами. «Первобытный народъ не есть народъ, живущій въ самой прочной связи съ природой, но живущій подъ гнетомъ природы. Поэтому, когда этнографы утверждаютъ, что развитіе культуры состоитъ во все болѣе всестороннемъ освобожденіи человѣка отъ власти природы, то слѣдуетъ замѣтить, что различіе первобытнаго и культурнаго народа въ этомъ отношеніи заключается не въ степени, а въ родѣ зависимости отъ природы. Культура есть свобода отъ власти природы не въ смыслѣ полнаго освобожденія, но въ смыслѣ болѣе многообразной, сложной и широкой зависимости»[2]).

Такимъ образомъ, мы опять приходимъ къ заключенію, что съ ходомъ исторіи соціальное преобладаніе хозяйственнаго момента должно падать. Первоначально хозяйство господствуетъ надъ жизнью общества. Затѣмъ хозяйство попадаетъ во все болѣе и болѣе тѣсную зависимость отъ другихъ соціальныхъ моментовъ (и прежде всего отъ науки, освобождающейся отъ подчиненія хозяйству)—оно все болѣе охватывается кругомъ соціальнаго взаимодѣйствія, все больше превращается изъ опредѣляющаго въ опредѣляемый моментъ соціальнаго развитія.

V.

Мы разсмотрѣли 3 важнѣйшихъ аргумента въ пользу историческаго матеріализма:

---

[1]) Ratzel. „Anthropogeographie“. Т. II. Стр. 535.

[2]) Тамъ же. Т. I. Стр. 65.

1) неизбѣжность хозяйственнаго труда для созданія матеріальной основы всякой иной дѣятельности;

2) количественное преобладаніе хозяйственнаго труда въ общей совокупности соціальной дѣятельности;

3) наличность въ хозяйственномъ процессѣ мало измѣняющагося матеріальнаго момента, не зависящаго отъ соціальнаго развитія и опредѣляющаго его.

Подвергнувши эти аргументы ближайшему анализу, мы убѣдились, что хотя они и заключаютъ въ себѣ зерно истины, они доказываютъ въ то же время, что преобладающее вліяніе хозяйства должно падать по мѣрѣ хода исторіи. Чѣмъ ниже производительность труда, тѣмъ тѣснѣе зависимость соціальнаго развитія отъ матеріальнаго момента внѣшней природы. Но само это развитіе создаетъ условія для относительнаго освобожденія общества отъ власти хозяйственнаго момента. Такъ, напр., на первыхъ ступеняхъ развитія познаніе опредѣляется практическими потребностями жизни и, прежде всего, хозяйственными потребностями. Затѣмъ отношеніе мѣняется — хозяйство все болѣе опредѣляется наукой и направляется наукой на новые пути. Первоначально слабая потребность въ познаніи пріобрѣтаетъ все большее соціальное значеніе и оказываетъ все болѣе могущественное вліяніе, черезъ посредство науки, на всѣ роды человѣческой дѣятельности.

«Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а, наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе», сказалъ однажды Марксъ. Это рѣзкое противопоставленіе сознанія и общественнаго бытія грѣшитъ игнорированіемъ того, что общественное бытіе есть не только причина, но и продуктъ сознанія; и чѣмъ дальше идетъ общество, тѣмъ въ большей мѣрѣ общественный строй, всѣ формы общежитія и даже формы хозяйства становятся продуктомъ свободнаго сознанія людей, заключающаго въ себѣ самомъ свои непреложные законы.

Американскій соціологъ Лестеръ Уордъ противопоставилъ два рода соціальнаго прогресса — пассивный, естественный, генетическій и активный, искусственный, телеологическій [1]). Противопоставленіе это, въ общемъ, совер-

[1]) Lester Ward. „Dynamic Sociology". 1883. Ч. I. Введеніе.

шенно вѣрно. Правда, соціальное развитіе регулировалось до настоящаго времени лишь въ весьма слабой степени сознательной человѣческой волей. Хотя общество и состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, каждая изъ которыхъ преслѣдуетъ свои сознательныя цѣли, но, какъ говоритъ Энгельсъ, «столкновеніе безчисленныхъ отдѣльныхъ воль и отдѣльныхъ дѣйствій вызываютъ въ соціальной области состояніе, которое совершенно аналогично состоянію безсознательной природы. Люди стремятся къ достиженію своихъ отдѣльныхъ цѣлей, но результаты, вытекающіе изъ ихъ дѣйствій, не составляютъ предмета ихъ желаній» [1]).

Однако, замѣчаніе Энгельса вѣрно лишь отчасти. Справедливѣе было бы сказать, что исторія общества до настоящаго времени не была, въ цѣломъ, желаемымъ результатомъ дѣйствій отдѣльныхъ людей, но болѣе и болѣе становится таковымъ. Въ этой области, какъ и въ остальныхъ, прогрессъ заключается въ возростающемъ вліяніи сознательной человѣческой воли на стихійныя силы природы. Соціальное развитіе пріобрѣтаетъ все въ большей и большей мѣрѣ характеръ искусственнаго, телеологическаго процесса, становится все болѣе и болѣе непосредственно желаемымъ результатомъ человѣческой дѣятельности.

«Древняя философія права старалась разрѣшить задачу, составляетъ ли право естественный или искусственный продуктъ. Отвѣтъ современной теоріи таковъ: все что исходитъ изъ человѣческой воли, имѣетъ, одновременно и естественный и искусственный характеръ. Но въ процессѣ историческаго развитія элементъ искусственнаго возрастаетъ на счетъ естественнаго элемента, по мѣрѣ того, какъ специфически человѣческая сознательная сила воли возрастаетъ по своему значенію и своей роли, пока она, наконецъ, не достигаетъ относительнаго освобожденія отъ своей природной основы и не становится въ противорѣчіе съ послѣдней» [2]).

По превосходной характеристикѣ Тённиса, всякая общественная группировка вначалѣ имѣетъ стихійный, безсознательный характеръ и возникаетъ на почвѣ слѣпыхъ, но

---

[1]) Engels. „Ludwig Feuerbach". Стр. 44.

[2]) Ferdinand Tönnies. „Gemeinschaft und Gesellschaft". 1887. Стр. 235.

естественныхъ влеченій человѣка. Соціальный прогрессъ заключается въ превращеніи этого стихійнаго сообщества во все болѣе и болѣе сознательное общество или, точнѣе, въ систему основанныхъ на свободномъ соглашеніи общественныхъ союзовъ.

Правда, общество никогда не оторвется отъ первоначальной стихійной почвы, на которой оно возникло—оно никогда не станетъ совершенно свободнымъ договорнымъ союзомъ, подобно тому, какъ индивидуальный человѣкъ никогда не освободится отъ власти своихъ потребностей и влеченій. Но какъ развитая сознательная воля, нераздѣлимая отъ сознанія внутренней свободы, постепенно замѣщаетъ въ сознательной жизни человѣка первоначальные непроизвольные инстинкты и влеченія, точно также и соціальное развитіе все въ большей и большей мѣрѣ становится продуктомъ сознательной человѣческой воли. Экономическая необходимость, являющаяся не чѣмъ инымъ, какъ властью надъ человѣкомъ, черезъ посредство хозяйства, внѣшней матеріальной природы, постепенно уступаетъ мѣсто царству относительной свободы—сознательному творчеству людьми своихъ соціальныхъ условій существованія.

Эта мысль, хотя она и расходится кореннымъ образомъ съ историческимъ матеріализмомъ, не совсѣмъ была чужда, какъ это ни странно, творцамъ этой теоріи. «Если государство является въ настоящее время,—говоритъ Энгельсъ,—въ эпоху крупной промышленности и желѣзныхъ дорогъ не чѣмъ инымъ, какъ рефлексомъ, въ обобщающей формѣ, экономическихъ потребностей класса, господствующаго въ производствѣ, то оно должно было быть такимъ рефлексомъ въ еще большей мѣрѣ въ ту эпоху, когда люди затрачивали гораздо большую часть своего времени на удовлетвореніе своихъ матеріальныхъ потребностей и потому гораздо больше зависѣли отъ нихъ, чѣмъ мы въ настоящее время» [1]). Но если люди раньше «гораздо болѣе зависѣли отъ своихъ матеріальныхъ потребностей», то въ настоящее время мы гораздо свободнѣе отъ нихъ—Энгельсъ признаетъ, иными словами, тенденцію соціальнаго развитія къ уничтоженію соціальнаго преобладанія хозяйства.

---

[1]) „Ludwig Feuerbach". Стр. 50.

По отношенію къ будущему Энгельсъ выражается гораздо рѣшительнѣе. Соціализмъ долженъ повести къ полному освобожденію человѣка отъ гнета хозяйства. «Человѣческое общество, противостоящее нынѣ самимъ людямъ, какъ внѣшній результатъ природы и исторіи, станетъ тогда ихъ собственнымъ свободнымъ дѣломъ. Объективныя, чуждыя силы, управляющія нынѣ исторіей, подпадутъ подъ контроль самихъ людей. Только съ того времени люди будутъ съ полнымъ сознаніемъ творить свою исторію, только съ этого времени общественныя силы, приводимыя людьми въ движеніе, будутъ приводить, во все возрастающей степени, къ желаемымъ результатамъ. Это прыжокъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы» [1]).

Противъ этой характеристики будущаго общественнаго строя было бы нечего возразить, если бы не ея слишкомъ абсолютная форма. Соціализмъ столь же мало можетъ считаться совершенно свободнымъ отъ объективныхъ условій хозяйства, какъ и капитализмъ исключительно зависящимъ отъ нихъ. Человѣкъ никогда не освободится въ полной мѣрѣ отъ гнета природы, но относительнаго освобожденія отъ этого гнета онъ достигнетъ не только путемъ будущаго таинственнаго прыжка. Неправильность характеристики Энгельса вытекаетъ, слѣдовательно, изъ его обычнаго представленія, что историческій прогрессъ совершается путемъ катастрофъ, прыжковъ. Въ дѣйствительности же соціальное развитіе идетъ постоянно и непрерывно; царство свободы растетъ медленно, но неуклонно, въ нѣдрахъ царства необходимости уже много тысячелѣтій, и каждый шагъ человѣчества впередъ есть новая область свободы, отвоеванная человѣкомъ у слѣпой и безжалостной необходимости.

---

[1]) Engels. „Eugen Dühring“. Стр. 305—306.

ГЛАВА V.

Общественный классъ и классовая борьба.

Классовое сложеніе современнаго общества.—I. *Побудительные мотивы къ классовой борьбѣ.* Борьба за богатство и борьба за власть. Политическая борьба. Война у охотничьихъ народовъ, у номадовъ, у низшихъ земледѣльцевъ и у цивилизованныхъ народовъ. Различные побудительные мотивы къ войнамъ.—II. *Классовая точка зрѣнія въ различныхъ областяхъ духовной дѣятельности.* Наука. Логическія истины и классовой интересъ. Мораль. Общеобязательность этическихъ нормъ. Чувство долга. Религія. Искусство.—III. *Классовая борьба и соціальныя движенія новѣйшаго времени.* Кооперативное движеніе. Современный соціализмъ. Соціалистическая интеллигенція. Соціальныя реформы. Законодательство по охранѣ труда. Новѣйшее обостреніе классовой борьбы. Его причины. Хозяйственный интересъ и матеріальные факторы хозяйства.

Среди современнаго государства наблюдаются различія какъ по отношенію къ правовому положенію различныхъ общественныхъ групъ, такъ и по отношенію къ національности, языку, религіи, образованію, профессіямъ и пр., и пр. Но среди всѣхъ этихъ различій есть одно, превосходящее по своему соціальному значенію безъ всякаго сравненія всѣ остальныя—хозяйственное различіе принадлежности людей къ тому или иному соціальному классу. Классовое сложеніе общества есть выраженіе соціальнаго факта присвоенія однѣми общественными группами прибавочнаго труда другихъ группъ. Но соціальные классы различаются не только по своей роли въ общественномъ хозяйствѣ или по степени своего хозяйственнаго благосостоянія: каждый соціальный классъ является особымъ, чрезвычайно сложнымъ соціальнымъ типомъ, такъ какъ на основѣ хозяйственныхъ различій возникаютъ многообразныя различія въ нравахъ, взглядахъ и во всемъ строѣ жизни данныхъ классовъ. То, что мы называемъ современной цивилизаціей, есть достояніе преимущественно бо-

гатыхъ классовъ; бѣдность неизмѣнно сопровождается невѣжествомъ и иногда полнымъ одичаніемъ. На низахъ соціальной лѣстницы историческій прогрессъ почти не вызываетъ перемѣнъ и самыя цивилизованныя общества нашего времени обнаруживаютъ самые глубокіе контрасты культурнаго уровня высшихъ и низшихъ классовъ.

I.

Исходя изъ совершенно вѣрной мысли, что различія хозяйственныхъ условій жизни не могутъ не сопровождаться культурными различіями, и что въ хозяйственной области интересы различныхъ классовъ болѣе или менѣе противоположны, творцы историческаго матеріализма отождествили всю исторію человѣчества съ борьбой общественныхъ классовъ за матеріальное богатство. «Исторія всякаго бывшаго доселѣ общества есть исторія классовой борьбы», гласитъ знаменитый «Манифестъ». Въ своей полемической книгѣ, направленной противъ Дюринга, Энгельсъ утверждаетъ, что «насиліе есть лишь средство, а экономическая выгода—цѣль»[1]), а въ другой своей работѣ подробно доказываетъ, что политическая борьба всегда есть лишь замаскированная борьба за экономическіе интересы: «всякая политическая борьба есть борьба классовъ, — говоритъ онъ,—и во всякой борьбѣ классовъ за свое освобожденіе, несмотря на ея по необходимости политическую форму—такъ какъ всякая классовая борьба есть политическая борьба, — дѣло идетъ объ экономическомъ освобожденіи классовъ»[2]).

Такова основная идея ученія о классовой борьбѣ. Но уже самая формулировка этой идеи Энгельсомъ страдаетъ существеннымъ логическимъ дефектомъ. Нельзя противопоставлять политическое «насиліе» (власть) «экономической выгодѣ» (богатству) по той причинѣ, что власть можетъ быть, и весьма часто бываетъ, цѣлью въ себѣ, а богатство всегда есть лишь средство къ чему-либо другому.

---

[1]) „Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschart". 3-е изд., стр. 165.

[2]) „Ludwig Feuerbach". Стр. 48—49.

Поэтому, не «экономическая выгода», а то, чему служитъ эта выгода, напр., поддержаніе жизни или чувственныя наслажденія могутъ быть противопоставлены стремленію къ власти, какъ особая, самостоятельная цѣль. Но совершенно очевидно, что простое стремленіе къ поддержанію жизни не можетъ быть единственнымъ или даже хотя бы важнѣйшимъ побудительнымъ мотивомъ къ классовой борьбѣ. Только самые бѣдные борются за голое существованіе—даже для высшихъ слоевъ рабочихъ классовъ дѣло идетъ въ хозяйственной борьбѣ не о самой жизни, а о болѣе пріятной, достойной человѣка жизни. Что же касается до болѣе достаточныхъ классовъ, то имъ, конечно, не приходится отстаивать своего права на существованіе. Богатый человѣкъ, стремящійся къ дальнѣйшему обогащенію, побуждается къ этому вовсе не чувствомъ самосохраненія. Уже большую роль въ этомъ отношеніи играетъ стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ. Но и оно крайне индивидуально и не имѣетъ всеобщаго характера. Весьма вѣроятно, что наиболѣе устойчивой психологической основой жажды богатства слѣдуетъ признать играющія столь важную роль въ жизни человѣка эгоальтруистическія стремленія къ почету и власти; можно думать, что люди гораздо больше стремятся къ богатству, какъ дорогѣ къ власти, чѣмъ, наоборотъ, къ власти, какъ дорогѣ къ богатству.

Итакъ, вопреки Энгельсу, невѣрно, что «насиліе есть лишь средство, а экономическая выгода—цѣль»,—нерѣдко «экономическая выгода» есть лишь средство къ «насилію»—иначе говоря, власти. Иными словами, политическая исторія общества отнюдь не есть замаскированная исторія борьбы классовъ за свои экономическіе интересы, такъ какъ люди борются не только за богатство, но и за власть. Политическая исторія сохраняетъ, слѣдовательно, на ряду съ экономической, свое самостоятельное значеніе.

На первомъ планѣ политической исторіи стоитъ война, сыгравшая такую выдающуюся роль въ дѣлѣ сплоченія общественныхъ группъ въ политически организованныя единицы—государства. Что же такое война—есть ли это только борьба за экономическіе интересы, или нѣчто несравненно болѣе сложное?

У первобытныхъ племенъ война, а не миръ, является, какъ извѣстно, нормальнымъ состояніемъ. «Каждое племя (индѣйцевъ), — говоритъ Морганъ, — признавалось, по общему правилу, находящимся въ состояніи войны со всѣми племенами, съ которыми оно не заключило особаго мирнаго договора. Каждый отдѣльный человѣкъ имѣлъ право во всякій данный моментъ организовать войско и предпринять съ нимъ походъ противъ любого племени»[1]). На то же указываетъ и Спенсеръ по отношенію къ другимъ народамъ[2]). Безпрерывныя войны первобытныхъ народностей находятся, несомнѣнно, въ самой тѣсной связи съ характеромъ ихъ хозяйства—охоты. То же оружіе, которое служитъ для охоты, употребляется и для нападенія на человѣка; самые пріемы охоты вполнѣ совпадаютъ съ пріемами войны: хорошій охотникъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошій воинъ. Хозяйство первобытныхъ народовъ благопріятствуетъ, слѣдовательно, въ высшей степени войнѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что въ войнахъ охотничьихъ народовъ хозяйственный мотивъ не играетъ большой роли, такъ какъ охотничьи племена не имѣютъ значительныхъ запасовъ полезныхъ предметовъ, которые могли бы присвоить побѣдители. Точно также нельзя сказать, чтобы войны этого рода вызывались противоположностью экономическихъ интересовъ охотничьихъ народцевъ, такъ какъ постояннаго антагонизма интересовъ на этой ступени общественнаго развитія почти нѣтъ. Никто не описывалъ краснорѣчивѣе Энгельса гармоничности общественнаго строя первобытнаго племени. «Бѣдныхъ и нуждающихся (въ такомъ племени) не могло существовать,—говоритъ намъ авторъ «Происхожденія семьи»,—коммунистическое хозяйство и родъ хорошо знали свои обязанности по отношенію къ старымъ, больнымъ и пострадавшимъ на войнѣ. Всѣ были равны и свободны, въ томъ числѣ и женщины. Рабамъ еще нѣтъ мѣста въ этой организаціи, нѣтъ мѣста въ большинствѣ случаевъ и подчиненія чужихъ племенъ... А какихъ мужчинъ и женщинъ создаетъ такое общество, объ этомъ свидѣтельствуетъ удивленіе, которое внушали

---

[1]) Morgan. „Die Urgesellschaft“, стр. 100.

[2]) Спенсеръ. „Основанія соціологіи“. Русск. перев. 1898, II, стр. 265.

всѣмъ бѣлымъ, встрѣчавшимся съ неиспорченными индѣйцами, личное достоинство, прямота, сила характера и храбрость этихъ варваровъ» [1]).

Словомъ, совершенная идиллія, съ одной только поправкой: «тамъ, гдѣ не существовало формальнаго мирнаго договора, между племенами царила война, и война эта велась съ жестокостью, которая отличаетъ человѣка среди всѣхъ прочихъ животныхъ» [2]). Чѣмъ же вызывались эти безконечныя войны народовъ, не знавшихъ соціальныхъ антагонизмовъ и еще не совершившихъ экономическаго грѣхопаденія—присвоенія прибавочнаго труда?

Во всякомъ случаѣ, не господствомъ хозяйственныхъ интересовъ. «Насиліе» у первобытныхъ племенъ уже потому не могло быть простымъ средствомъ къ «экономической выгодѣ», что никакой экономической выгоды изъ насилія обыкновенно не проистекало. Что же побуждаетъ эти народы къ войнѣ?

Прежде всего, любовь къ самой войнѣ, являющейся въ этомъ случаѣ не средствомъ, а цѣлью. Война первобытныхъ народовъ есть одинъ изъ видовъ спорта или игры. Игры нападенія и защиты составляютъ, какъ извѣстно, одну изъ самыхъ распространенныхъ формъ игры какъ у человѣка, такъ и у животныхъ. Прирожденный инстинктъ борьбы такъ силенъ у человѣкъ, что «врядъ ли существуетъ какая-либо форма игры, которая не принимала бы такъ или иначе характера борьбы» [3]). Битвы гладіаторовъ въ древнемъ Римѣ, турниры средневѣковыхъ рыцарей, кулачные бои русскаго простонародья, борьба атлетовъ въ циркахъ и балаганахъ—все это показываетъ, какъ сильны были во всѣ времена инстинкты борьбы и любовь къ воинственнымъ играмъ. И первобытные народы нападаютъ другъ на друга, прежде всего, изъ любви къ борьбѣ [4]).

---

[1]) Энгельсъ. „Происхожденіе семьи“. Пер. Бошнякъ. 1899, стр. 110.

[2]) Тамъ же, стр. 111.

[3]) Groos. „Die Spiele der Menschen“. Стр. 217.

[4]) „Племена, населявшія Новую Зеландію, почти непрерывно воевали между собой, проявляя при этомъ необычайную храбрость и хитрость... Для нихъ война была чѣмъ то вродѣ состязанія, происходя-

Къ этому побудительному мотиву присоединяются многіе другіе — такъ, напр., весьма сильное у первобытнаго человѣка чувство мести, являющееся, въ связи, съ предшествовавшими стычками, всегда готовымъ предлогомъ къ новымъ столкновеніямъ. Стремленіе къ отличію, къ славѣ, къ возбужденію удивленія къ себѣ среди себѣ подобныхъ есть, быть можетъ, сильнѣйшій поводъ къ войнамъ дикарей. Всѣ наблюдатели говорятъ о необычайно развитомъ тщеславіи первобытнаго человѣка, а что же можетъ въ большей степени питать это тщеславіе, чѣмъ успѣхи на войнѣ? Всѣмъ этимъ и объясняется воинственность охотничьихъ народовъ, несмотря на экономическую непроизводительность ихъ войнъ.

Не менѣе воинственны многія пастушескія племена, что опять-таки стоитъ въ тѣсной связи съ условіями ихъ хозяйства, такъ какъ и пастухъ легко превращается въ воина. Но въ этомъ случаѣ война пріобрѣтаетъ уже и хозяйственный смыслъ. Правда, и въ войнахъ пастушескихъ народовъ мотивы тщеславія, мести и любви къ борьбѣ играютъ очень большую роль; однако, къ нимъ присоединяется новый, не менѣе важный чисто экономическій мотивъ—грабежъ скота. «Арабскій разбойникъ, — говоритъ Буркгартъ,—считаетъ свою профессію въ высшей степени почетной и названіе «Гарами» (разбойникъ) есть одно изъ самыхъ лестныхъ для молодого героя. Арабъ грабитъ враговъ, друзей, сосѣдей, если только они не находятся въ его палаткѣ, когда ихъ собственность становится священной» [1]). Неудивительно, что «арабскія племена ведутъ безпрерывныя войны, хотя ихъ войны такъ же кратковременны, какъ и періоды мира, нарушаемаго по самымъ ничтожнымъ поводамъ» [2]). Точно также «пастушескіе народы Пампасовъ живутъ больше отъ грабежа лошадей, чѣмъ отъ разведенія ихъ. Ихъ постоянныя войны, которыя они ве-

---

щаго согласно строгимъ и честно исполняемымъ обѣими сторонами правиламъ, подобно тѣмъ международнымъ состязаніямъ въ игрѣ въ крикетъ или футболъ, которыя устраиваютъ англичане". Мижуевъ. „Передовая демократія современнаго міра". 1905. Стр. 17—18.

[1]) Groos. „Die Formen der Familie". Стр. 97.

[2]) Тамъ же. Стр. 98.

дутъ съ величайшей храбростью, имѣютъ своей непосредственной цѣлью грабежъ табуновъ»[1]).

Такъ же характеризуетъ войны скотоводческихъ народовъ и Спенсеръ. «У бечуановъ месть за прежніе грабежи и разбои является обычнымъ поводомъ для войны; дѣйствительнымъ же объектомъ ихъ всегда служитъ пріобрѣтеніе скота. У европейскихъ народовъ древности мы находимъ нѣчто совершенно подобное. Ахиллесъ говоритъ о троянцахъ: «они предо мной не виноваты, такъ какъ никогда не похищали моихъ быковъ и лошадей». А тотъ фактъ, что у древнихъ шотландцевъ угоны скота были обыкновенной причиной междуплеменныхъ битвъ, доказываетъ намъ, какъ была постоянна эта борьба за средства индивидуальнаго самосохраненія»[2]). Войны пастушескихъ народовъ можно, поэтому, разсматривать до нѣкоторой степени, какъ родъ хозяйства; но чувства тщеславія, мести и любовь къ войнѣ, какъ таковой, чрезвычайно сильно вліяютъ на это своеобразное хозяйство.

У первобытныхъ земледѣльческихъ народовъ другія побудительныя причины хозяйственнаго характера вызываютъ войны, такъ напр., похищеніе рабовъ, споры изъза границъ территоріальныхъ участковъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ племенамъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы наблюдаемъ среди сравнительно выше стоящихъ народовъ настоящія охоты на человѣческую дичь въ цѣляхъ каннибализма. «Не чѣмъ инымъ, какъ такими охотами были такъ называемыя войны ацтековъ; дань побѣжденныхъ ими племенъ состояла въ доставкѣ человѣческаго мяса»[3]). Однако, нельзя не признать, что у низшихъ земледѣльческихъ народовъ война въ гораздо меньшей степени служитъ хозяйственнымъ цѣлямъ, чѣмъ у пастушескихъ племенъ.

То же слѣдуетъ сказать и о цивилизованныхъ народахъ. Войны ведутся ими по самымъ разнообразнымъ поводамъ и мотивамъ—даже мотивъ альтруизма можетъ иногда

---

[1]) Тамъ же. Стр. 98.

[2]) „Основанія Соціологіи". II, стр. 256. Ср. также Lippert. „Kulturgeschichte". I, стр. 144.

[3]) Lippert. Тамъ же, стр. 61.

толкать народы на войну, какъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о защитѣ слабаго народа отъ нападеній сильнаго. Религіозный фанатизмъ вызывалъ долгое время самыя ожесточенныя и безпощадныя войны. Оскорбленное чувство національности является до настоящаго времени обычнымъ поводомъ къ войнамъ. Но въ общемъ, и у цивилизованныхъ народовъ эгоальтруистическія чувства, стремленіе къ славѣ и власти всего болѣе содѣйствуютъ войнамъ.

Мотивы хозяйственнаго рода могутъ также при этомъ играть большую роль, какъ, напр., въ колоніальныхъ войнахъ новаго времени. Однако, большая война только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть выгодна даже для побѣдителя,—слишкомъ много она ужъ стоитъ. Многіе соціологи (Сенъ-Симонъ, Контъ, Бокль, Спенсеръ и др.) не безъ основанія противопоставляютъ воинственному типу общества промышленный типъ, какъ соціальныя противоположности, и усматриваютъ въ войнѣ величайшую помѣху хозяйственному прогрессу. Политико-экономы не устаютъ, со времени Адама Смита, приводить доказательства экономической нецѣлесообразности войнъ, экономическія выгоды которыхъ обыкновенно не окупаютъ расходовъ; все это, однако, нисколько не препятствуетъ народамъ нашего времени разоряться въ безпрерывныхъ войнахъ, доказывая этимъ, что не хозяйственные интересы толкаютъ ихъ на войну.

Дѣйствительно, какіе общественные классы экономически выигрываютъ отъ войны? Быть можетъ, капиталисты? Если бы даже это было и такъ (хотя, на самомъ дѣлѣ, промышленность и торговля, а, слѣдовательно, и предприниматели, несутъ огромные убытки даже при побѣдоносныхъ войнахъ), все же это нисколько не объясняетъ, почему народныя массы, состоящія, конечно, не изъ капиталистовъ, настроены такъ воинственно и съ такой готовностью поддерживаютъ воинственную политику правительствъ. Ничто не вызываетъ до настоящаго времени такого воодушевленія, такого энтузіазма въ массахъ народа, какъ военные тріумфы, и только глубокое непониманіе человѣческой души можетъ объяснять этотъ энтузіазмъ какими-либо разсчетами на экономическія выгоды побѣдо-

носной войны. Солдатъ нашего времени не имѣетъ ничего общаго съ разбойникомъ кочевыхъ народовъ, онъ борется не за богатство, а за идеальныя цѣли, какъ честь, слава, могущество родины и т. д.

Такимъ образомъ, ученіе о господствующей роли въ общественной жизни хозяйственныхъ интересовъ не можетъ дать удовлетворительнаго объясненія соціальному факту огромной важности—войнѣ. Войну нельзя разсматривать какъ одну изъ формъ классовой борьбы, такъ какъ характерная черта войны именно въ томъ и заключается, что передъ лицомъ общаго непріятеля всѣ классы общества, несмотря на противоположность своихъ экономическихъ интересовъ, дѣйствуютъ болѣе или менѣе солидарно. Національное чувство и другія подобныя же чувства, объединяющія въ одно политическое цѣлое многоразличные классы, входящіе въ составъ государства, оказываются во время войны достаточно сильными, чтобы на время оттѣснить на задній планъ сознаніе классовыхъ антагонизмовъ. Въ этомъ случаѣ обнаруживается всего яснѣе несостоятельность всякихъ попытокъ отрицать самостоятельное историческое значеніе политическаго момента, не сводимаго на самомъ дѣлѣ ни къ какимъ экономическимъ моментамъ и являющагося особымъ и независимымъ соціальнымъ факторомъ.

Мы должны различать въ исторіи, поскольку она слагается изъ борьбы общественныхъ группъ, два рода борьбы: борьбу классовъ внутри политически организованнаго общества и борьбу цѣлыхъ агрегатовъ классовъ, организованныхъ въ политическія единицы. И та и другая борьба есть, въ большей или меньшей степени, борьба за власть. Но въ борьбѣ перваго рода важнѣйшимъ средствомъ къ власти является богатство, почему богатство и составляетъ весьма часто ближайшій объектъ борьбы; другой характеръ имѣетъ борьба второго рода, ближайшимъ объектомъ которой богатство бываетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, чаще же этимъ объектомъ является непосредственное политическое подчиненіе противника и расширеніе собственнаго политическаго могущества, по отношенію къ чему всѣ классы воюющаго государства чувствуютъ себя солидарно заинтересованными.

Существованіе извѣстной солидарности даже экономическихъ интересовъ различныхъ классовъ того же государства не подлежитъ сомнѣнію. Это опредѣленно признается Каутскимъ, указывающимъ, что «капиталистическое общество образуетъ собой, какъ и всякое другое, единый организмъ, въ которомъ поврежденіе одной части неблагопріятно вліяетъ на другія части», и приходящимъ къ заключенію, что извѣстная гармонія интересовъ различныхъ классовъ «безспорно существуетъ» [1]). Поэтому мы не имѣемъ никакого права разсматривать государство исключительно какъ организацію классоваго господства. Въ защитѣ политической самостоятельности государства въ равной мѣрѣ заинтересованы всѣ классы общества, поскольку эта самостоятельность имѣетъ для нихъ идеальную цѣнность. Въ чисто хозяйственной области государство есть организація не только классоваго господства, но и хозяйственнаго прогресса, увеличенія общей суммы національнаго богатства, что соотвѣтствуетъ интересамъ всѣхъ общественныхъ классовъ, какъ цѣлаго. Нельзя отрицать и культуртурной миссіи государства, матеріально заинтересованнаго въ подъемѣ духовной культуры населенія, такъ какъ политическое и экономическое могущество страны неразрывно связано съ успѣхами культуры.

II.

По отношенію къ высшимъ областямъ духовной дѣятельности человѣка—наукѣ, философіи, искусству, морали, религіи—недостаточность теоріи классовыхъ интересовъ совершенно очевидна. Научное и философское познаніе слѣдуетъ своимъ собственнымъ логическимъ закономъ, не имѣющимъ ничего общаго съ интересами классовъ. Марксъ и Энгельсъ были всего менѣе склонны отрицать, со своей гносеологической точки зрѣнія, объективное значеніе научныхъ истинъ. Какъ матеріалисты, они вѣрили въ объективное существованіе матеріи, которое, слѣдовательно, признавалось ими доступнымъ нашему познанію. «Способно ли наше мышленіе,—спрашиваетъ Энгельсъ,—познавать истин-

[1]) Kautsky. „Die Agrarfrage". Стр. 309.

ный міръ, могутъ ли наши представленія и понятія о реальномъ мірѣ быть точнымъ зеркаломъ дѣйствительности?» [1])—и отвѣчаетъ утвердительно. «Если мы можемъ доказать правильность нашего пониманія какого-либо процесса природы тѣмъ, что сами его производимъ, создаемъ его изъ его условій и, кромѣ того, подчиняемъ его своимъ интересамъ, то непостижимой «вещи въ себѣ» Канта приходитъ конецъ» [2]). Опытная наука познаетъ, по мнѣнію Энгельса, объективную истину.

Если такъ, то истинное научное познаніе должно быть совершенно независимымъ отъ классовыхъ интересовъ, ибо, въ противномъ случаѣ, оно не было бы объективнымъ, т.-е. истиннымъ познаніемъ. Такимъ образомъ, даже съ точки зрѣнія творцовъ ученія о классовой борьбѣ существуетъ, по крайней мѣрѣ, одна область, относительно которой господство классовыхъ интересовъ прекращается—область объективнаго научнаго познанія. Классовые интересы очень могущественны, но все же они не могутъ, напр., заставить солнце вращаться вокругъ земли; а такъ какъ наши научныя представленія, съ гносеологической точки зрѣнія Энгельса, отражаютъ дѣйствительность, то классовые интересы безсильны и по отношенію къ нимъ: объективный и независимый отъ классовой борьбы ходъ мірового процесса природы долженъ съ роковой необходимостью вызывать независимыя отъ классовыхъ интересовъ представленія и понятія въ нашемъ сознаніи. Какъ бы мы ни были заинтересованы въ отрицаніи геометрическихъ аксіомъ, мы не въ силахъ этого сдѣлать, если бы и хотѣли. Никакія усилія воли неспособны создать въ нашемъ воображеніи треугольникъ, сумма угловъ котораго была бы больше или меньше двухъ прямыхъ.

Итакъ, какъ бы плоха ни была гносеологія Энгельса, одно она несомнѣнно показываетъ: невозможность прилагать классовую точку зрѣнія къ оцѣнкѣ истинности научнаго познанія. Каждая теорія познанія, кромѣ абсолютнаго скептицизма, принуждена исходить изъ признанія общеобязательности логическихъ процессовъ мышленія и та-

---

[1]) Engels. „Ludwig Feuerbach“, стр. 15.

[2]) Тамъ же, стр. 16.

кимъ образомъ признавать существованіе объективной истины, независимой отъ практическихъ интересовъ жизни.

Для послѣдовательнаго марксизма остается только одинъ выходъ изъ этого положенія—возвращеніе къ тезису Протагора: «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей». Но философскій скептицизмъ несовмѣстимъ съ матеріалистической метафизикой марксистовъ, такъ какъ матеріализмъ исходитъ изъ признанія возможности познанія сущности вещей (усматривая таковую въ матеріи). Такимъ образомъ, марксизмъ стоитъ передъ дилеммой: отказаться отъ классовой точки зрѣнія или отъ философскаго матеріализма. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ марксизмъ перестаетъ быть самимъ собой.

Такъ же безсильна классовая точка зрѣнія и по отношенію къ морали. Энгельсъ съ этимъ, разумѣется, не согласенъ. «Мораль Фейербаха, —замѣчаетъ онъ,—такова же, какъ и всѣ другія теоріи морали. Она должна быть обязательной для всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ и потому никогда и нигдѣ не имѣетъ примѣненія и остается по отношенію къ дѣйствительному міру такъ же безпомощна, какъ и категорическій императивъ Канта. Въ дѣйствительности же, каждый классъ, даже каждая профессія имѣетъ свою особую мораль и нарушаетъ эту мораль, какъ только получаетъ возможность сдѣлать это безъ наказанія, а любовь, которая должна все объединить, обнаруживается въ войнахъ, раздорахъ, судебныхъ процессахъ, семейныхъ столкновеніяхъ, разводахъ и всевозможной эксплоатаціи людьми другъ друга» [1]).

Въ этой тирадѣ Энгельсъ утверждаетъ двѣ разныя вещи: во-первыхъ, что правила морали нарушаются въ современномъ обществѣ и, во-вторыхъ, что такихъ общеобязательныхъ правилъ совсѣмъ не существуетъ. Первое вѣрно, второе же опровергается самимъ Энгельсомъ, замѣчающимъ, что каждый классъ готовъ нарушить признаваемыя имъ правила морали. Есть, слѣдовательно, что нарушать. Если бы, дѣйствительно, люди каждаго класса и каждой профессіи имѣли свою особую мораль, то, непонятно, почему бы эта мораль не могла настолько при-

[1]) „Feuerbach", стр. 34—35.

способиться къ интересамъ данной соціальной группы, что надобности нарушать мораль совсѣмъ бы не возникало.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нравы, обычаи, господствующія чувства и привычки различныхъ классовъ глубоко различны; однако, и богатые и бѣдные признаютъ, въ общемъ, одно и то же морально дурнымъ или хорошимъ— христіанская мораль является уже многія сотни лѣтъ моральнымъ идеаломъ для всего цивилизованнаго человѣчества. Этическія сужденія первобытныхъ народовъ значительно отличаются отъ таковыхъ же нашего времени. Но это такъ же мало доказываетъ отсутствіе общеобязательныхъ этическихъ нормъ, какъ постоянная смѣна научныхъ воззрѣній и теорій не доказываетъ необязательности логическихъ законовъ мышленія. Мнѣніе Бокля, что моральныя ученія почти не испытываютъ перемѣнъ въ исторіи, конечно, несправедливо, но оно меньше противорѣчитъ фактамъ, чѣмъ обратное утвержденіе Энгельса, что не только каждая эпоха, но даже каждая профессіональная группа людей имѣетъ свою особую мораль.

У каждаго общественнаго класса есть свои особые экономическіе интересы, въ извѣстной мѣрѣ противоположные интересамъ другихъ классовъ. Но нравственное сознаніе далеко не совпадаетъ съ сознаніемъ классовыхъ интересовъ. Сущность нравственнаго одобренія или порицанія заключается въ томъ, что извѣстное дѣйствіе признается хорошимъ или дурнымъ ради него самого, не какъ средство къ какой-либо иной цѣли. Такимъ образомъ возникаетъ представленіе о нравственномъ долгѣ. Классовые интересы могутъ до такой степени затемнять нравственное сознаніе, что человѣкъ начинаетъ признавать ихъ самихъ за этическую норму; но и въ этомъ случаѣ они пріобрѣтаютъ нравственную санкцію не въ качествѣ классовыхъ интересовъ, а въ качествѣ выраженія нравственнаго долга. Формальный принципъ долга стоитъ, слѣдовательно, выше всѣхъ классовыхъ различій и въ признаніи этого принципа, нравственнаго долга, какъ такового, сходятся всѣ люди съ нравственнымъ сознаніемъ, безъ различія классовъ и профессій. «Отдѣльные виды долга могутъ быть эмпирически обусловлены, но сознаніе долга вообще есть

сознаніе a priori, т.-е. оно не можетъ быть обосновано эмпирическимъ путемъ и, наоборотъ, само обосновываетъ возможность различныхъ видовъ долга, получающихъ свое эмпирическое содержаніе отъ эмпирическихъ условій»[1]).

Понятіе сознательной классовой морали заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, такъ какъ сущность морали въ томъ и заключается, что не своекорыстный интересъ, а долгъ признается закономъ поведенія. Теорія господства классовыхъ интересовъ такъ же неспособна объяснить основной этическій фактъ сознанія долга, какъ она безсильна объяснить общеобязательность законовъ мышленія. Въ сущности, послѣдовательное проведеніе классовой точки зрѣнія равносильно упраздненію какъ морали, такъ и объективной науки.

Но теорія классовыхъ интересовъ противорѣчитъ очевиднѣйшимъ образомъ и фактамъ эмпирическаго содержанія нравственнаго сознанія. Нравственныя сужденія различныхъ народовъ, дѣйствительно, различны, но эти различія несомнѣнно уменьшаются по мѣрѣ прогресса общества. Чѣмъ выше ступень развитія, тѣмъ болѣе единообразія въ моральныхъ оцѣнкахъ. Существуетъ опредѣленное направленіе развитія морали и это убѣждаетъ насъ въ реальности единой общеобязательной морали, независимой отъ историческихъ условій времени и мѣста. Уже Демокритъ сказалъ, что «кто несправедливо поступаетъ, несчастнѣе того, кто испытываетъ несправедливость»[2]), а категорическій императивъ Канта формулированъ почти тѣми же словами въ Ведантѣ[3]). Со времени Евангелія между цивилизованными народами не существуетъ разногласія относительно того, что считать нравственно хорошимъ и дурнымъ. 19 столѣтій всесторонняго прогресса не дали въ этомъ отношеніи ничего новаго.

Этическія нормы могутъ имѣть весьма ограниченное значеніе въ качествѣ побудительныхъ мотивовъ человѣческаго поведенія. Но какъ бы безсильны онѣ ни были, все же ихъ нельзя устранить изъ соціальной дѣйствительности и

---

[1]) Windelband. „Präludien“, стр. 325.

[2]) Wundt. „Ethik“, I, стр. 288.

[3]) Ср. Спенсеръ. „Основанія этики“, 1899 г., стр. 25.

имъ нужно дать научное объясненіе. А такъ какъ теорія классовыхъ интересовъ исполнить этого не можетъ, то она принуждена отрицать самый фактъ существованія внѣклассовой морали. Но факты сильнѣе всякой теоріи.

Столь же мало можетъ быть объяснена классовыми интересами и религія, тѣснѣйшимъ образомъ связанная съ моралью. Чувство благоговѣнія, являющееся психологической основой религіознаго настроенія, не основано на практическомъ интересѣ и принадлежитъ къ элементарнымъ чувствамъ человѣческаго духа. Конечно, классовое строеніе общества оказываетъ вліяніе на господствующія въ обществѣ религіозныя вѣрованія, равно какъ и на его нравы. Въ этомъ марксизмъ совершенно правъ; но сторонники ученія о классовой борьбѣ заблуждаются относительно характера этого вліянія, которое состоитъ не въ замѣнѣ морали и религіи въ человѣческомъ сознаніи классовымъ интересомъ, а въ зависимости конкретнаго содержанія религіи и морали отъ экономическихъ условій жизни данныхъ общественныхъ группъ. Такъ, напр., тотъ фактъ, что христіанская религія была прежде всего воспринята бѣднѣйшими классами римскаго общества, несомнѣнно объясняется экономическимъ положеніемъ этихъ классовъ. Можно согласиться съ Ницше, что христіанство было «возстаніемъ рабовъ въ области морали». Но Ницше идетъ гораздо дальше и утверждаетъ, что не любовь къ людямъ, а классовая вражда бѣдныхъ къ богатымъ явилась основой первоначальнаго христіанства [1]). Въ этомъ Ницше безусловно неправъ, такъ какъ, хотя угнетенные и страдающіе естественно были болѣе склонны къ принятію новой религіи любви, чѣмъ ихъ угнетатели, это не значитъ, чтобы новая религія явилась для нихъ средствомъ классовой борьбы. Никакой классовой интересъ не былъ совмѣстимъ съ тѣмъ высокимъ религіознымъ воодушевленіемъ, которое побуждало первыхъ христіанъ презирать не только всѣ личныя выгоды, но и самую смерть.

Еще менѣе примѣнима классовая точка зрѣнія къ оцѣнкѣ явленій искусства. Эстетическія сужденія людей

---

[1]) Ср. Nietzsche. „Zur Genealogie der Moral“. Nietzsche's Werke. III, стр. 326 и слѣд.

находятся въ сильной зависимости отъ условій жизни этихъ людей, а, слѣдовательно, и отъ принадлежности ихъ къ тому или иному общественному классу. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что каждый классъ имѣетъ свое искусство. Богатые и образованные классы находятъ нерѣдко безвкуснымъ то, что нравится болѣе бѣднымъ и невѣжественнымъ. Но хотя вкусы и различны, все же область эстетики подчиняется своимъ законамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ классовыми интересами. Какъ превосходно разъяснилъ Кантъ, сущность прекраснаго въ томъ, между прочимъ, и заключается, что предметъ, признаваемый нами прекраснымъ, признается нами таковымъ не только для насъ, но и для всѣхъ безразличія. Въ этомъ различіе прекраснаго отъ просто пріятнаго. Поэтому, можно спорить о томъ, прекрасно данное произведеніе искусства или нѣтъ, но нельзя спорить, нравится оно намъ или нѣтъ. Утверждая существованіе особой эстетической способности «вкуса», которой отдѣльные люди одарены далеко не въ одинаковой степени, мы утверждаемъ общеобязательность эстетическихъ сужденій, подобно общеобязательности этическихъ и логическихъ сужденій. Эмпирическимъ доказательствомъ неизмѣнности законовъ изящнаго является то, что произведенія древняго искусства, напр., античныя статуи, несмотря на прошедшія тысячелѣтія и колоссальныя соціальныя перемѣны, продолжаютъ вызывать наше восхищеніе [1]).

Такимъ образомъ, ученіе о господствѣ классовыхъ интересовъ совершенно безсильно объяснить истинную сущность морали, религіи, искусства и науки, ибо классовой интересъ не составляетъ критерія добра, истины и красоты. Человѣческая исторія есть нѣчто несравненно болѣе высокое, чѣмъ простая борьба общественныхъ группъ за средства къ жизни.

III.

Есть два рода соціальныхъ движеній. Одни носятъ рѣзко классовой характеръ, въ другихъ классовой характеръ выраженъ слабо. Въ новѣйшей соціальной исторіи движенія

[1]) Ср. Kant. „Kritik der Urteilskraft“, I, § 6—8.

перваго рода играютъ большую роль, чѣмъ вторыя; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы послѣднія можно было совсѣмъ игнорировать. Примѣромъ движеній этого послѣдняго рода можетъ служить новѣйшее кооперативное движеніе, которое рядомъ съ политическимъ движеніемъ соціалъ-демократіи и трэдъ-юніонизмомъ образуетъ третью мощную вѣтвь современнаго рабочаго движенія.

Два послѣднихъ движенія носятъ рѣзкій классовой отпечатокъ и входятъ въ составъ великой классовой борьбы новаго времени; иной характеръ имѣетъ кооперативное движеніе, которое является грандіознымъ опытомъ, если не мирнаго рѣшенія соціальнаго вопроса, то, по крайней мѣрѣ, мирнаго содѣйствія этому рѣшенію. Современный соціализмъ есть, въ общемъ, классовое движеніе, но все же не безъ существенныхъ ограниченій. Великіе утописты — Оуэнъ, Сенъ-Симонъ, Фурье—не призывали къ борьбѣ классовъ и были глубоко убѣждены, что коренное преобразованіе капиталистическаго строя совершится не путемъ ожесточенной борьбы, а солидарной и мирной работы всѣхъ классовъ общества. Фурье всю жизнь прождалъ миѳическаго капиталиста, который долженъ былъ принести ему милліонъ для устройства перваго фаланстера, Оуэнъ былъ самъ милліонеромъ и дѣлалъ неудачные опыты создать ассоціацію будущаго посреди мрачнаго капиталистическаго міра настоящаго, сенъ-симонисты были проникнуты тѣми же стремленіями и надеждами. Все это могло быть крайне утопично, но фактъ остается фактомъ, что эти утописты были основателями ученія современнаго соціализма, выросшаго, слѣдовательно, не изъ классовыхъ интересовъ порабощенныхъ народныхъ массъ, но изъ чуждаго личной заинтересованности стремленія немногихъ благородныхъ людей создать лучшій общественный строй. Историческая мощь новаго соціальнаго идеала основывается не только на его соотвѣтствіи классовымъ интересамъ рабочихъ, но и на его соотвѣтствіи моральнымъ идеямъ нашего времени, признавшаго равноцѣнность каждой человѣческой личности.

Среди сторонниковъ этого идеала рабочіе, конечно, преобладаютъ. Но хотя изъ образованныхъ (а, слѣдовательно, и достаточныхъ) классовъ выходитъ немного искреннихъ друзей новаго идеала, эти немногіе играютъ въ дви-

женіи роль, далеко не соотвѣтствующую ихъ ограниченной численности. Изъ рядовъ интеллигенціи выходятъ вожди движенія—Марксъ, Лассаль, Энгельсъ, Либкнехтъ принадлежали по рожденію и воспитанію къ буржуазному обществу. Для самаго новѣйшаго времени особенно характерно значительное распространеніе симпатіи къ рабочему движенію среди представителей имущихъ классовъ. Примѣромъ могутъ служить англійскіе фабіанцы.

Огромное значеніе этой кооперації рабочихъ массъ съ представителями интеллигенціи, симпатіи которыхъ къ рабочимъ не могутъ основываться на классовой заинтересованности, не отрицается и марксистами. «Интеллигенція,—говоритъ Каутскій,—есть общественный слой, который всего легче приходитъ къ тому, чтобы возвыситься надъ классовой и сословной ограниченностью, проникнуться идеалистическими порывами и явиться выразителемъ не временныхъ и обособленныхъ интересовъ, а постоянныхъ интересовъ всего общества въ его совокупности» [1]).

Нельзя подвергать сомнѣнію вліяніе классовой борьбы на соціальное законодательство XIX-го вѣка, но нельзя и признавать названное законодательство продуктомъ только этой борьбы. Самыя важныя завоеванія въ этой области были достигнуты отнюдь не самостоятельными усиліями рабочихъ классовъ. Такъ, отмѣна законовъ противъ коалицій въ Англіи въ 1824 г. не стоитъ въ прямой связи съ какимъ бы то ни было рабочимъ движеніемъ, направленнымъ къ этой цѣли. Френсисъ Плэсъ, зажиточный хозяинъ портняжнаго заведенія въ Лондонѣ, неутомимой энергіи котораго англійскіе рабочіе всего болѣе обязаны закономъ 1824 г., принадлежалъ къ числу буржуазныхъ радикаловъ, былъ ученикомъ Бентама и Джемса Милля, и добивался свободы рабочихъ союзовъ не для того, чтобы помочь ихъ развитію, а, наоборотъ, чтобы путемъ широкой свободы сдѣлать невозможнымъ ихъ возникновеніе. Плэсъ былъ, безъ сомнѣнія, искреннимъ другомъ рабочихъ, но благо ихъ онъ усматривалъ не въ классовой организаціи, а въ неограниченной индивидуальной свободѣ. Онъ совершенно заблуждался относительно практическихъ послѣд-

[1]) „Bernstein und das socialdemokratische Programm“, стр. 133.

ствій достигнутой имъ отмѣны законовъ противъ коалицій [1]). Рабочіе же не оказали большой поддержки Плэсу и только послѣ изданія закона 1824 г. поняли значеніе послѣдняго. «Хотя рабочіе ничего не сдѣлали, чтобы достигнуть свободы союзовъ, они были исполнены твердой рѣшимости не допустить возобновленія запретельныхъ законовъ», говорятъ С. и Б. Веббъ [2]). Безъ этого свобода союзовъ продержалась бы недолго. Но несомнѣнный фактъ, что отмѣна запретительныхъ законовъ была непосредственно завоевана не рабочими, а радикалами изъ буржуазіи.

Фабричное законодательство въ еще меньшей степени можетъ считаться созданіемъ классоваго рабочаго движенія. Въ рядахъ первыхъ вождей движенія въ пользу законодательной охраны труда мы встрѣчаемъ представителей самыхъ различныхъ классовъ общества—только не рабочихъ. Ричардъ Остлеръ, наиболѣе выдающійся и вліятельный вождь агитаціи въ пользу десятичасового рабочаго дня былъ состоятельнымъ фермеромъ и называлъ себя старымъ тори, защитникомъ трона и алтаря. Этотъ благородный человѣкъ, затратившій нѣсколько десятковъ лѣтъ своей жизни на борьбу съ чрезмѣрной продолжительностью рабочаго дня на фабрикахъ и умершій въ крайней бѣдности, всѣми забытый и покинутый, является типомъ прирожденнаго человѣколюбца, какъ и другой великій борецъ за фабричное законодательство, Робертъ Оуэнъ. Таковъ же былъ и вліятельный рабочій вождь 30-хъ годовъ—методистскій пасторъ Стефенсъ [3]). Всѣ эти люди, какъ и многіе другіе, стоявшіе во главѣ движенія въ пользу фабричнаго законодательства, не были рабочими—побудительнымъ мотивомъ ихъ дѣятельности была не вражда къ богатымъ, а любовь къ бѣднымъ. Рабочій классъ въ теченіе долгаго времени оставался совершенно холоденъ къ агитаціи въ пользу законодательнаго сокращенія рабочаго дня, и только послѣ многихъ лѣтъ неутомимой дѣятельности иниціаторовъ движенія примкнулъ къ нимъ и доставилъ имъ побѣду.

---

[1]) Ср. Sidney und Beatrice Webb. „Die Geschichte des Britischen Trade Unionismus“. Пер. Бернштейна. 1895, стр. 85.

[2]) Тамъ же, стр. 83.

[3]) О вождяхъ движенія въ пользу фабричнаго законодательства см. Alfred. „The History of the Factory Movement“. 1857.

Всѣмъ этимъ я не думаю отрицать того, что центръ тяжести соціальной исторіи новаго времени лежитъ въ классовой борьбѣ. Хотя соціальная исторія состоитъ не только изъ борьбы классовъ, но именно классовая борьба играетъ въ наше время рѣшающую роль. Отнюдь не простая случайность, что ученіе о борьбѣ классовъ пріобрѣло такую популярность какъ разъ въ послѣднія десятилѣтія. Дѣло въ томъ, что именно господствующій нынѣ хозяйственный строй—капиталистическій—въ высшей степени содѣйствуетъ обострению классовой борьбы.

Капитализмъ сдѣлалъ борьбу основой хозяйственной жизни. Необезпеченность существованія всѣхъ общественныхъ классовъ чрезвычайно возросла при капиталистическомъ способѣ производства; въ то же время капитализмъ открылъ рабочему классу дорогу къ улучшенію его экономическаго положенія путемъ организованной борьбы съ классомъ капиталистовъ-предпринимателей. Что касается до имущихъ классовъ, то только капитализмъ далъ полный просторъ развитію жажды богатства, такъ какъ лишь капиталистическій способъ производства сдѣлалъ возможнымъ и даже необходимымъ, по условіямъ конкуренціи, неограниченное накопленіе богатства путемъ накопленія капитала.

Неудивительно, что именно въ наше время экономическіе интересы выступаютъ на первый планъ исторической сцены. Ни въ какую предшествующую историческую эпоху политическая исторія не носила такого рѣзкаго экономическаго отпечатка, никогда классовая борьба не была такъ интенсивна и упорна, какъ при господствѣ капиталистическаго способа производства. «Со времени распространенія крупной промышленности, т.-е., по крайней мѣрѣ, со времени европейскаго мира 1815 г., въ Англіи не могло быть ни для кого тайной, что вся англійская политическая жизнь вертится вокругъ борьбы за господство двухъ классовъ—землевладѣльческой аристократіи и буржуазіи. Во Франціи тотъ же фактъ обнаружился со времени возвращенія Бурбоновъ; историки эпохи реставраціи, отъ Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно говорятъ объ этой борьбѣ, какъ о ключѣ къ пониманію французской исторіи со времени среднихъ вѣковъ. И съ 1830 г. третьимъ участникомъ этой борьбы въ обѣихъ странахъ признается

рабочій классъ, пролетаріатъ. Отношенія такъ упростились, что нужно было умышленно закрывать глаза, чтобы не видѣть въ борьбѣ этихъ классовъ и въ противоположности ихъ интересовъ движущей силы современной исторіи, по крайней мѣрѣ въ обѣихъ названныхъ наиболѣе передовыхъ странахъ» [1]).

Въ прежнее время было много другихъ объектовъ соціальной борьбы, кромѣ богатства. Пока политическія права были привилегіей господствующихъ классовъ, пока народная масса была лишена даже гражданской свободы, до тѣхъ борьба за политическую равноправность могла заслонять борьбу за экономическіе интересы. Поэтому, въ политической исторіи прошлаго не такъ легко открыть вліяніе чисто хозяйственныхъ классовыхъ интересовъ. Политическіе интересы нерѣдко доминируютъ и оставляютъ въ тѣни интересы экономическаго порядка. Послѣ великой французской революціи и послѣдовавшихъ затѣмъ политическихъ потрясеній положеніе въ Западной Европѣ мѣняется. Политическая и правовая равноправность всѣхъ классовъ общества была болѣе или менѣе достигнута; но экономическое неравенство не только осталось, но даже усилилось, благодаря колоссальному росту богатства немногихъ, и лишь относительно незначительному уменьшенію бѣдности народныхъ массъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было концентрированіе соціальной борьбы вокругъ экономическаго неравенства; борьба за хозяйственные классовые интересы стала важнѣйшимъ содержаніемъ соціальной исторіи каждаго капиталистическаго государства.

Вотъ почему именно въ наше время экономическіе интересы пріобрѣли въ соціальной исторіи такое значеніе. Конечно, и теперь исторія не исчерпывается классовой борьбой, ибо въ высшихъ областяхъ духовной жизни человѣчества классовой интересъ не играетъ роли. Но то, что называютъ соціальной исторіей, т.-е., исторія взаимныхъ отношеній различныхъ общественныхъ группъ, изъ которыхъ слагается политически организованное общество, опредѣляется, со времени распространенія капиталистиче-

---

[1]) Engels. „Ludwig Feuerbach“, стр. 47.

скаго способа производства, больше, чѣмъ когда-либо раньше, борьбой классовъ.

И въ то же время современное общество гораздо свободнѣе отъ подчиненія матеріальному моменту хозяйства, чѣмъ общество прежнихъ временъ. Капиталистическое общество менѣе зависитъ отъ матеріальныхъ факторовъ хозяйства потому, что капитализмъ во много разъ повысилъ производительность общественнаго труда и этимъ уменьшилъ зависимость человѣчества отъ внѣшней природы. На первыхъ ступеняхъ развитія соціальный строй былъ пассивнымъ продуктомъ матеріальныхъ факторовъ хозяйства; теперь же эти послѣдніе становятся все въ большей степени продуктомъ человѣческаго общества.

Такимъ образомъ, новѣйшее историческое развитіе одновременно увеличило значеніе хозяйственнаго интереса, какъ сознательнаго мотива общественнаго поведенія среди другихъ сознательныхъ мотивовъ, и въ то же время значительно уменьшило значеніе матеріальныхъ факторовъ хозяйства, какъ опредѣляющаго момента общественнаго строя. Это показываетъ всего лучше, какъ ошибочно смѣшивать оба эти момента — субъективный и объективный, хозяйственную мотивацію и объективныя условія хозяйства. Матеріалистическое пониманіе исторіи видитъ въ матеріальныхъ факторахъ хозяйства опредѣляющую причину общественнаго развитія; я считаю эту теорію отчасти вѣрной— чтобы быть совсѣмъ вѣрной, она требуетъ, по моему мнѣнію, одного, но весьма существеннаго, ограниченія: признанія того, что преобладающая роль матеріальныхъ условій хозяйства въ общественномъ развитіи падаетъ по мѣрѣ хода послѣдняго. Ученіе о классовой борьбѣ утверждаетъ, что мотивъ хозяйственнаго интереса является господствующимъ въ общественной жизни и что борьба общественныхъ группъ за средства къ жизни образуетъ собой важнѣйшее содержаніе исторіи. Это второе ученіе, очевидно, не находится въ неразрывной логической связи съ первымъ. Опредѣляющая роль въ общественной жизни матеріальныхъ условій хозяйства отнюдь не должна съ роковой неизбѣжностью превращаться въ человѣческомъ сознаніи въ господство хозяйственнаго интереса, такъ какъ человѣкъ и безсознательно для себя подчиняется вліянію

условій хозяйства. Поэтому принятіе перваго ученія отнюдь не требуетъ принятія и второго.

Что же касается до этого послѣдняго—ученія о классовой борьбѣ—то оно исходитъ изъ ложныхъ психологическихъ предпосылокъ и противорѣчитъ реальнымъ фактамъ исторіи. Прежде всего, общественныя группы борются не только за средства къ жизни, но также и за власть; затѣмъ, борьба общественныхъ группъ не исчерпываетъ всего содержанія исторіи, ибо сфера дѣйствія этой борьбы не захватываетъ важнѣйшихъ областей духовной дѣятельности человѣка. Хозяйственные интересы различныхъ классовъ, дѣйствительно, находятся между собой въ непримиримомъ антагонизмѣ. Но такъ какъ хозяйственный интересъ не есть единственный интересъ человѣческой жизни, то и противоположность экономическихъ интересовъ не приводитъ къ антагонистическому строю всей соціальной жизни. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что ученіе о классовой борьбѣ есть неправильное распространеніе на всю область исторіи человѣчества нѣкоторыхъ соображеній, вѣрныхъ по отношенію къ гораздо болѣе узкому кругу явленій. Конечно, нельзя отрицать важности, по отношенію какъ къ нашему времени, такъ и къ предшествовавшимъ историческимъ эпохамъ, момента классовой борьбы; слѣдуетъ даже согласиться, что въ новѣйшее время значеніе этого соціальнаго момента весьма значительно возросло. Но ни теперь, ни раньше исторія человѣческаго общества не была исторіей только борьбы классовъ, и противоположное утвержденіе Маркса и Энгельса слѣдуетъ признать величайшей ошибкой.

ОТДѢЛЪ II.

ЦѢННОСТЬ И ПРИБАВОЧНАЯ ЦѢННОСТЬ.

ГЛАВА VI.

Цѣнность и стоимость.

Три рода трудовыхъ теорій цѣнности: идеалистическая, относительная и абсолютная трудовая теорія.—I. *Ученіе о цѣнности Маркса.* Историческій характеръ цѣнности. Цѣнность и цѣна. Внутреннее противорѣчіе понятія цѣнности у Маркса.—II. *Ученіе объ абсолютной и относительной стоимости.* Трудъ, какъ абсолютная стоимость. Относительная стоимость. Капиталистическія издержки производства. Абсолютная стоимость, какъ соціальная категорія по преимуществу.—III. *Ученіе о цѣнности.* Цѣнность въ общемъ смыслѣ слова. Хозяйственная цѣнность. Соизмѣримость пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній разнаго рода. Теорія предѣльной полезности. Строеніе цѣнъ. Цѣна, какъ выраженіе соціальныхъ отношеній власти и зависимости. Безсознательный элементъ въ строеніи цѣнъ.

Теорія цѣнности Маркса признаетъ трудъ основой цѣнности. Но, опредѣляя эту теорію, какъ трудовую теорію цѣнности, мы очень мало характеризуемъ ея истинное содержаніе. Дѣло въ томъ, что существуетъ не одна, а, по крайней мѣрѣ, три различныхъ теоріи, которыя одинаково называются трудовыми теоріями цѣнности. Одной изъ нихъ положилъ основаніе уже Ѳома Аквинскій своимъ ученіемъ о справедливой цѣнѣ (justum pretium). Согласно этой теоріи, только тогда обмѣнъ продуктовъ удовлетворяетъ требованіямъ справедливости, когда продукты обмѣниваются въ соотвѣтствіи съ трудомъ, затраченнымъ на ихъ производство. Теорія эта не утверждаетъ, что дѣйствительная цѣна товаровъ соотвѣтствуетъ этому требованію, но она признаетъ несправедливыми всѣ цѣны, уклоняющіяся отъ трудового принципа. Такимъ образомъ, трудовая цѣнность, согласно этой точкѣ зрѣнія, не есть законъ реальныхъ экономическихъ отношеній, но высшая норма хозяйственнаго долженствованія. Поэтому эту теорію можно назвать идеалистической трудовой теоріей цѣнности.

Ученіе о justum pretium характерно для среднихъ вѣковъ. Экономическій идеалъ христіанства сводился къ положенію «коемуждо по трудамъ его» и экономическія ученія отцевъ церкви были вѣрны этому завѣту. Но такъ какъ этотъ идеалъ является въ то же время выраженіемъ общей этической нормы, то естественно, что онъ сохранилъ все свое значеніе вплоть до нашего времени. Современный соціализмъ воспринялъ этотъ идеалъ и поставилъ одной изъ своихъ цѣлей достиженіе его.

Авторъ «Экономическихъ противорѣчій», остроумный Прудонъ, называетъ трудовую цѣнность «конституированной» цѣнностью и усматриваетъ «общественный прогрессъ въ постоянно повторяющихся попыткахъ разрѣшить проблему конституированія цѣнности»[1]). Конституированіе цѣнности обозначаетъ, въ глазахъ Прудона, достиженіе такого экономическаго состоянія, при которомъ прекратилось бы присвоеніе неработающими классами чужого труда и каждый рабочій владѣлъ бы своимъ полнымъ трудовымъ продуктомъ. Очевидно, что нѣчто подобное пока еще далеко не достигнуто, что конституированная цѣнность есть, слѣдовательно, не реальный фактъ настоящаго, но идеалъ будущаго.

Поэтому Прудонъ былъ совершенно правъ, признавая трудовую теорію цѣнности, понимаемую такимъ образомъ, «революціонной теоріей будущаго». И лишь благодаря умышленному непониманію Марксъ отождествилъ конституированную цѣнность Прудона съ трудовой цѣнностью классической политической экономіи и находилъ «весьма наивнымъ, что Прудонъ признаетъ то самое революціонной теоріей будущаго, что, какъ научно доказалъ Рикардо, является теоріей современнаго буржуазнаго общества»[2]). Но Рикардо никогда не доказалъ и не желалъ доказать, что рабочій получаетъ въ буржуазномъ обществѣ свой полный трудовой продуктъ. Теорія цѣнности Рикардо не можетъ быть противопоставляема теоріи цѣнности Прудона, такъ какъ обѣ теоріи говорятъ о разныхъ вещахъ: въ то время

---

[1]) Proudhon. „Système des contradictions économiques“. 1846. T. I. Стр. 90.

[2]) „Das Elend der Philosophie“. Стр. 18.

какъ Прудонъ понимаетъ подъ конституированной цѣнностью, строго говоря, не что иное, какъ право рабочаго на полный трудовой продуктъ, Рикардо имѣлъ въ виду установить своей теоріей цѣнности законъ реальнаго строенія цѣнъ. Въ затратѣ труда на производство даннаго товара Рикардо усматривалъ важнѣйшій, но далеко не единственный объективный моментъ, регулирующій среднія цѣны свободно воспроизводимыхъ товаровъ. Рикардо былъ крайне далекъ отъ мысли, что трудъ составляетъ самую субстанцію цѣнности; это въ особенности ясно изъ его не такъ давно опубликованныхъ писемъ къ Макъ-Куллоху. «Я думаю иногда,—говоритъ великій экономистъ въ одномъ изъ этихъ писемъ,—что если бы мнѣ случилось вновь написать въ моей книгѣ главу о цѣнности, то я призналъ бы, что относительная цѣнность продуктовъ регулируется не одной, а двумя причинами: относительнымъ количествомъ труда, необходимаго для производства продукта, и суммой прибыли, которая должна получиться съ затраченнаго капитала за время до продажи продукта» [1]).

Моментъ времени является въ глазахъ Рикардо другимъ факторомъ цѣнности свободно воспроизводимыхъ товаровъ, факторомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ затратой труда; что же касается до товаровъ, количество которыхъ не можетъ быть воспроизводимо въ желаемыхъ размѣрахъ, то ихъ цѣнность, по мнѣнію Рикардо, не находится ни въ какомъ соотношеніи съ трудомъ и опредѣляется исключительно спросомъ и предложеніемъ.

Ученіе о цѣнности Рикардо можно назвать относительной трудовой теоріей цѣнности, такъ какъ оно усматриваетъ въ трудѣ не абсолютную субстанцію, но важнѣйшую причину относительной высоты цѣнъ товаровъ.

Существуетъ, однако, теорія цѣнности, признающая трудъ абсолютной субстанціей цѣнности; эта абсолютная трудовая теорія цѣнности развита Родбертусомъ и Марксомъ [2]).

---

[1]) „Letters of David Ricardo to J. R. Macculloch". 1895. Стр. 71.

[2]) Что касается до Родбертуса, то онъ былъ такъ непослѣдователенъ, что придерживался одновременно всѣхъ трехъ варіантовъ трудовой теоріи цѣнности.

I.

Согласно этой теоріи, цѣнность есть не что иное, какъ овеществленный въ товарахъ трудъ. Только трудъ—и ничего больше—опредѣляетъ цѣнность товаровъ, такъ какъ трудъ есть сама субстанція цѣнности. «Какъ цѣнность, всѣ товары суть не что иное, какъ опредѣленная масса застывшаго рабочаго времени» [1]).

Но цѣнность нельзя отождествлять съ трудомъ. Трудъ есть основа всякаго хозяйства и отнюдь не представляетъ собой, поэтому, исторической категоріи хозяйства. Цѣнность же, по Марксу, есть историческая категорія и создается двумя моментами: 1) затратой труда для изготовленія даннаго полезнаго продукта и 2) выраженіемъ этой затраты не непосредственно въ общественномъ рабочемъ времени, а, окольнымъ путемъ, въ другомъ рабочемъ продуктѣ, обмѣниваемомъ на первый продуктъ. Если этотъ второй, историческій, моментъ отсутствуетъ, то и трудъ не принимаетъ формы цѣнности. Соціалистическое общество не нуждалось бы въ цѣнности для опредѣленія количества труда, затраченнаго на производство разныхъ продуктовъ [2]).

Цѣнность есть историческая форма, въ которой при господствѣ товарнаго производства выражается затрата общественнаго труда; это есть просто свойственный товарному производству специфическій способъ измѣрять общественный трудъ. «Человѣческая рабочая сила въ жидкомъ состояніи или человѣческій трудъ создаетъ цѣнность, но еще не есть цѣнность. Трудъ становится цѣнностью лишь въ застывшемъ видѣ, въ матеріальной формѣ» [3]).

Но для пониманія теоріи цѣнности Маркса нужно знать не только то, что̀ есть цѣнность, но также и то, что не есть цѣнность. Особенность этой теоріи заключается, между прочимъ, въ томъ, что въ ней проводится строгое различіе между понятіями цѣнности и цѣны. Между тѣмъ

---

[1]) Marx. „Zur Kritik der politischen Oekonomie". 1859. Стр. 6.

[2]) Ср. Engels. Eugen Dühring Umwälzung der Wissenschaft". Стр. 334—336.

[3]) Marx. „Das Kapital". Т. I. Стр. 18.

какъ другіе экономисты понимаютъ подъ цѣнностью то же самое абстрактно, что конкретно является цѣной [1]). Марксъ строго различаетъ понятія цѣнности и цѣны. Послѣ появленія въ свѣтъ III тома «Капитала» многіе усмотрѣли въ ученіи о цѣнности этого тома противорѣчіе съ ученіемъ о цѣнности I тома: въ III томѣ Марксъ вполнѣ опредѣленно признаетъ, что не трудовыя затраты, а капиталистическія издержки производства, затраты капитала, регулируютъ товарныя цѣны, между тѣмъ какъ въ I томѣ «Капитала» авторъ провозглашаетъ трудъ субстанціей цѣнности. Однако, Марксъ уже и въ I томѣ указалъ на то, что «среднія цѣны не совпадаютъ непосредственно съ цѣнностями товаровъ» [2]) и что многія вещи имѣютъ цѣну, не имѣя цѣнности (земля, дѣвственный лѣсъ и т. п.). Правда, Марксъ въ I томѣ не опредѣляетъ ближайшимъ образомъ отношенія цѣнности къ цѣнѣ. Но уже изъ его общаго ученія о цѣнности было ясно, что, по представленію автора «Капитала», цѣна товара есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ простое денежное выраженіе трудовой цѣнности [3])

Съ появленіемъ III тома «Капитала» всякіе споры по этому вопросу должны были прекратиться. Ученіе о цѣнѣ Маркса вполнѣ совпадаетъ, по всѣмъ существеннымъ пунктамъ, съ таковымъ же ученіемъ Рикардо, между тѣмъ какъ абсолютная трудовая теорія цѣнности Маркса почти не имѣетъ ничего общаго, кромѣ названія, съ относительной трудовой теоріей цѣнности Рикардо. Рикардо видѣлъ въ трудѣ лишь одинъ изъ многихъ факторовъ цѣнности, а для Маркса трудъ есть самая субстанція цѣнности.

Понятіе абсолютной трудовой цѣнности является краеугольнымъ камнемъ экономической системы Маркса. Многіе критики Маркса указываютъ на то, что авторъ «Капи-

---

[1]) Ср. Предисловіе П. Б. Струве къ русскому переводу I тома „Капитала“ Маркса.

[2]) „Das Kapital“, 4-е изд. Т. I. Стр. 129.

[3]) Хотя Марксъ и говоритъ, что „выраженіе цѣнности товара въ золотѣ есть денежная форма цѣнности или цѣна“ („Das Kapital“, I. Стр. 60), но на слѣдующей же страницѣ онъ заявляетъ, что „предметъ можетъ формально имѣть цѣну, не имѣя цѣнности“. Первое утвержденіе опровергается, такимъ образомъ, вторымъ и объясняется, очевидно небрежнымъ способомъ выраженія.

тала» просто постулируетъ, а отнюдь не доказываетъ свое основное экономическое положеніе—абсолютную трудовую цѣнность. Это указаніе справедливо, но отсутствіе доказательствъ реальности абсолютной трудовой цѣнности никоимъ образомъ нельзя считать слабой стороной марксизма. Напротивъ, слѣдуетъ признать методологическій пріемъ Маркса совершенно правильнымъ. Что, собственно, долженъ былъ доказывать Марксъ? То, что товарныя цѣны управляются трудовыми затратами? Но Марксъ не только не утверждаетъ этого, но рѣшительно это отрицаетъ.

Что же касается до реальности трудовыхъ затратъ, то таковая не нуждается въ доказательствахъ. Поэтому Марксъ былъ совершенно правъ, усматривая лучшее доказательство своего основного положенія во всей совокупности своей системы, въ представленномъ имъ объясненіи закономѣрности капиталистическаго хозяйства. Краеугольнымъ камнемъ этой системы является, какъ сказано, понятіе абсолютной трудовой цѣнности; если вся система стоитъ прочно, значитъ ея основаніе достаточно солидно. Такимъ образомъ, названное понятіе слѣдуетъ признать постулатомъ экономической науки, условіемъ самого существованія этой послѣдней. Отказъ отъ понятія абсолютной трудовой цѣнности равносиленъ отказу отъ научнаго объясненія капиталистическаго хозяйства. Такъ долженъ былъ разсуждать и такъ, дѣйствительно, разсуждалъ Марксъ.

Поэтому и критика ученія о цѣнности Маркса должна заключаться не въ чемъ иномъ, какъ въ оцѣнкѣ научной цѣлесообразности конструированнаго Марксомъ понятія цѣнности, въ опредѣленіи научнаго значенія этого понятія, какъ орудія изслѣдованія. Но, какъ я постараюсь показать, понятіе абсолютной трудовой цѣнности содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Слѣдовательно, оно совершенно не можетъ служить какимъ бы то ни было цѣлямъ изслѣдованія.

Обнаружить это внутреннее противорѣчіе не трудно. Цѣнность, по ученію Маркса, какъ указано, не просто трудъ, но трудъ, овеществленный въ товарѣ. Какимъ же образомъ трудъ можетъ овеществляться въ товарѣ? Почему трудъ является въ товарномъ хозяйствѣ не тѣмъ, что онъ есть—опредѣленной затратой человѣческой рабочей силы,—но

свойствомъ трудового продукта, товара? И въ какомъ свойствѣ товара выражается овеществленіе труда?

Причина овеществленія человѣческаго труда въ его продуктѣ, очевидно, заключается въ томъ, что товарное хозяйство дѣлаетъ невозможнымъ непосредственное сравненіе общественнаго труда, затраченнаго на производство различныхъ продуктовъ, такъ какъ общественное хозяйство при этомъ способѣ производства состоитъ изъ самостоятельныхъ и автономныхъ индивидуальныхъ хозяйствъ, единственной связью между которыми является обмѣниваемый продуктъ, товаръ. Такимъ образомъ, овеществленіе труда выражается въ товарной цѣнѣ. Кромѣ цѣны, товаръ не обладаетъ никакимъ свойствомъ, въ которомъ могъ бы овеществляться общественный трудъ.

Товарныя же цѣны выражаютъ собой не трудовыя затраты, а затраты капитала, капиталистическія издержки производства. Въ товарной цѣнѣ овеществляется не трудъ, но затрата капитала. А такъ какъ трудъ не можетъ овеществляться ни въ чемъ иномъ, кромѣ товарной цѣны, то, слѣдовательно, трудъ совсѣмъ не овеществляется въ товарномъ хозяйствѣ.

Внутреннее противорѣчіе понятія цѣнности у Маркса заключается, слѣдовательно, въ слѣдующемъ. Цѣнность есть, согласно Марксу, овеществленный трудъ. Но, какъ Марксъ признаетъ, товарная цѣна не совпадаетъ съ трудовой затратой; въ то же время трудъ не можетъ овеществляться ни въ чемъ иномъ, кромѣ цѣны. Слѣдовательно, цѣнность не есть овеществленный трудъ.

Внутреннее противорѣчіе разсматриваемаго понятія можно считать, такимъ образомъ, установленнымъ. Это противорѣчіе поставило Маркса предъ слѣдующей дилеммой: или товарныя цѣны опредѣляются цѣнностью,—и, въ такомъ случаѣ, цѣнность не можетъ совпадать съ трудовой затратой, такъ какъ цѣна не совпадаетъ съ трудовой затратой; или же товарныя цѣны не опредѣляются цѣнностью,—и, въ такомъ случаѣ, понятіе мѣновой цѣнности теряетъ всякій опредѣленный смыслъ, такъ какъ мѣновую цѣнность мыслить нельзя иначе, какъ основаніе цѣны.

Въ первомъ случаѣ, ученіе о цѣнности Маркса оказывается невѣрнымъ; во второмъ случаѣ, оно утрачиваетъ какое бы то ни было соотношеніе съ реальными фактами

товарнаго обмѣна, оно становится безсодержательнымъ. Въ обоихъ случаяхъ оно оказывается непригоднымъ въ качествѣ орудія научнаго изслѣдованія. Марксъ смутно понималъ это и его постоянныя противорѣчія объясняются невозможностью найти удовлетворительный для его системы выходъ изъ этой дилеммы. Во всѣхъ трехъ томахъ «Капитала» Марксъ колеблется между двумя взаимно исключающими точками зрѣнія—между признаніемъ и отрицаніемъ свойства труда опредѣлять товарныя цѣны. Смотря по потребностямъ аргументаціи, онъ становится на первую или на вторую точку зрѣнія. Въ I-мъ томѣ «Капитала» онъ представляетъ дѣло, по большей части, такимъ образомъ, какъ будто бы цѣны непосредственно управлялись трудовыми затратами; въ III-мъ томѣ, гдѣ дѣло идетъ объ образованіи товарныхъ цѣнъ, онъ это отрицаетъ. Такимъ образомъ, можетъ казаться, что ученіе о цѣнности III-го тома находится въ противорѣчіи съ таковымъ же ученіемъ I-го тома; на самомъ же дѣлѣ противорѣчіе заложено глубже—въ самомъ понятіи трудовой цѣнности, которая не опредѣляетъ товарныхъ цѣнъ и все же находитъ себѣ выраженіе въ мѣновыхъ отношеніяхъ товаровъ.

Все это придаетъ печать фантастичности многимъ экономическимъ построеніямъ «Капитала». Категорически заявляя, что цѣны *не тяготѣютъ* къ трудовымъ затратамъ, Марксъ съ неутомимымъ усердіемъ нанизываетъ одну форсвою на другую, вводитъ новыя и новыя усложненія въ мулу систему, строитъ одну запутанную теорему на другой, дѣлаетъ все болѣе темной свою хитроумную и крайне искусственную теоретическую конструкцію, въ основѣ которой лежитъ молчаливое допущеніе, что... цѣны *тяготѣютъ* къ трудовымъ затратамъ! Весь II-й томъ «Капитала» (кромѣ III отдѣла) представляетъ собой удивительнѣйшій образчикъ экономической схоластики, въ которой чисто словесныя построенія разростаются до чудовищныхъ размѣровъ; понятіе трудовой цѣнности переворачивается Марксомъ на всѣ лады, изъ него извлекаются самые замысловатые выводы, а изслѣдованіе объективныхъ фактовъ не подвигается ни на шагъ [1]). Мысль вращается все время

[1]) На схоластичность построеній „Капитала“ уже давно справедливо указалъ въ своей критикѣ Маркса г. Слонимскій.

въ кругу понятій, заключающихъ въ себѣ внутреннія противорѣчія. И вся эта схоластика—вродѣ глубокомысленныхъ разсужденій, создаетъ ли прибавочную цѣнность рабочій, занятый въ торговомъ предпріятіи—или бухгалтеръ и кассиръ—покоится на тезисѣ, который опровергается самимъ авторомъ! Реальныя явленія—вродѣ цѣнности земли—объявляются «мнимыми», «ирраціональными», а мнимыя понятія—вродѣ таинственной мѣновой цѣнности, не проявляющейся въ обмѣнѣ—признаются единственной реальностью. Марксъ, конечно, геніаленъ, и многія его мысли войдутъ навсегда въ сокровищницу человѣческаго знанія; но, достигая предѣловъ глубины пониманія, авторъ «Капитала» достигалъ и предѣловъ логической безвкусицы, отъ которой такъ пострадало его великое твореніе.

II.

Однако, критика извѣстной теоріи не можетъ закончиться установленіемъ противорѣчій этой послѣдней. Какъ цѣлое, теорія можетъ быть несостоятельна, но ея отдѣльныя составныя части могутъ содержать важныя истины. Плодотворная критика должна не только вскрыть слабыя стороны извѣстной доктрины, но и использовать ея сильныя стороны.

Абсолютная трудовая теорія Родбертуса-Маркса безусловно несостоятельна, какъ теорія цѣнности, иными словами, какъ теорія цѣны, ибо цѣна есть конкретное проявленіе абстрактной цѣнности. Но противорѣчія этой теоріи съ реальными фактами образованія цѣнъ слишкомъ очевидны, чтобы укрыться отъ мыслителей такой силы, какъ Родбертусъ и Марксъ. И если эти мыслители, тѣмъ не менѣе, не отказывались отъ своей теоріей, то лишь потому, что абсолютная теорія цѣнности казалась имъ необходимымъ основаніемъ ихъ экономической системы, задачей которой являлось объясненіе соціальныхъ отношеній капиталистическаго общества. На теоріи цѣнности основывается теорія прибавочной цѣнности этихъ мыслителей, теорія, сущность которой заключается въ утвержденіи, что доходы имущихъ классовъ покоятся на эксплоатаціи рабочихъ классовъ.

И дѣйствительно, абсолютная трудовая теорія цѣнности заключаетъ въ себѣ зерно истины. «Продукты,—говоритъ Родбертусъ,—стоятъ только труда, или, говоря иначе, трудъ есть единственный элементъ въ исторіи возникновенія продуктовъ, который можетъ считаться ихъ стоимостью... Продуктъ, несомнѣнно, стоитъ человѣку затраченнаго труда, но кромѣ труда нѣтъ ничего, относительно чего можно было бы сказать, что оно тоже входитъ въ составъ стоимости продукта... Правда, нельзя отрицать, что для производства продукта требуется еще многое другое, кромѣ труда. Такъ, требуется матеріалъ, доставляемый природой... Но если бы на этомъ основаніи называть матеріалъ стоимостью, то это было бы равносильно признанію личности за природой. Матеріалъ не есть затрата, дѣлаемая человѣкомъ при производствѣ—а мы можемъ считать стоимостью только затрату человѣка» [1]).

Хозяйственный процессъ есть человѣческая дѣятельность, направленная на пріобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ удовлетворенія нашихъ потребностей. Категорія хозяйственной цѣнности имѣетъ отношеніе къ этимъ послѣднимъ; но сама хозяйственная дѣятельность человѣка не захватывается категоріей цѣнности. Поэтому научное пониманіе хозяйственнаго процесса предполагаетъ рядомъ съ категоріей цѣнности также и категорію трудовой затраты, иначе говоря, категорію стоимости. Обѣ категоріи взаимно восполняютъ другъ друга и образуютъ собой двѣ основныя категоріи экономической науки, причемъ въ категоріи стоимости человѣкъ является дѣятельнымъ элементомъ хозяйства, а въ категоріи цѣнности—элементомъ пассивнымъ, воспринимающимъ извѣстныя наслажденія. Въ чемъ же заключается стоимость въ абсолютномъ смыслѣ? Только въ затратѣ человѣческаго труда, по той простой причинѣ, что только человѣкъ—субъектъ человѣческаго хозяйства.

«Когда Рошеръ утверждаетъ, что корова и быкъ производятъ теленка, и когда Смитъ утверждаетъ, что въ земледѣльческомъ производствѣ работаетъ не только рабочій, но и рабочій скотъ... то эти писатели признаютъ скотъ

---

[1]) Rodbertus. „Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände". 1842. Стр. 6—8.

личностью, ибо только личность активна, дѣятельна»[1]), остроумно замѣчаетъ Эффертцъ. Почему же мы признаемъ личностью только человѣка? Быть можетъ, потому, что человѣкъ есть единственное разумное существо, вѣнецъ созданія и т. д.? Отнюдь нѣтъ. «Это все фантазія. Дѣйствительная причина гораздо проще. Человѣкъ есть личность потому, что мы желаемъ изучать человѣческое хозяйство. Если бы мы хотѣли изучать хозяйство пчелъ, то личностями были бы пчелы, если бы хотѣли изучать хозяйство быковъ, то быки были бы личностями. Люди въ обоихъ случаяхъ не были бы личностями»[2]).

Поэтому работа лошади столь же мало можетъ считаться стоимостью въ абсолютномъ смыслѣ, какъ и паденіе воды, приводящее въ движеніе мельничное колесо. Работа лошади не есть затрата жизненныхъ силъ человѣческаго организма, она не ощущается человѣкомъ, какъ трудъ и страданіе. Такимъ образомъ, человѣкъ образуетъ собой въ человѣческомъ хозяйствѣ единственный абсолютный элементъ стоимости.

Противъ этой точки зрѣнія можно сдѣлать слѣдующее возраженіе. Человѣкъ долженъ относиться хозяйственнымъ образомъ не только къ своему труду и къ продуктамъ своего труда, но и ко многимъ предметамъ, которые не стоили ему никакого труда. Возьмемъ, напр., землю, гдѣ ея мало. Земля можетъ пріобрѣтать въ этомъ случаѣ очень высокую цѣну, и хозяинъ принужденъ очень бережливо расходовать естественныя производительныя силы земли, хотя бы въ созданіи ихъ его трудъ не принималъ ровно никакого участія. Или, напр., возьмемъ дико растущій лѣсъ. Развѣ при пользованіи имъ (если лѣса мало) человѣкъ не соблюдаетъ такой же экономіи, какъ и при пользованіи лѣсомъ, выращеннымъ его собственнымъ трудомъ? Родбертусъ признаетъ «хозяйственными благами» только блага, созданныя человѣческимъ трудомъ[3]). Но развѣ дикій лѣсъ въ нашемъ примѣрѣ не есть хозяйственное благо (т.-е.

---

[1]) Otto Effertz. „Arbeit und Boden". 1897. Стр. 46.

[2]) Тамъ же, стр. 47.

[3]) „Только блага, стоющія труда, суть хозяйственныя блага". Rodbertus. „Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände", 1842, S. 6.

благо, къ которому мы относимся хозяйственнымъ образомъ) совершенно въ такой же мѣрѣ, какъ и лѣсъ, искусственно разведенный?

Конечно, Родбертусъ неправъ, и хозяйственными благами являются далеко не одни продукты нашего труда. Но это возраженіе относится къ Родбертусу, а не ко мнѣ: развиваемая мною теорія *стоимости* отнюдь не совпадаетъ съ теоріей *цѣнности* Родбертуса. Для автора «Соціальныхъ писемъ» трудъ есть единственная субстанція не только *стоимости*, но и *цѣнности*. Именно поэтому Родбертусъ не могъ признавать *хозяйственными* благами (т.-е. благами, имѣющими цѣнность—оцѣнка благъ есть выраженіе хозяйственнаго отношенія къ нему) предметы, не созданные человѣческимъ трудомъ. Я же категорически отрицаю, чтобы трудъ былъ субстанціей *цѣнности*; но тѣмъ рѣшительнѣе я настаиваю, что единственной субстанціей *стоимости* въ ея абсолютной формѣ является человѣческій трудъ.

Ошибка Родбертуса (какъ и Маркса) заключается въ томъ, что онъ стремился отождествить два совершенно различныхъ понятія—стоимости и цѣнности—и признавалъ предметы, не имѣющіе стоимости, лишенными также и цѣнности. Но предметы, не имѣющіе стоимости, могутъ имѣть цѣнность, такъ какъ хозяйственное значеніе предметовъ основывается не на томъ, что они стоили намъ труда, а на томъ, что съ ихъ обладаніемъ связано удовлетвореніе нашихъ потребностей. «Цѣнность есть человѣческій интересъ, мыслимый какъ состояніе внѣшняго предмета», удачно опредѣляетъ цѣнность Визеръ[1]). Стоимость же есть самъ человѣкъ, мыслимый какъ дѣятельный элементъ хозяйства. Объ категоріи не только не тождественны, но, въ извѣстномъ смыслѣ, противоположны.

Однако, отъ абсолютной стоимости—трудовой затраты—слѣдуетъ отличать относительную стоимость. Абсолютная стоимость есть экономическая категорія, противоположная цѣнности, подобно тому, какъ человѣкъ, какъ субъектъ хозяйства, противоположенъ объектамъ хозяйства. Напротивъ, относительной стоимостью является всякая цѣнность, разсматриваемая не какъ цѣль, а какъ средство. Если для

[1]) Wieser. „Ueber den Ursprung des Wertes“. 1884. Стр. 79.

достиженія извѣстной цѣли требуется затрата цѣннаго предмета, то этотъ предметъ является стоимостью достиженія этой цѣли. Дико растущій лѣсъ ничего не стоилъ человѣчеству, но если онъ имѣетъ цѣнность, то при оцѣнкѣ стоимости постройки дома цѣнность лѣса должна быть принята въ разсчетъ. Но, очевидно, что стоимость въ этомъ смыслѣ имѣетъ совершенно иной экономическій характеръ. чѣмъ абсолютная трудовая стоимость. Мы цѣнимъ свой трудъ не потому, или не только потому, что съ помощью труда мы можемъ пріобрѣсть средства для удовлетворенія нашихъ потребностей. Нашъ трудъ есть наша жизнедѣятельность и затрата труда есть затрата нашего организма, нашего я. Поэтому мы должны быть столь же экономны по отношенію къ нашему труду, какъ мы экономны по отношенію къ предметамъ нашего потребленія; поэтому только трудовая стоимость есть стоимость въ абсолютномъ смыслѣ.

Затрата внѣшнихъ предметовъ, обладающихъ цѣнностью, имѣетъ совершенно иной экономическій характеръ. Предметъ, лишенный стоимости, какъ, напр., дико растущій лѣсъ, ничего намъ не стоитъ и въ томъ случаѣ, когда онъ затрачивается на постройку дома. Но такъ какъ дерево имѣетъ цѣнность, то оно входитъ въ составъ хозяйственной затраты при постройкѣ дома. Я называю стоимость въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, въ отличіе отъ абсолютной или трудовой стоимости, относительной стоимостью,—относительной потому, что затраты этого рода являются стоимостью не сами по себѣ, а лишь въ силу того, что затрачиваемые предметы обладаютъ цѣнностью.

При господствѣ мѣнового хозяйства каждый цѣнный предметъ можетъ служить, при посредствѣ обмѣна, для пріобрѣтенія другихъ цѣнныхъ предметовъ. Все можно купить на деньги. Поэтому естественно, что при современныхъ условіяхъ хозяйства стоимость всѣхъ предметовъ хозяйства обыкновенно выражается въ деньгахъ.

Дѣвственная почва не содержитъ въ себѣ ни атома человѣческаго труда. Человѣчество получило землю безъ всякой затраты своихъ жизненныхъ силъ. Но земля имѣетъ цѣнность и можетъ быть, поэтому, продана по опредѣленной цѣнѣ. Для того, кто купилъ земельный участокъ за

свои деньги, эти деньги образуютъ стоимость купленнаго участка. Но эта стоимость есть относительная, частно-хозяйственная, а не абсолютная, общественная стоимость, она имѣетъ условный и производный характеръ, представляя собой лишь иное выраженіе категоріи цѣнности. Съ точки зрѣнія всего общества, земля остается и въ мѣновомъ хозяйствѣ даровымъ благомъ, лишеннымъ стоимости, ибо общество, какъ цѣлое, ничего не затратило для пріобрѣтенія земли. И только съ частно-хозяйственной точки зрѣнія можно приписывать стоимость землѣ, подобно тому, какъ только съ частно-хозяйственной точки зрѣнія долговой документъ есть богатство.

Характерная для капиталистическаго строя категорія «издержекъ производства» есть одна изъ формъ выраженія относительно стоимости товаровъ. «Истинная стоимость товара (т.-е., по моей терминологіи, «абсолютная стоимость». *М. Б.-Т.*) измѣряется затратой труда, капиталистическая же стоимость—затратой капитала». («Die kapitalistische Kost der Waare misst sich an der Ausgabe in Kapital, die wirkliche Kost der Waare an der Ausgabe in Arbeit» [1]).

Издержки производства представляютъ собой капиталистическій способъ опредѣлять относительную стоимость товара. Такъ какъ самъ капиталистъ не принимаетъ участія въ трудѣ производства, то, понятно, абсолютная, трудовая стоимость его нисколько не интересуетъ. Для капиталиста совсѣмъ не важно знать, сколько труда заключено въ товарѣ, такъ какъ этотъ заключенный въ товарѣ трудъ есть трудъ не его, капиталиста, а чужой трудъ. Съ точки зрѣнія капиталиста, трудъ рабочаго ничѣмъ не отличается отъ работы лошади или машины.

Англичане очень мѣтко и характерно называютъ нѣкоторые способы капиталистической эксплоатаціи рабочаго sweating system—системой выжиманія пота. Тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ господствуетъ эта система (преимущественно, домашнее производство разныхъ ручныхъ издѣлій по заказамъ капиталистовъ-торговцевъ), поставляютъ весьма дешевые продукты, дешевизна которыхъ

[1]) Marx. „Das Kapital". T. III. Стр. 2.

основывается на крайне низкой оплатѣ труда. Въ продуктахъ этихъ содержится чудовищное количество человѣческаго пота. Рабочій день при господствѣ системы выжиманія пота необычайно продолжителенъ и переходитъ всѣ нормальныя границы, но, несмотря на огромную трудовую стоимость продуктовъ промышленности этого рода, капиталистъ можетъ продавать ихъ по ничтожной цѣнѣ, такъ какъ цѣна, заплаченная имъ самимъ за трудъ производства, еще ниже. Понятно, что свои собственныя усилія, свой собственный потъ, капиталистъ, какъ и всякій другой человѣкъ, не могъ бы цѣнить низко. Но, вѣдь, это потъ и усилія рабочаго, столь же мало ощущаемые капиталистическимъ заказчикомъ, какъ и усилія лошади, которую гонятъ, чтобы она бѣжала скорѣе. Единственное, что близко знакомо капиталисту и что ему важно знать—это затрата капитала, которой потребовало производство; затрата, исходя изъ которой нашъ капиталистъ устанавливаетъ продажную цѣну товара. Категорія трудовой стоимости совершенно отсутствуетъ въ сознаніи капиталистическаго предпринимателя и подмѣняется въ этомъ сознаніи иной категоріей—издержекъ производства.

Остановимся на этой своеобразной категоріи капиталистическаго способа производства. Ея характерная особенность заключается въ томъ, что она совершенно скрываетъ основное и глубочайшее хозяйственное различіе—различіе субъекта и объекта хозяйства—человѣка и предметовъ его дѣятельности. Въ издержкахъ производства фигурируютъ рядомъ и безъ всякаго различія, какъ моменты одинаковаго порядка, стоимость рабочей силы (заработная плата) и стоимость сырого матеріала, инструментовъ, построекъ и прочихъ объективныхъ средствъ производства. Это приравниваніе человѣка къ вещи вытекаетъ изъ самаго существа капиталистическаго способа производства—изъ работы по найму. Трудъ (рабочая сила) въ капиталистическомъ хозяйствѣ такой же товаръ, какъ и всѣ остальные; поэтому, при подсчетѣ стоимости производства, капиталистическій предприниматель не имѣетъ никакого основанія проводить различіе между трудомъ и орудіемъ труда—субъективнымъ и объективнымъ факторами производства. Для капиталиста рабочій есть такой же объектъ хозяйства, какъ и машина.

Выраженіемъ этого является столь ирраціональная, съ общественной точки зрѣнія, категорія издержекъ производства, въ которой трудящійся человѣкъ фигурируетъ рядомъ съ машиной и каменнымъ углемъ, въ которой координируются субъектъ и объектъ хозяйства. Правда, приравниваніе рабочаго къ хозяйственнымъ объектамъ «противорѣчитъ, — какъ справедливо замѣчаетъ Родбертусъ,— современнымъ правовымъ воззрѣніямъ, признающимъ личность рабочаго не менѣе, чѣмъ и личность собственника» [1]). Можно согласиться съ Родбертусомъ и въ томъ, что приравниваніе рабочаго къ средствамъ производства «указываетъ на отношеніе къ рабочимъ, какъ къ рабамъ», и что, съ этой точки зрѣнія, «рабочіе являются лишь болѣе совершенными машинами и ихъ предметы потребленія... могутъ быть приравнены къ корму скота и къ углю въ паровой машинѣ» [2]). Все это совершенно вѣрно; но неправильно заключеніе Родбертуса, что, такъ какъ такое отношеніе къ рабочему противорѣчитъ современнымъ правовымъ воззрѣніямъ, то оно противорѣчитъ и «дѣйствительному ходу вещей»; напротивъ, приравниваніе рабочихъ къ средствамъ производства вполнѣ соотвѣтствуетъ капиталистическому способу производства, откуда слѣдуетъ, лишать то, что этотъ способъ производства противорѣчитъ современнымъ правовымъ воззрѣніямъ.

Съ точки зрѣнія капиталиста, издержками производства являются, какъ сказано, не затраты труда, но затраты капитала. Но все же и въ капиталистическомъ обществѣ затрата труда образуетъ собой единственную абсолютную стоимость. Объективная общественная наука не можетъ становиться на точку зрѣнія капиталистовъ, такъ какъ капиталисты не образуютъ собой всего человѣческаго общества, а являются лишь частью его. Для политической экономіи членами общественнаго хозяйства являются всѣ люди, принимающіе въ немъ участіе,—т.-е., рабочіе не менѣе, чѣмъ предприниматели. Что касается до затратъ капиталиста-предпринимателя, то онѣ, очевидно, не могутъ считаться съ общественной точки зрѣнія истинной стои-

---

[1]) Rodbertus. „Zur Erkenntnis“ и т. д. Стр. 22.

[2]) Тамъ же.

мостью производства, ибо онѣ входятъ въ составъ доходовъ другихъ членовъ общества. Матеріальныя же средства производства, уничтожаемыя въ процессѣ производства, также не входятъ въ составъ абсолютной стоимости, ибо ихъ уничтоженіе не есть затрата человѣческаго организма. Природа не имѣетъ личности и потому «стоимость земли» (Эффертцъ) никоимъ образомъ нельзя приравнивать къ затратѣ силъ самого субъекта хозяйства. И при капиталистическомъ способѣ хозяйства земля ничего не стоитъ человѣчеству. Человѣкъ и его трудъ остаются, слѣдовательно, единственной субстанціей абсолютной стоимости при всякой формѣ хозяйства.

Хотя затрата труда есть столь же реальная категорія капиталистическаго хозяйства, какъ и затрата капитала, товарныя цѣны опредѣляются въ капиталистическомъ хозяйствѣ не затратами труда, но затратами капитала. Трудовая стоимость стоитъ внѣ капиталистическаго сознанія; а такъ какъ цѣны складываются на основѣ сознательныхъ разсчетовъ предпринимателей, то естественно, что абсолютная стоимость не оказываетъ непосредственнаго вліянія на товарную цѣну. Только, какъ затрата капитала, затрата труда вліяетъ на цѣны, ибо лишь затрата капитала знакома капиталистическому сознанію.

Это объясняетъ, почему категорія абсолютной стоимости такъ упорно игнорируется буржуазной политической экономіей. Абсолютная стоимость не опредѣляетъ товарной цѣны,—а явленія цѣны образуютъ собой важнѣйшій предметъ изученія буржуазной экономической науки. Все, что стоитъ внѣ непосредственной связи съ образованіемъ цѣнъ, признается капиталистическимъ сознаніемъ стоящимъ и внѣ реальнаго хозяйственнаго процесса. И, дѣйствительно, категорія абсолютной стоимости не видна на поверхности капиталистическаго міра.

Тѣмъ не менѣе, эта категорія столь же реальна, какъ и категорія цѣнности. Правда, категорія стоимости не объективируется въ товарной цѣнѣ, въ то время, какъ цѣнность въ цѣнѣ объективируется. Но лишь товарный фетишизмъ, природа котораго такъ геніально раскрыта Марксомъ, можетъ вести къ тому, чтобы не видѣть позади товарныхъ цѣнъ истинныхъ дѣятелей хозяйственнаго про-

цесса, работающихъ людей. Для человѣка, не ослѣпленнаго товарнымъ фетишизмомъ, реальное значеніе трудовой стоимости не можетъ подлежать сомнѣнію. «Во всѣ времена,— говоритъ Марксъ, — человѣка должно было интересовать время, затрачиваемое на производство средствъ къ жизни». Категорія трудовой стоимости есть соціальная категорія по преимуществу. Категорія цѣнности имѣетъ фетишистическій характеръ: общественныя отношенія скрываются въ ней подъ маской отношеній товаровъ. Позади товарной цѣны не видать производителя товара, рабочаго. Другое слѣдуетъ сказать о категоріи трудовой стоимости: общественный человѣкъ фигурируетъ въ ней безъ всякой маски, своей собственной личностью, со своими страданіями и со своимъ трудомъ, со своей борьбой съ природой и со своими общественными отношеніями, возникающими на фонѣ этой борьбы.

Понятіе производительности труда принадлежитъ, по общему мнѣнію, къ основнымъ понятіямъ экономической науки. Экономическій и соціальный прогрессъ измѣряется естественнѣе и проще всего ростомъ производительности труда. Политическая экономія не можетъ установить, безъ этого понятія, своихъ самыхъ элементарныхъ положеній. Такъ, напр., столь рѣшительный противникъ трудовой теоріи цѣнности, какъ Бэмъ-Баверкъ, исходитъ въ своемъ ученіи о капиталѣ изъ понятія производительности труда, усматривая значеніе капитала въ томъ, что «при помощи удлиненія времени производства можно произвести съ равной затратой труда больше продукта или же равное количество продукта съ меньшей затратой труда» [1]).

«Степень общественной производительности труда, измѣненіе ея и пр.,—замѣчаетъ Зомбартъ,—является тѣмъ, что безсознательно для производителя или какой бы то ни было хозяйничающей личности опредѣляетъ въ окончательной инстанціи цѣны, уровень прибавочной цѣнности, вообще всю хозяйственную жизнь, и, слѣдовательно, полагаетъ границы произволу личности» [2]).

---

[1]) Böhm-Bawerk. „Positive Theorie des Kapitals". 2-oe изд. 1902. Стр. 18.

[2]) Werner Sombart. „Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx". Archiv für sociale Gesetzgebung VII. Стр. 577. Эта замѣчатель-

Но понятіе производительности труда есть не что иное, какъ обращенное понятіе абсолютной трудовой стоимости: между тѣмъ какъ въ первомъ понятіи выражается отношеніе количества произведеннаго продукта къ затраченному труду, во второмъ выражается отношеніе затраченнаго труда къ количеству произведеннаго продукта. Иначе говоря, признавая одной изъ своихъ основныхъ категорій понятіе производительности труда, современная экономическая наука безсознательно для себя признаетъ таковой категоріей и понятіе абсолютной трудовой стоимости.

Мѣновая цѣнность есть историческая хозяйственная категорія, такъ какъ хозяйство не можетъ существовать безъ обмѣна; иной характеръ имѣетъ категорія трудовой стоимости, являющаяся логической категоріей хозяйства, ибо никакое хозяйство не мыслимо безъ затраты труда. Эта категорія должна стать краеугольнымъ камнемъ экономической науки, свободной отъ товарнаго фетишизма и изслѣдующей, прикрытыя отношеніями товаровъ, соціальныя отношенія ведущихъ хозяйство людей [1]). Визеръ безусловно правъ, утверждая, что «интересъ человѣка бережливо относиться къ человѣческому труду есть столь же важный и истинный интересъ, какъ и интересъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей» [2]). На это же указываетъ и Эффертцъ. «Благополучіе человѣка,—говоритъ онъ,—зависитъ, поскольку оно является хозяйственной величиной, отъ двухъ факторовъ: дохода и затрачиваемаго человѣкомъ труда. Чѣмъ больше доходъ и чѣмъ меньше рабочій день, тѣмъ больше благополучіе человѣка. Человѣкъ, принужденный ежедневно работать 18 часовъ, такъ же страдаетъ, какъ и человѣкъ, которому нечего ѣсть, какъ бы ни былъ

ная статья одного изъ наиболѣе выдающихся современныхъ экономистовъ страдаетъ тѣмъ, что категорія цѣнности смѣшивается въ ней съ категоріей стоимости и даже дѣлается попытка отрицать принципіальное различіе между обѣими категоріями.

[1]) Большой заслугой Рескина было то, что онъ ясно понялъ необходимость оцѣнки хозяйственныхъ предметовъ не только со стороны ихъ цѣнности, но также со стороны ихъ трудовой стоимости, и строго различалъ эти объ, столь часто смѣшиваемыя, категоріи. Ср. John Hobson „John Ruskin Social Roformer".

[2]) Wieser. „Ueber den Ursprung des Güteswertes". Стр. 105.

первый богатъ, а второй свободенъ отъ труда. Благополучіе такъ же несовмѣстимо съ голодомъ, какъ и съ чрезмѣрной работой» [1]).

Послѣднее, конечно, вѣрно, но утвержденіе Эффертца, что каждое сокращеніе хозяйственнаго труда увеличиваетъ благополучіе человѣка, правильно лишь съ извѣстными ограниченіями.

Нѣкоторые роды хозяйственнаго труда, по самому существу, совершенно независимо отъ своей продолжительности, ощущаются человѣкомъ, какъ нѣчто непріятное. «Интересъ къ дѣлу, могущій замѣнить особую оплату труда, имѣется въ значительномъ размѣрѣ лишь при высшей, творческой дѣятельности. Но этотъ побудительный мотивъ отсутствуетъ при низшихъ, механическихъ операціяхъ, исполняемыхъ современными пролетаріями: операціями, не требующими затраты духовныхъ силъ, но въ тѣмъ большей мѣрѣ физическихъ силъ, а также и перенесенія извѣстныхъ эстетическихъ непріятностей и скучной механической работы» [2]).

Врядъ ли возможно изъ любви къ самому дѣлу «работать въ рудникахъ, пробивать шахты, исполнять опасныя обязанности машиниста на локомотивѣ, рабочаго на химической фабрикѣ». Но другіе роды хозяйственнаго труда, какъ многія сельскохозяйственныя работы, садоводство, рыбная ловля, охота и пр., могутъ доставлять огромное наслажденіе, если только ихъ продолжительность не чрезмѣрна.

Поэтому, мы не имѣемъ права разсматривать каждую хозяйственную работу при всѣхъ условіяхъ, какъ непріятную дѣятельность. Однако, самая пріятная дѣятельность перестаетъ быть таковой въ случаѣ ея чрезмѣрной продолжительности. Между тѣмъ, хозяйственная дѣятельность должна переходить, какъ общее правило, тѣ границы, въ предѣлахъ которыхъ она пріятна. Вопросъ этотъ превосходно разъясненъ Джевонсомъ, показавшимъ, что, согласно хозяйственному принципу, мы не должны прекращать своей хозяйственной дѣятельности до тѣхъ поръ, пока полезность

---

[1]) Effertz. „Arbeit und Boden“ Стр. 64.

[2]) Georg Simmel. „Einleitung in die Moralwissenschaft“. 1892. Стр. 419.

послѣдней единицы изготовляемаго нами продукта не станетъ равна непріятному чувству, доставляемому намъ работой [1]).

При капиталистическомъ способѣ производства рабочій принужденъ переходить и эту нормальную границу рабочаго дня, такъ какъ установленіе продолжительности его не зависитъ отъ рабочаго. Капиталистъ же не чувствуетъ тягостности чрезмѣрнаго рабочаго дня и непосредственно заинтересованъ въ возможномъ удлиненіи рабочаго дня. Такимъ образомъ, въ капиталистическомъ хозяйствѣ возникаетъ тенденція къ крайнему удлиненію рабочаго дня, противъ чего рабочіе принуждены вести упорную борьбу.

III.

При построеніи теоріи хозяйственной цѣнности нельзя упускать изъ виду, что категорія цѣнности имѣетъ значеніе не только въ примѣненіи къ хозяйству. «Моментъ цѣнности,—говоритъ Вундтъ,—образуетъ важнѣйшій отличительный признакъ духовнаго отъ чистаго физическаго... Духовный міръ есть міръ цѣнностей, которыя имѣютъ самыя различныя степени. Чувственныя, эстетическія, этическія и интеллектуальныя цѣнности суть лишь наиболѣе рѣзко очерченныя основныя группы цѣнностей, между которыми наблюдаются разнообразные переходы и точки соприкосновенія. Всѣмъ имъ является общимъ то, что онѣ предполагаютъ взаимно исключающія противоположности, чѣмъ и указываютъ на чувство, какъ на свою субъективную основу... Въ духовномъ мірѣ все имѣетъ свою положительную или отрицательную, свою большую или меньшую цѣнность» [2]). «Философія,—опредѣляетъ Виндельбандъ,—

---

[1]) Ср. Jevons. „The Theory of Political Economy". 3 Изд. 1888. Глава V. Правило, устанавливаемое Джевонсомъ, не имѣетъ безусловнаго значенія, такъ какъ можно вообразить такія благопріятныя условія хозяйства, при которыхъ человѣкъ будетъ удовлетворять свои потребности дѣятельностью, доставляющей удовольствіе. Хозяйственная дѣятельность не была бы въ этомъ случаѣ бременемъ для человѣка. Но не подлежитъ сомнѣнію, что подобное состояніе хозяйства предполагаетъ такой высокій уровень производительности труда, что оно можетъ разсматриваться лишь какъ недостижимый идеалъ.

[2]) Wundt „Logik. Methodenlehre". II. Стр. 16.

есть критическая наука объ общеобязательныхъ цѣнностяхъ» [1]). Значеніе категоріи цѣнности для всей области историческихъ наукъ всего лучше показалъ Риккертъ въ своей замѣчательной книгѣ «Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung». Всякая эмпирическая дѣйствительность относится къ области естествознанія, поскольку она разсматривается по отношенію къ общему, но та же дѣйствительность относится къ области исторіи, поскольку она разсматривается въ своей индивидуальности. Разсмотрѣніе же индивидуальности возможно лишь при помощи категоріи цѣнности. Такимъ образомъ, сужденія оцѣнки являются основаніемъ всякой исторической науки.

Въ этомъ самомъ широкомъ смыслѣ слова можно согласится съ Эренфельсомъ, что «цѣнные предметы суть тѣ, которыхъ мы желаемъ» [2]). При этомъ можно желать предмета, какъ цѣль или какъ средство къ какой-либо иной цѣли. Поэтому можно подраздѣлять цѣнности на непосредственныя, самостоятельныя и посредственныя, производныя цѣнности. Хозяйственная цѣнность относится ко второму роду, такъ какъ хозяйственная дѣятельность есть не цѣль въ себѣ, но средство къ достиженію другихъ цѣлей. Матеріальная вещь становится предметомъ хозяйственной оцѣнки въ томъ случаѣ, если отъ обладанія ею, въ ея матеріальной формѣ, зависитъ удовлетвореніе нашихъ потребностей. Поэтому, хозяйственная цѣнность есть «значеніе, пріобрѣтаемое конкретными предметами въ силу того, что, какъ мы сознаемъ, отъ обладанія ими зависитъ удовлетвореніе нашихъ потребностей». (Менгеръ).

Теорія предѣльной полезности, если и не привела къ полному завершенію ученіе о цѣнности, то, во всякомъ случаѣ, весьма существенно двинула это ученіе впередъ [3]). Многіе отрицаютъ возможность количественнаго сравненія нашихъ, столь разнообразныхъ, пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній. Но это возраженіе противъ современной теоріи цѣнности опровергнуто уже старикомъ Кантомъ. «Какъ бы ни были разнообразны наши представленія о предметахъ,—

[1]) Windelband. „Präludien“ Стр. 30.

[2]) Ehrenfels. „System der Werttheorie“. 1897. I. Стр. 53.

[3]) О теоріи предѣльной полезности см. мою книгу „Очерки изъ исторіи политической экономіи и соціализма“.

говоритъ великій мыслитель,—чувство удовольствія... по существу одинакаго рода... Ибо, въ противномъ случаѣ, какъ было бы возможно количественное сравненіе мотивовъ, совершенно различныхъ по представленіямъ, лежащимъ въ ихъ основаніи, и предпочтеніе того мотива, который сильнѣе дѣйствуетъ на нашу волю? Человѣкъ можетъ вернуть непрочтенной поучительную книгу, которая попала ему въ руки, чтобы не пропустить охоты, можетъ уйти во время интересной рѣчи, чтобы не опоздать къ обѣду, оставить пріятный разговоръ, который вообще онъ очень цѣнитъ, чтобы засѣсть за игорный столъ, даже оставить безъ поддержки бѣдняка, которому онъ въ другомъ случаѣ помогъ бы отъ чистаго сердца, потому что у него едва хватаетъ заплатить за театральный билетъ» [1]).

Какъ средства удовлетворенія нашихъ потребностей, всѣ хозяйственные предметы соизмѣримы, каковы бы они ни были, и современная теорія цѣнности не совершаетъ никакой ошибки, признавая ихъ соизмѣримыми. Всеобщему принятію экономистами теоріи предѣльной полезности помѣшало, быть можетъ, всего сильнѣе положеніе, занятое представителями новой теоріи по отношенію къ теоріи цѣнности классической школы. Всего болѣе погрѣшила въ этомъ отношеніи австрійская школа. Такъ, напр., Визеръ усматриваетъ въ трудовой теоріи Смита-Рикардо «одну изъ удивительнѣйшихъ научныхъ ошибокъ». Теорія эта, по его мнѣнію, «такъ полна противорѣчій, что безпристрастному уму она, рѣшительно, непонятна» [2]). Не менѣе суровы отзывы о классической теоріи цѣнности Бэмъ-Баверка и другихъ представителей австрійской школы. Новые теоретики признаютъ старую теорію собраніемъ нелѣпостей, въ которыхъ нѣтъ ни крупицы истины.

Однако, я смѣю думать, что весь этотъ споръ новыхъ со старыми основывается на недоразумѣніи. Сторонники теоріи предѣльной полезности нападаютъ, собственно говоря, не на относительную трудовую теорію цѣнности классиковъ, но на совсѣмъ иную абсолютную трудовую теорію Родбертуса и Маркса. Эта послѣдняя теорія, дѣйствительно,

---

[1]) Kant. „Kritik der praktischen Vernunft“. Изд. Реклама Стр. 26.

[2]) Wieser „Ueber den Ursprung des Wertes“. Стр. 119.

непримирима съ теоріей предѣльной полезности, такъ какъ цѣнность не можетъ быть въ одно и то же время «кристалломъ труда» и предѣльной полезностью. Иное слѣдуетъ сказать объ относительно трудовой теоріи Рикардо. Ученіе о предѣльной полезности не только не находится въ противорѣчіи съ этой теоріей, но, наоборотъ, обѣ теоріи дополняютъ другъ друга и образуютъ собой логическіе корелаты. Одна теорія предполагаетъ другую и наоборотъ.

Тотъ же Джевонсъ, выступающій такимъ рѣзкимъ критикомъ Рикардо, показалъ полное согласіе обѣихъ теорій. «Цѣна предмета,—говоритъ онъ,—зависитъ исключительно отъ его полезности. А какимъ образомъ возможно измѣнять предѣльную полезность? Увеличеніемъ или уменьшеніемъ предложенія предмета. А какимъ образомъ можно достигнуть этого увеличенія или уменьшенія? Увеличеніемъ или уменьшеніемъ затраты труда на производство этихъ предметовъ. Съ этой точки зрѣнія между трудомъ и цѣнностью есть двѣ ступени. Трудъ опредѣляетъ размѣры предложенія, а размѣры предложенія опредѣляютъ предѣльную полезность, устанавливающую цѣнность или мѣновое отношеніе предмета» [1]). У Джевонса не хватаетъ заключенія этого силлогизма—слѣдовательно, трудъ опредѣляетъ цѣнность.

Издержки производства товара нисколько не вліяютъ на его цѣну съ того момента, какъ товаръ появляется въ готовомъ видѣ на рынкѣ; но какое количество товара поступаетъ на рынокъ, это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ издержекъ производства этого товара. Если издержки производства двухъ опредѣленныхъ товаровъ равны, то существуетъ тенденція и къ равенству ихъ цѣнъ, ибо если этого нѣтъ, если производство одного товара даетъ большую прибыль, чѣмъ производство другого, то капиталъ переходитъ изъ первой отрасли производства во вторую, пока прибыльность производства того и другого рода, а слѣдовательно и товарныя цѣны обоихъ товаровъ не сравняются.

Исходя изъ теоріи предѣльной полезности, нетрудно и другимъ способомъ, чѣмъ это дѣлаетъ въ приведенномъ

---

[1]) Jevons. „The Theory of Political Economy". Стр. 164—165.

разсужденіи Джевонсъ, притти къ теоріи относительной трудовой цѣнности.

Мы знаемъ, что конкретная полезность хозяйственнаго предмета падаетъ, по мѣрѣ увеличенія его производства. Для удовлетворенія нашихъ потребностей мы нуждаемся въ продуктахъ различной трудовой стоимости. Въ какой пропорціи мы должны распредѣлять трудъ между производствомъ этихъ продуктовъ для достиженія максимума пользы?

Предѣльная полезность — полезность послѣднихъ единицъ каждаго рода продуктовъ—измѣняется въ зависимости отъ размѣра производства. Мы можемъ понижать или повышать предѣльную полезность путемъ расширенія или сокращенія производства. Напротивъ, трудовая стоимость единицы продукта есть нѣчто объективно данное, не зависящее отъ нашей воли. Отсюда слѣдуетъ, что при составленіи хозяйственнаго плана опредѣляющимъ моментомъ должна быть трудовая стоимость, а опредѣляемымъ—предѣльная полезность. Говоря математическимъ языкомъ, предѣльная полезность должна быть функціей трудовой стоимости.

Если мы одновременно производимъ нѣсколько продуктовъ съ различными трудовыми стоимостями, то хозяйственный принципъ требуетъ, чтобы польза, извлекаемая нами изъ труда въ послѣднюю единицу времени, была въ предѣлѣ для каждаго рода производства равна. Ибо если этого нѣтъ, если послѣдняя единица труда въ производствѣ А даетъ больше пользы, чѣмъ въ производствѣ Б, то выгоднѣе расширить производство А и сократить производство Б. Наибольшая сумма пользы будетъ достигнута тогда, когда послѣдняя единица труда въ производствѣ каждаго рода продуктовъ будетъ давать въ предѣлѣ равную пользу.

Мы знаемъ, что трудовая стоимость продуктовъ различна. Иными словами, въ единицу времени производится различное количество продуктовъ разнаго рода; но польза, извлекаемая въ послѣднюю единицу рабочаго времени, должна быть, какъ мы видѣли, одна и та же во всѣхъ родахъ производства. Отсюда слѣдуетъ, что полезность послѣднихъ единицъ продуктовъ каждаго рода—ихъ предѣльная полезность—должна быть обратно-пропорціональна

относительному количеству этихъ продуктовъ, производимому въ единицу рабочаго времени, иначе говоря, должна быть прямо пропорціональна трудовой стоимости тѣхъ же продуктовъ. Только при соблюденіи этого условія распредѣленіе производства будетъ пропорціональнымъ—будетъ соотвѣтствовать хозяйственному принципу наибольшей пользы.

Эта теорема можетъ быть точно доказана въ общей формѣ лишь при помощи высшаго математическаго анализа. Я ограничусь простой ариѳметической иллюстраціей, которая достаточно разъяснитъ разсматриваемое экономическое отношеніе.

Пусть мы имѣемъ дѣло съ двумя продуктами А и Б, изъ которыхъ А требуетъ для своего производства вдвое больше рабочаго времени, чѣмъ Б. Потребность въ продуктахъ обоего рода примемъ одинаково сильной, причемъ понижающійся рядъ цифръ 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3 и т. д. выражаетъ собой паденіе конкретныхъ полезностей продуктовъ каждаго рода по мѣрѣ увеличенія ихъ количества.

Если мы располагаемъ только двумя часами рабочаго времени, то хозяйственный принципъ требуетъ, чтобы мы совсѣмъ отказались отъ изготовленія труднѣе производимаго продукта А, ибо въ два часа мы изготовимъ только одну единицу А, полезность которой равна 10, между тѣмъ какъ за то же время мы могли бы изготовить двѣ единицы Б съ полезностью 19 (10 + 9). Наша выгода требуетъ затратить все рабочее время на производство Б.

Но чѣмъ больше рабочаго времени въ нашемъ распоряженіи и чѣмъ больше мы производимъ Б, тѣмъ ниже падаетъ полезность послѣднихъ единицъ продуктовъ этого рода. Допустимъ, что мы произвели 6 единицъ Б. Въ такомъ случаѣ, конкретная полезность двухъ послѣднихъ—пятой и шестой—единицъ Б выразится цифрами 6 и 5 (весь рядъ Б въ этомъ случаѣ соотвѣтствуетъ цифрамъ 10, 9, 8, 7, 6, 5). За то же время, за которое мы производимъ пятую и шестую единицы Б, полезность которыхъ въ суммѣ равна 11, мы могли бы изготовить первую единицу продукта А съ полезностью 10. Производство продуктовъ Б все еще оказывается выгоднѣе.

Но пусть мы имѣемъ возможность еще больше расширить производство: пусть мы располагаемъ еще двумя часами рабочаго времени,—на производство какихъ продуктовъ мы должны ихъ употребить? Если мы приложимъ ихъ къ дальнѣйшему расширенію производства Б, то въ два новыхъ часа времени мы изготовимъ седьмую и восьмую единицы Б съ полезностью 4 и 3 (весь рядъ Б выразится цифрами 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3). За тѣ же два часа мы могли бы произвести первую единицу А съ полезностью 10. Производя продукты Б, мы извлекаемъ изъ двухъ послѣднихъ часовъ работы пользу, выражаемую цифрой 7 (4 + 3); производя же единицу А, мы извлекаемъ пользу 10. Производство единицы А оказывается выгоднѣе.

Итакъ, самымъ выгоднымъ распредѣленіемъ труда при данныхъ условіяхъ слѣдуетъ признать такое, при которомъ изготовляется 6 единицъ Б и одна единица А. Всякое иное распредѣленіе труда даетъ меньшую сумму хозяйственной пользы.

Какова же, при этомъ распредѣленіи труда, предѣльная полезность продуктовъ А и Б? Продуктовъ перваго рода произведена одна единица съ полезностью 10; продуктовъ второго рода произведено 6 единицъ, съ предѣльной полезностью 5 (напомнимъ, что весь рядъ Б выражается цифрами 10, 9, 8, 7, 6, 5). Предѣльная полезность А = 10; предѣльная полезность Б = 5. Въ то же время А требуетъ для своего производства 2-хъ часовъ труда, а Б—одного часа труда. Предѣльныя полезности произведенныхъ продуктовъ пропорціональны ихъ трудовымъ стоимостямъ.

Исходя изъ теоріи предѣльной полезности, мы пришли къ выводу, что хозяйственный принципъ достиженія наибольшей пользы требуетъ такъ распредѣлять производство, чтобы предѣльныя полезности производимыхъ продуктовъ относились между собой, какъ трудовыя стоимости послѣднихъ. Трудовыя стоимости продуктовъ играютъ рѣшающую роль въ установленіи хозяйственнаго плана—распредѣленіи производства между различными отраслями. При пропорціональномъ распредѣленіи производства, предѣльныя полезности продуктовъ должны быть пропорціональны трудовымъ стоимостямъ послѣднихъ.

Предѣльная полезность всецѣло опредѣляетъ, въ первой инстанціи, расцѣнку хозяйственнаго предмета. Но сама предѣльная полезность—по отношенію къ свободно воспроизводимымъ продуктамъ—опредѣляется, во второй инстанціи, трудовой стоимостью послѣднихъ. Поэтому, расцѣнка товаровъ по предѣльной полезности должна совпадать, при пропорціональномъ распредѣленіи народнаго производства, съ расцѣнкой ихъ по издержкамъ производства и труду. Но такъ какъ пропорціональное распредѣленіе производства есть лишь хозяйственный идеалъ, къ которому стремится, но котораго никогда не можетъ достигнуть современное хозяйство, то и полное совпаденіе трудовой расцѣнки съ расцѣнкой по предѣльной полезности возможно лишь въ идеалѣ. Въ дѣйствительности же товары расцѣниваются по предѣльной полезности, причемъ товарныя цѣны сохраняютъ извѣстную грубую пропорціональность по отношенію къ трудовымъ стоимостямъ продуктовъ. Пропорціональность эта тѣмъ больше, чѣмъ больше распредѣленіе народнаго производства соотвѣтствуетъ хозяйственному принципу.

Такимъ образомъ, обѣ теоріи цѣнности, по обычному мнѣнію, взаимноисключающія другъ друга, находятся въ дѣйствительности въ полной гармоніи другъ съ другомъ.

Эта связь между затратой труда, необходимой для производства извѣстнаго продукта, и цѣнностью послѣдняго была прекрасно извѣстна первому провозвѣстнику теоріи предѣльной полезности, Герману Госсену. «Для достиженія наибольшей суммы наслажденія,—говоритъ онъ,—человѣкъ долженъ такимъ образомъ распредѣлять свое время и свои силы на изготовленіе различныхъ предметовъ потребленія, чтобы цѣнность послѣдней единицы произведеннаго продукта равнялась усиліямъ, которыя потребовались бы для изготовленія этой единицы въ послѣдній моментъ работы» [1]).

Теорія издержекъ производства Рикардо противоположна, въ извѣстномъ смыслѣ, теоріи предѣльной полезности, но отнюдь не противорѣчитъ ей. Первая теорія установила

---

[1]) Gossen. „Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs". 1889. Стр. 45.

объективные моменты строенія цѣнъ, вторая—субъективные моменты. Какъ объективное физіологическое наблюденіе психическихъ процессовъ не исключаетъ въ психологіи самонаблюденія, но дополняетъ и поддерживаетъ его, такъ и объективная теорія цѣнности Рикардо является необходимымъ дополненіемъ субъективной теоріи предѣльной полезности.

Но если классическая теорія цѣнности вполнѣ соединима съ теоріей предѣльной полезности, то этого отнюдь нельзя сказать объ абсолютной трудовой теоріи Маркса-Родбертуса. Впрочемъ, послѣдняя находится въ противорѣчіи не только съ теоріей предѣльной полезности, но и съ классической теоріей цѣнности, ибо ничего не можетъ быть ошибочнѣе признанія теоріи цѣнности Маркса логическимъ развитіемъ ученія Рикардо. Абсолютная и относительная трудовыя теоріи не имѣютъ почти ничего общаго, кромѣ названія, по своему же содержанію онѣ находятся въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи. Если трудъ, какъ утверждалъ Рикардо, есть одинъ изъ нѣсколькихъ факторовъ цѣнности, то значитъ трудъ не есть субстанція цѣнности.

Слабость теоріи предѣльной полезности заключается въ томъ, что теорія эта обращаетъ вниманіе лишь на чисто естественные элементы строенія цѣнъ и игнорируетъ соціальные элементы цѣны. «Цѣнность предметовъ—говоритъ Карлъ Менгеръ—не зависитъ отъ соціальныхъ особенностей хозяйства, не зависитъ отъ правоваго строя, даже отъ самого существованія общества» [1]). Все ученіе о предѣльной полезности лишено историческихъ элементовъ—оно стремится охватить въ равной мѣрѣ всѣ состоянія и всѣ историческія формы хозяйства.

Правда, нельзя отрицать, что въ хозяйственной оцѣнкѣ имѣются элементы, имѣющіе всеобщее значеніе, такъ какъ каждое хозяйство, независимо отъ его исторической формы, покоится на процессахъ оцѣнки. Но рядомъ съ этими моментами всеобщаго значенія въ оцѣнкѣ товара имѣются и историческіе, соціальные элементы, которыхъ никоимъ образомъ нельзя игнорировать.

Установленіе законовъ строенія цѣнъ, съ точки зрѣнія новаго ученія о цѣнности, является заслугой, главнымъ

[1]) Menger. „Grundsätze der Volkswirtschaftslehre". 1871. Стр. 80.

образомъ, Бэмъ-Баверка. Этотъ замѣчательный ученый развиваетъ теорію строенія цѣнъ въ современномъ хозяйствѣ на примѣрѣ продажи лошадей, предполагая при этомъ, что продавцы готовы сохранить лошадей для собственнаго пользованія, если покупатели дадутъ слишкомъ низкую цѣну [1]). Легко понять, какъ грубо противорѣчитъ это предположеніе капиталистической дѣйствительности, характерной особенностью которой является изготовленіе товаровъ для сбыта, а не для собственнаго потребленія. Но ошибочность примѣра, выбраннаго Бэмъ-Баверка, имѣетъ не такое большое значеніе, какъ это можетъ показаться. Другіе представители теоріи предѣльной полезности избѣгаютъ этой ошибки и признаютъ, что рыночная цѣна опредѣляется оцѣнками не покупателей и продавцевъ, а исключительно покупателей, что вполнѣ совмѣстимо съ теоріей предѣльной полезности [2]). Съ этой точки зрѣнія, рыночная цѣна устанавливается слѣдующимъ образомъ. Потребитель обладаетъ свободой выбора при покупкѣ товара. Если цѣна, требуемая за извѣстный товаръ, такъ высока, что потребитель, въ случаѣ покупки товара, долженъ отказаться отъ другого товара, доставляющаго ему большее удовлетвореніе, то первый товаръ останется непроданнымъ. Это принуждаетъ продавца понизить цѣну до того пункта, на которомъ потребитель признаетъ предѣльную полезность даннаго товара не меньшей, чѣмъ предѣльная полезность другихъ товаровъ, пріобрѣтаемыхъ по той же цѣнѣ. Деньги играютъ при этомъ роль мѣнового посредника и не оказываютъ никакого вліянія на относительную высоту цѣнъ различныхъ товаровъ. Такимъ образомъ, на основѣ субъективныхъ оцѣнокъ потребителей и количества продуктовъ, поступающаго на рынокъ, возникаетъ рыночная цѣна, при чемъ издержки производства лишь постольку вліяютъ на рыночную цѣну, поскольку ими регулируется количество производимаго товара [3]).

---

[1]) Böhm-Bawerk. „Positive Theorie des Kapitals“. Стр. 211 и слѣд.

[2]) Ср. статью „Preis“ Цукеркандля въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften Конрада.

[3]) „Чѣмъ меньше періодъ времени, тѣмъ, какъ общее правило, пріобрѣтаетъ большее значеніе по отношенію къ цѣнѣ товара спросъ, а чѣмъ

Гораздо существеннѣе другая слабая сторона взятаго Бэмомъ примѣра продажи лошадей. Лошади, конечно, не являются товаромъ, типичнымъ для капиталистическаго производства. Но Бэмъ-Баверкъ имѣлъ свои причины развивать свою теорію цѣнъ на примѣрѣ продажи столь необычнаго товара, какъ лошади. А именно, лошадь является на рынкѣ, какъ недѣлимая хозяйственная единица. Это обстоятельство даетъ Бэмъ-Баверку возможность обойти весьма существенное затрудненіе для объясненія цѣны съ точки зрѣнія теоріи предѣльной полезности. Коморжинскій [1]) и Штольцманъ [2]) были совершенно правы въ своихъ указаніяхъ, что предѣльная полезность извѣстнаго запаса хозяйственныхъ предметовъ должна быть различна, смотря по тому, какое количество продукта является недѣлимой единицей, подлежащей хозяйственной оцѣнкѣ. Чѣмъ больше эта единица, тѣмъ больше предѣльная полезность товаровъ даннаго рода, а слѣдовательно, и ихъ цѣнность и цѣнность всего запаса. По мнѣнію Бэмъ-Баверка и другихъ представителей школы, хозяйственная цѣнность зависитъ исключительно отъ отношенія спроса къ предложенію, отъ полезности и рѣдкости предметовъ, подлежащихъ оцѣнкѣ [3]). Но этими двумя факторами (спросомъ и предложеніемъ) не исчерпываются всѣ моменты, опредѣляющіе высоту рыночной цѣны. Не хватаетъ одного и весьма существеннаго — а именно, величины единицы предметовъ, являющейся, по объективнымъ условіямъ рынка, основаніемъ для расцѣнокъ покупателей.

Значеніе этого момента для рыночной цѣны товара можетъ быть всего яснѣе обнаружено на примѣрѣ заработной платы. Въ настоящее время почти никто не отрицаетъ,

---

этотъ періодъ продолжительнѣе, тѣмъ больше вліяютъ на цѣну издержки производства". Alfred Marshall. „Principles of Economics". 1898. Стр. 429.

[1]) Komorzynski. „Der Wert in der isolierten Wirtschaft". 1889. Стр. 53. и слѣд.

[2]) „Смотря по тому, какая часть запаса извѣстныхъ предметовъ мыслится какъ исчезающая, ея предѣльная полезность а также и цѣнность запаса, т.-е., произведеніе предѣльной полезности этой части на число этихъ частей въ запасѣ, оказываются совершенно различными". Stolzmann. „Die sociale Kategorie in der Volswirtschaftslehre" 1896. Стр. 259.

[3]) Böhm-Bawerk. „Positive Theorie des Kapitals". Стр. 168.

что рабочіе, организованные въ союзы, могутъ принудить капиталистовъ къ высшей оплатѣ ихъ труда, чѣмъ не организованные рабочіе. На чемъ же основано это дѣйствіе рабочихъ организацій на цѣну товара—рабочей силы? Очевидно на томъ, что организованные рабочіе противостоятъ капиталисту какъ недѣлимое цѣлое, между тѣмъ какъ, при отсутствіи рабочихъ организацій, отдѣльные рабочіе устанавливаютъ условія рабочаго договора независимо другъ отъ друга. Въ первомъ случаѣ, на рабочемъ рынкѣ является недѣлимымъ хозяйственнымъ предметомъ болѣе или менѣе значительная группа рабочихъ, а во второмъ случаѣ, таковымъ является отдѣльный рабочій. Если соглашеніе относительно условій рабочаго договора не достигнуто, то въ первомъ случаѣ капиталистъ нерѣдко бываетъ принужденъ прекратить производство, во второмъ же случаѣ производство почти не страдаетъ. Поэтому капиталистъ расцѣниваетъ рабочую силу въ первомъ случаѣ гораздо выше, чѣмъ во второмъ, соотвѣтственно большей единицѣ хозяйственныхъ предметовъ, являющейся недѣлимымъ объектомъ расцѣнки.

Итакъ, тотъ фактъ, что рабочія организаціи сами по себѣ весьма существенно вліяютъ на цѣну товара—рабочей силы, независимо отъ другихъ условій рабочаго рынка, всего очевиднѣе доказываетъ, что соціальныя отношенія власти и зависимости являются весьма важнымъ факторомъ строенія цѣнъ. При томъ же предложеніи рабочихъ рукъ и при томъ же спросѣ на рабочія руки заработная плата повышается, въ случаѣ увеличенія соціальнаго могущества рабочаго класса, благодаря его лучшей организованности, и понижается въ противоположномъ случаѣ.

Монополистъ можетъ повысить цѣну монопольнаго товара не только путемъ сокращенія предложенія товара на рынкѣ, но и простымъ отказомъ продавать товаръ по низшей цѣнѣ, что принуждаетъ покупателя платить за товаръ высшую экономически возможную для покупателя цѣну. «Высота рыночной цѣны,—говоритъ Бэмъ-Баверкъ,—устанавливается въ томъ поясѣ, въ предѣлахъ котораго спросъ и предложеніе находятся въ равновѣсіи» [1]). Этотъ поясъ

[1]) Тамъ же. Стр. 225.

можетъ охватывать большее или меньшее пространство, въ предѣлахъ котораго колеблется цѣна; соціальныя отношенія власти и зависимости опредѣляютъ, на какомъ пунктѣ, въ предѣлахъ этого пояса, цѣна окончательно установится. Такъ, напр., спросъ и предложеніе могутъ быть въ равновѣсіи по отношенію къ товару — рабочей силѣ при самыхъ различныхъ цѣнахъ этого товара. Рабочій, естественно, стремиться добиться наивысшей платы, но какъ бы низко ни упала заработная плата, онъ не откажется отъ продажи своего товара — рабочей силы, такъ какъ эта продажа необходима для его существованія. Точно также и капиталистъ предпочитаетъ купить рабочую силу по возможно низкой цѣнѣ, но какъ бы высока ни была заработная плата, если только она не поглощаетъ всей прибыли, капиталистъ предпочтетъ давать эту плату полному прекращенію предпріятія. Такимъ образомъ, формула Бэма почти не имѣетъ примѣненія къ данному случаю, ибо устанавливаемые ею предѣлы колебанія цѣны оказываются слишкомъ широки: формула устанавливаетъ лишь крайнія границы этихъ колебаній, никогда не достигаемыя въ дѣйствительности. На какомъ же пунктѣ въ этихъ предѣлахъ установится заработная плата, это зависитъ всецѣло отъ относительнаго экономическаго и соціальнаго могущества договаривающихся сторонъ.

Далѣе, разсматриваемое ученіе о цѣнности страдаетъ чрезмѣрной абстрактностью и чрезмѣрнымъ раціонализмомъ. Оно исходитъ изъ предположенія, что человѣкъ точно измѣряетъ свои наслажденія и всегда предпочитаетъ большее наслажденіе меньшему. На самомъ же дѣлѣ человѣкъ часто остается въ нерѣшимости, какое наслажденіе больше и какое слѣдуетъ предпочесть. Обыкновенно онъ даже и не нуждается въ точномъ измѣреніи своихъ наслажденій, чтобы окончательно остановить свой выборъ. Рутина и твердый, почти неизмѣнный обычай опредѣляютъ строй жизни огромнаго большинства людей. Потребитель покупаетъ извѣстный товаръ за опредѣленную цѣну не потому, что онъ убѣжденъ въ невозможности пріобрѣсти за тѣ же деньги предметъ, доставляющій ему большее удовлетвореніе, но просто по примѣру другихъ, потому что всѣ покупаютъ этотъ товаръ за эту цѣну. Поэтому розничныя

цѣны (отъ которыхъ, въ концѣ концовъ, зависятъ и оптовыя) отличаются такой устойчивостью. Обычай является, слѣдовательно, той силой, которая самымъ существеннымъ образомъ вліяетъ на коллективный и частью безсознательный процессъ образованія цѣнъ.

Правда, основой товарной цѣны остаются индивидуальныя оцѣнки покупателей, но разъ цѣна образовалась, она, въ свою очередь, вліяетъ на эти послѣднія. Такимъ образомъ возникаетъ кажущаяся независимость товарныхъ цѣнъ отъ индивидуальныхъ расцѣнокъ, овеществленіе цѣны, товарный фетишизмъ.

Слабыя стороны теоріи предѣльной полезности суть, слѣдовательно, слабыя стороны индивидуалистической и раціоналистической политической экономіи, вѣнцомъ которой является эта теорія. Названная теорія даетъ правильное рѣшеніе проблемы цѣнности въ ея абстрактной, неисторической формѣ; для удовлетворительнаго объясненія конкретныхъ явленій образованія цѣнъ въ опредѣленномъ историческомъ хозяйствѣ ученіе это должно быть восполнено соціально-историческимъ разсмотрѣніемъ вопроса. Товарная цѣна, подобно праву и нравамъ, есть коллективный результатъ частью безсознательныхъ соціальныхъ процессовъ, въ которыхъ находятъ свое выраженіе господствующія въ данномъ обществѣ отношенія власти и зависимости соціальныхъ группъ.

ГЛАВА VII.

Прибавочная цѣнность.

I. *Теорія прибыли Маркса.* Трудъ, какъ единственный источникъ прибыли. Независимость процента прибыли отдѣльныхъ капиталистовъ отъ строенія ихъ капиталовъ и зависимость общаго процента прибыли отъ строенія общественнаго капитала.—II. *Общественный процентъ прибыли и строеніе общественнаго капитала въ различныхъ отдѣлахъ производства.* Несовпаденіе дѣйствительнаго общественнаго процента прибыли и вычисленнаго на основаніи теоріи прибавочной цѣнности.—III. *Движеніе общественнаго процента прибыли.* Установленный Марксомъ законъ паденія процента прибыли. Мнимость этого закона. Измѣненіе общественнаго процента прибыли подъ вліяніемъ: 1) сокращенія и 2) повышенія производительности труда. — IV. *Прибавочная цѣнность и прибыль.* Независимость общественнаго процента прибыли отъ строенія общественнаго капитала. Несостоятельность различенія постояннаго и перемѣннаго капитала.

На теоріи цѣнности покоится теорія прибавочной цѣнности Маркса. Хотя теорія цѣнности логически предшествуетъ этому послѣднему ученію, теорія прибавочной цѣнности является болѣе важной частью всей теоретической конструкціи, такъ какъ первое ученіе имѣетъ значеніе лишь въ качествѣ обоснованія второго ученія. Истинная цѣль всей конструкціи заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ доказательствѣ того, что доходъ капиталистовъ покоится на эксплоатаціи рабочаго класса [1]).

I.

Теорія прибыли Маркса должна представить объективное доказательство наличности таковой эксплоатаціи. Основаніемъ этой теоріи является понятіе абсолютной трудо-

[1]) „Равенство людей есть цѣль, альфа и омега марксизма“. Wenckstern. Marx. 1896. Стр. 137.

вой цѣнности. Исходя изъ него, Марксъ совершенно послѣдовательно приходитъ къ заключенію, что прибыль капиталистовъ, какъ и вообще всякій доходъ, не основанный на трудѣ, вытекаетъ изъ присвоенія капиталистами и другими имущими классами неоплаченнаго труда неимущихъ рабочихъ. Теорія прибавочной цѣнности Маркса, являющаяся одновременно и теоріей прибыли, есть необходимое слѣдствіе его теоріи цѣнности. Единственнымъ источникомъ прибыли капиталистовъ является, согласно этой теоріи, трудъ рабочихъ, занятыхъ производствомъ. Но такъ какъ только часть капитала затрачивается на уплату рабочимъ, въ то время, какъ другая состоитъ изъ средствъ производства, то всякая новая цѣнность, возникающая въ процессѣ производства и поступающая капиталистамъ въ видѣ прибыли, можетъ быть создана только первой частью капитала, между тѣмъ какъ вторая часть играетъ при этомъ пассивную роль и не создаетъ никакой новой цѣнности. Поэтому Марксъ называетъ первую часть капитала перемѣннымъ, а вторую—постояннымъ капиталомъ. Сущность теоріи прибыли Маркса заключается въ утвержденіи, что только перемѣнный капиталъ есть источникъ прибыли, а постоянный капиталъ играетъ при этомъ пассивную роль; именно этимъ утвержденіемъ теорія Маркса отличается самымъ рѣзкимъ образомъ отъ всѣхъ тѣхъ теорій прибыли, которыя не проводятъ никакого различія между заработной платой и средствами производства, поскольку дѣло идетъ о возникновеніи прибыли.

Между тѣмъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что на поверхности капиталистическаго міра нельзя замѣтить, по отношенію къ образованію прибыли, никакого различія между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ. Прибыль отнюдь не выше въ тѣхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ перемѣнный капиталъ играетъ относительно большую роль, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ преобладаетъ постоянный капиталъ. Марксъ не оспариваетъ этого факта, но старается, при помощи слѣдующаго разсужденія, согласовать его со свой теоріей. «Въ различныхъ отрасляхъ производства,—говоритъ онъ,—производятся весьма различныя массы прибавочной цѣнности, благодаря различіямъ строе-

нія капитала. Поэтому и проценты прибыли первоначально весьма различны въ различныхъ отрасляхъ производства. Но эти различные проценты прибыли выравниваются конкуренціей въ одинъ общій процентъ прибыли, являющійся среднимъ процентомъ изъ всѣхъ ихъ». Отдѣльные капиталисты «не получаютъ въ свою пользу всей прибавочной цѣнности, а, слѣдовательно, и прибыли, возникающей въ ихъ собственной отрасли производства, но лишь столько прибавочной цѣнности и прибыли, сколько приходится при равномъ распредѣленіи на всѣ капиталы той цѣнности или прибыли, которая создается всѣмъ общественнымъ капиталомъ въ совокупности, во всѣхъ отрасляхъ производства. Каждый затраченный капиталъ, каково бы ни было его строеніе, выручаетъ въ одинъ годъ или другую единицу времени, такую сумму прибыли на 100, сколько приходится за это время на долю этого капитала, какъ на опредѣленную часть совокупнаго капитала общества. Поскольку дѣло идетъ о прибыли, различные капиталисты являются какъ бы простыми акціонерами акціонернаго общества, между которыми прибыль распредѣляется пропорціонально внесеннымъ паямъ» [1]).

Противъ этихъ соображеній нужно прежде всего указать, что предполагаемый Марксомъ процессъ выравниванія первоначально различныхъ процентовъ прибыли, вслѣдствіе различія строенія капитала, измышленъ Марксомъ ad hoc и ни малѣйшимъ образомъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ, какъ оно есть въ дѣйствительности, не существуетъ никакихъ основаній ко всему этому процессу, ибо и «первоначальные» проценты прибыли въ разныхъ отрасляхъ производства не зависятъ отъ строенія капитала. Товарныя цѣны, а, слѣдовательно, и процентъ прибыли, складываются на основѣ не абсолютной трудовой стоимости, но на основѣ капиталистическихъ издержекъ производства; а, вѣдь, съ этой послѣдней точки зрѣнія, нѣтъ никакой разницы между затратой капитала въ формѣ заработной платы или средствъ производства.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, поскольку дѣло идетъ объ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, нельзя замѣтить никакой

---

[1]) „Das Kapital". Т. III. Стр. 136—137.

связи между строеніемъ капитала и процентомъ прибыли. «Отдѣльный капиталистъ,—говоритъ Марксъ,—имѣетъ основаніе думать, со своимъ ограниченнымъ кругозоромъ, что его прибыль создается не только трудомъ, занятымъ въ его отрасли производства. Это совершенно вѣрно для его прибыли... Сбереженіе труда—не только труда, необходимаго для производства извѣстнаго продукта, но и числа занятыхъ рабочихъ—и большее употребленіе мертваго труда (постояннаго капитала) являются экономически вполнѣ правильными операціями, нисколько, повидимому, не затрогивающими общій процентъ прибыли и среднюю прибыль. Какимъ же образомъ можетъ быть, въ такомъ случаѣ, живой трудъ единственнымъ источникомъ прибыли, если уменьшеніе труда, затрачиваемаго при производствѣ, не только, повидимому, не затрогиваетъ прибыли, но скорѣе является, при извѣстныхъ условіяхъ, источникомъ увеличенія прибыли»?[1]).

Итакъ, Марксъ усматриваетъ «ограниченность капиталистическаго кругозора» во мнѣніи, что средства производства играютъ такую же роль въ созданіи прибыли, какъ и живой трудъ.

На самомъ же дѣлѣ, утверждаетъ Марксъ, хотя прибыль отдѣльныхъ капиталистовъ столь же зависитъ отъ постояннаго, какъ и перемѣннаго капитала, прибыль всего класса капиталистовъ создается исключительно перемѣннымъ капиталомъ. Законъ прибавочной цѣнности господствуетъ въ основной области общественнаго распредѣленія, именно въ области распредѣленія общественнаго дохода между отдѣльными общественными классами. Но что касается до распредѣленія общественнаго дохода въ предѣлахъ того же класса, то оно подчиняется инымъ законамъ.

Если взять совокупность всѣхъ отраслей производства, то сумма товарныхъ цѣнъ сравняется съ суммой ихъ трудовыхъ цѣнностей: прибыли въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, не совпадающія съ соотвѣтствующими суммами прибавочной цѣнности, не въ силахъ поколебать общій законъ прибавочной цѣнности, такъ какъ «все разрѣшается тѣмъ,

[1]) „Das Kapital". T. III. Стр. 149.

что если въ цѣнѣ одного товара прибавочная цѣнность поступаетъ капиталисту не полностью, зато въ цѣнѣ другого товара она поступаетъ съ избыткомъ, почему и всѣ уклоненія цѣнъ производства отъ цѣнностей взаимно уничтожаютъ другъ друга» [1]). Поэтому общественный процентъ прибыли, въ противность процентамъ прибыли въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, опредѣляется строеніемъ общественнаго капитала, а именно: «1) строеніемъ капитала въ различныхъ отрасляхъ производства... и 2) распредѣленіемъ совокупнаго общественнаго капитала на эти отрасли».

II.

Теорія прибавочной цѣнности можетъ быть окончательно опровергнута лишь въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что и распредѣленіе общественнаго дохода между различными общественными классами не слѣдуетъ закону прибавочной цѣнности, и что общій процентъ прибыли, какъ въ статическомъ состояніи, такъ и въ своихъ измѣненіяхъ, совершенно не зависитъ отъ строенія общественнаго капитала. Это я и постараюсь доказать въ нижеслѣдующемъ изложеніи.

Строеніе капитала различно не только въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, но и въ цѣлыхъ отдѣлахъ общественнаго производства. Можно допустить, что постоянный капиталъ играетъ наибольшую роль въ производствѣ средствъ производства, а наименьшую—въ производствѣ предметовъ потребленія господствующихъ классовъ (иначе говоря, въ производствѣ предметовъ роскоши). Нижеслѣдующая схема должна иллюстрировать, какимъ образомъ, при этомъ предположеніи, распредѣляется и воспроизводится общественный доходъ.

---

[1]) Тамъ же. Стр. 140—141.

Воспроизводство и распредѣленіе общественнаго дохода въ денежныхъ цѣнахъ [1]).

I. Производство средствъ производства.

180 с. + 60 р. + 60 п. = 300.

II. Производство предметовъ потребленія рабочаго класса.

80 с. + 80 р. + 40 п. = 200.

III. Производство предметовъ потребленія капиталистическаго класса.

40 с. + 60 р. + 25 п. = 125.

Буквами с, р, п я обозначаю средства производства, заработную плату и прибыль. Всѣ числа взяты совершенно произвольно и должны выражать въ милліонахъ рублей денежныя цѣны (цѣны производства, по терминологіи Маркса) затратъ капиталовъ, цѣны прибылей и ежегодно производимыхъ продуктовъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ общественнаго производства. Строеніе капитала въ каждомъ отдѣлѣ я принимаю различнымъ, при чемъ въ первомъ отдѣлѣ преобладаетъ постоянный капиталъ, въ третьемъ—перемѣнный, а во второмъ—и тотъ и другой капиталъ по своимъ денежнымъ цѣнамъ равны. Проценты прибыли во всѣхъ трехъ отдѣлахъ общественнаго производства приняты, соотвѣтственно общему закону равенства процентовъ прибыли, равными, и притомъ равными 25-ти. Всѣ произведенные товары находятъ сбытъ — распредѣленіе общественнаго производства пропорціонально.

Приведенная схема выражаетъ всѣ отношенія производства и распредѣленія въ денежныхъ цѣнахъ. Но позади товаровъ стоятъ люди, а позади цѣнъ—трудовыя цѣнности, не совпадающія съ цѣнами. Въ схемѣ, на стр. 166, денежныя цѣны превращены въ соотвѣтствующія имъ трудовыя цѣнности. При этомъ я предполагаю, что продолжительность рабочаго дня и заработныя платы, а слѣдовательно и уровни прибавочной цѣнности (отношеніе при-

[1]) При построеніи этой схемы я допустилъ, что общество состоитъ только изъ двухъ классовъ—капиталистовъ и рабочихъ. Различіе періодовъ оборота основного и оборотнаго капитала игнорировано въ схемѣ—предположено, что основной капиталъ оборачивается такъ же, какъ и оборотный.

бавочной цѣнности къ перемѣнному капиталу), одни и тѣ же во всѣхъ отдѣлахъ производства. Допустимъ, что въ первомъ отдѣлѣ производства ежегодно занято 150 тысячъ рабочихъ. Съ помощью средствъ производства цѣной въ 180 мил. руб. они изготовляютъ продуктъ цѣной въ 300 мил. руб. Если трудовую цѣнность этого продукта обозначимъ черезъ x, то трудовая цѣнность средствъ производства, затраченныхъ на производства даннаго продукта, выразится $\frac{180}{300}x$; мы получаемъ, слѣдовательно, нижеслѣдующее уравненіе:

$$\frac{180}{300}x + 150 \text{ тысячъ рабочихъ годовъ} = x,$$

откуда $x = 375$ тысячъ рабочихъ годовъ.

Трудовую цѣнность предметовъ потребленія рабочихъ мы получимъ сходнымъ образомъ. Трудовая цѣнность средствъ производства, затраченныхъ на производство этихъ предметовъ, равна $375 \times \frac{80}{300}$ тысячъ рабочихъ годовъ, т.-е., 100 тысячамъ рабочихъ годовъ. Число рабочихъ, занятыхъ въ этомъ отдѣлѣ производства, относится къ числу рабочихъ въ первомъ отдѣлѣ, какъ $\frac{80}{60}$, слѣдовательно равно 150 тыс. $\times \frac{80}{60} = 200$ тыс. Вся трудовая цѣнность продуктовъ второго отдѣла равна, такимъ образомъ, $100 + 200 = 300$ тыс. рабочихъ годовъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ трудовая цѣнность средствъ производства равна $375 \times \frac{40}{300} = 50$ тыс. рабочихъ годовъ. Число занятыхъ рабочихъ равно числу рабочихъ въ первомъ отдѣлѣ, а трудовая цѣнность продукта равна, слѣдовательно, $50 + 150 = 200$ тыс. рабочихъ годовъ.

Уровень общественной прибавочной цѣнности равенъ:

$$\frac{200 \text{ (общественная прибавочная цѣнность)}}{300 \text{ (общественный перемѣнный капиталъ)}} = 66{,}6\%.$$

Этотъ уровень, согласно предположенію, относится въ равной мѣрѣ ко всѣмъ отдѣламъ производства. Такимъ образомъ мы приходимъ къ слѣдующей схемѣ.

Воспроизводство и распредѣленіе общественнаго дохода въ трудовыхъ цѣнностяхъ.

I. Производство средствъ производства.

$$225 \text{ с.} + 90 \text{ р.} + 60 \text{ р.} = 375.$$

II. Производство предметовъ потребленія рабочихъ.

$$100 \text{ с.} + 120 \text{ р.} + 80 \text{ п.} = 300.$$

III. Производство предметовъ потребленія капиталистовъ.

$$50 \text{ с.} + 90 \text{ р.} + 60 \text{ п.} = 200.$$

Числа эти выражаютъ въ тысячахъ рабочихъ годовъ трудовыя цѣнности производимыхъ и потребляемыхъ продуктовъ и являются, такъ сказать, переводомъ первой схемы изъ денежныхъ цѣнъ въ трудовыя цѣнности. Сравненіе обѣихъ схемъ показываетъ, что всѣ отношенія распредѣленія измѣняются, смотря по тому, выражаемъ ли мы ихъ въ денежныхъ цѣнахъ или трудовыхъ цѣнностяхъ. Такъ, напр., общественный перемѣнный капиталъ (заработная плата) равнялся въ первой схемѣ $\frac{200}{625} = 32\%$ цѣны всего общественнаго продукта, а по своей трудовой цѣнности онъ достигаетъ $\frac{300}{875} = 34\%$ цѣнности продукта. Процентъ прибыли, по денежной цѣнѣ, равнялся 25, а посвоей трудовой цѣнности общественная прибыль достигаетъ $\frac{200}{675} =$ $=$ почти 30% общественнаго капитала.

Такимъ образомъ, общественный процентъ прибыли оказывается различнымъ, смотря по тому, вычисляется ли онъ по денежнымъ цѣнамъ или же по трудовымъ цѣнностямъ товаровъ. Но какой же изъ этихъ двухъ различныхъ процентовъ прибыли имѣетъ реальное значеніе? Очевидно, процентъ, вычисляемый на основаніи денежныхъ цѣнъ, такъ какъ прибыль возникаетъ на основѣ денежныхъ цѣнъ товаровъ. Такимъ образомъ, прибавочная цѣнность столь же мало устанавливаетъ средній, общественный процентъ прибыли, какъ и проценты прибыли отдѣльныхъ капиталистовъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства. Если бы средній, общественный процентъ прибыли устанавливался прибавочной цѣнностью, то онъ долженъ бы

былъ быть инымъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. И это вполнѣ естественно, такъ какъ относительныя денежныя цѣны общественнаго перемѣннаго капитала, постояннаго капитала и прибыли не совпадаютъ съ ихъ относительными трудовыми цѣнностями, благодаря различіямъ строенія капитала въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ общественнаго производства. Утвержденіе Маркса, что «всѣ уклоненія цѣнъ производства отъ цѣнностей взаимно уничтожаются» невѣрно: уничтоженіе уклоненій имѣетъ мѣсто лишь по отношенію ко всей совокупности общественнаго продукта, какъ цѣлаго, но не по отношенію къ его подраздѣленіямъ на общественный капиталъ и прибыль, чѣмъ устанавливается общественный процентъ прибыли.

III.

Такимъ образомъ, я показалъ, что общественный процентъ прибыли не совпадаетъ съ отношеніемъ прибавочной цѣнности къ общественному капиталу. Остается изслѣдовать, какъ вліяютъ на процентъ прибыли измѣненія въ строеніи общественнаго капитала. Отдѣльный капиталистъ, какъ справедливо замѣчаетъ Марксъ, убѣжденъ, что замѣщеніе рабочихъ машиной не можетъ уменьшить его прибыли, а лишь увеличиваетъ ее; это является въ глазахъ капиталиста доказательствомъ, что «трудъ не есть единственный источникъ прибыли». Но какъ разъ на этомъ пунктѣ теорія прибавочной цѣнности можетъ, повидимому, праздновать свою самую блестящую побѣду. А именно, ей удалось, по мнѣнію Маркса, установить чрезвычайно важный законъ развитія капиталистическаго хозяйства—законъ тенденціи процента прибыли къ паденію, каковой законъ, по словамъ Маркса, является «тайной, надъ разрѣшеніемъ которой бьется вся политическая экономія со временъ Адама Смита» [1]). Законъ этотъ до послѣдней степени простъ и кажется логическимъ слѣдствіемъ трудовой теоріи цѣнности, въ ея абсолютной формѣ. Прибыль капиталиста создается не всѣмъ капиталомъ, а лишь перемѣнной его частью. Если та часть общественнаго капитала, которая

[1]) „Das Kapital“. Т. III. Стр. 193.

состоитъ изъ средствъ производства (постоянный капиталъ) возрастаетъ быстрѣе перемѣнной его части, то процентъ прибыли долженъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, понизиться, ибо общая сумма капитала, на которую должна быть раздѣлена сумма прибыли, растетъ, согласно предположенію, быстрѣе, чѣмъ растетъ сумма прибыли (создаваемой только перемѣнной частью капитала).

Этотъ относительно болѣе быстрый ростъ постоянной части капитала Марксъ признаетъ, съ полнымъ основаніемъ, основнымъ закономъ капиталистическаго развитія. Поэтому слѣдуетъ, какъ кажется, признать, что и тенденція къ паденію процента прибыли непосредственно вытекаетъ изъ характера капиталистическаго развитія.

Итакъ, законъ паденія процента прибыли составляетъ, повидимому, логическое слѣдствіе абсолютной трудовой теоріи цѣнности. Но видимость эта обманчивая: на самомъ дѣлѣ законъ паденія процента прибыли не слѣдуетъ изъ абсолютной трудовой теоріи цѣнности.

Я полагаю, что уже далъ доказательство несостоятельности мнимаго закона Маркса въ своихъ русскихъ статьяхъ по данному вопросу, а также въ своей нѣмецкой книгѣ о кризисахъ. Однако, по той или иной причинѣ, представленныя мною доказательства убѣдили весьма немногихъ и остались для большинства, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, совершенно непонятными. Въ виду этого я попытаюсь въ настоящее время доказать тотъ же тезисъ въ нѣсколько иной, для большинства, быть можетъ, болѣе убѣдительной формѣ—на разборѣ конкретнаго числового примѣра.

Прежде всего, самая постановка задачи у Маркса неправильна. Нельзя сказать въ общей формѣ, какое вліяніе на процентъ прибыли должно оказывать паденіе доли перемѣннаго капитала въ общей суммѣ капитала, такъ какъ паденіе это оказываетъ различное вліяніе на процентъ прибыли въ зависимости отъ причинъ такового паденія. Оно можетъ вызываться двумя причинами: 1) пониженіемъ производительности общественнаго труда и 2) повышеніемъ таковой производительности. Чтобы удовлетворительно разрѣшить задачу, поставленную Марксомъ, мы должны разсмотрѣть оба случая отдѣльно.

При этомъ мы воспользуемся тѣмъ же методологиче-

скимъ пріемомъ, къ которому прибѣгали выше—схематическимъ изображеніемъ всего даннаго процесса въ его общей формѣ. Маркъ приходитъ къ своему закону очень просто: онъ предполагаетъ, что постоянный капиталъ возрастаетъ, а перемѣнный остается прежнимъ—и процентъ прибыли падаетъ. Но какимъ образомъ происходитъ возрастаніе постояннаго капитала—объ этомъ онъ умалчиваетъ, какъ будто бы этотъ добавочный капиталъ падалъ съ неба. Мы же постараемся анализировать этотъ процессъ во всѣхъ его фазисахъ, съ начала до конца. Его началомъ является, очевидно, изготовленіе добавочнаго постояннаго капитала; а концомъ—общественное производство на новой технической основѣ и при новыхъ условіяхъ расцѣнки продуктовъ.

Нижеслѣдующая схема относится къ первому случаю паденія доли перемѣннаго капита—когда это паденіе, равнозначущее съ повышеніемъ доли постояннаго капитала, вызывается сокращеніемъ производительности общественнаго труда. Я предполагаю, что, напр., вслѣдствіе истощенія рудниковъ и почвы, затрата труда для добычи руды, угля, пшеницы, хлопка и вообще всякаго сырья значительно возрасла, что ведетъ къ повышенію трудовой цѣнности единицы общественнаго продукта на 25%. Это побуждаетъ капиталистовъ затрачивать часть ихъ прибыли на производство постояннаго и перемѣннаго капитала, трудовая цѣнность котораго возрасла. Чтобы приблизиться къ капиталистической дѣйствительности, я предполагаю, далѣе, что возрастаніе трудовой цѣнности единицы продукта (слѣдовательно, и предметовъ потребленія рабочихъ) ведетъ къ пониженію реальной заработной платы (т.-е. количества предметовъ потребленія, поступающихъ въ распоряженіе рабочихъ) на 10%. Число рабочихъ, занятыхъ въ общественномъ производствѣ, не испытываетъ, согласно предположенію, перемѣны. Никакого накопленія капитала не происходитъ, кромѣ вынужденнаго повышеніемъ трудовой стоимости постояннаго и перемѣннаго капитала. Всѣ числа въ нижеслѣдующей схемѣ иныя, чѣмъ въ вышеприведенныхъ схемахъ.

Воспроизводство общественнаго капитала при пониженіи производительности общественнаго труда.

Первый фазисъ.

I. Производство средствъ производства.

250 с. + 125 р. + 125 п. = 500.

II. Производство предметовъ потребленія рабочихъ.

$112^1/_2$ с. + $56^1/_4$ р. + $56^1/_4$ п. = 225.

III. Производство предметовъ потребленія капиталистовъ.

$37^1/_2$ с. + $18^3/_4$ р. + $18^3/_4$ п. = 75.

Второй фазисъ.

I. Производство средствъ производства.

277,8 с. + 125 р. + 97,2 п. = 500.

II. Производство предметовъ потребленія рабочаго класса.

125 с. + 56,3 р. + 43,7 п. = 225.

III. Производство предметовъ потребленія капиталистическаго класса.

97,2 с. + 43,7 р. + 34,1 п. = 175.

Всѣ числа въ этой схемѣ выражаютъ трудовыя цѣнности соотвѣтствующихъ продуктовъ. Распредѣленіе общественнаго производства пропорціонально—всѣ произведенные товары находятъ сбытъ. Сокращеніе производительности труда происходитъ въ первомъ фазисѣ. Поэтому, капиталисты принуждены изъ ихъ общей прибыли, сумма которой равна $125 + 56^1/_4 + 18^3/_4 = 200$ единицъ трудовой цѣнности, скажемъ, милліоновъ рублей, оставить для своего личнаго потребленія только 75 м. р. Остальные 125 мил р. превращаются въ капиталъ: возрастаніе трудовой стоимости средствъ производства на 25% вызываетъ добавочную затрату постояннаго капитала въ размѣрѣ 100 мил. р. (въ производствѣ перваго фазиса занято средствъ производства на сумму $250 + 112^1/_2 + 37^1/_2 =$ 400 м. р), а столь же значительное возрастаніе стоимости предметовъ потребленія рабочаго класса, при одновременномъ пониженіи реальной заработной платы на 10%, ведетъ къ возрастанію перемѣннаго капитала на 25 м. р.

(перемѣнный капиталъ перваго фазиса составляетъ $125 + 56^1/_4 + 18^3/_4 = 200$ м. р.; если бы рабочіе продолжали получать ту же сумму предметовъ потребленія и послѣ увеличенія цѣнности послѣднихъ, то перемѣнный капиталъ достигъ бы 250 м. р.; но такъ какъ реальная заработная плата, согласно предположенію, упала на 10%, то перемѣнный капиталъ второго фазиса составляетъ 225 м. р.).

Второй фазисъ представляетъ собой распредѣленіе общественнаго производства послѣ происшедшаго пониженія производительности общественнаго труда. Трудовая цѣнность общественнаго продукта второго фазиса должна превосходить на 100 м. р. цѣнность продуктовъ перваго фазиса, такъ какъ число рабочихъ въ обоихъ фазисахъ одно и то же, но цѣнность средствъ производства, занятыхъ въ производствѣ второго фазиса, превосходитъ цѣнность средствъ производства перваго фазиса на 100 м. р. (согласно трудовой теоріи цѣнности, эта цѣнность должна войти, въ неизмѣненномъ видѣ, въ составъ цѣнности изготовленнаго продукта). Цѣнность всего общественнаго продукта второго фазиса равна, такимъ образомъ, 900 м. р. (800 м. р., цѣнность продукта перваго фазиса + 100, возрастаніе цѣнности продукта второго фазиса). Цѣнность всего капитала того же фазиса составляетъ $(277{,}8 + 125 + 97{,}2) = 500$ м. р. постояннаго капитала + $(125 + 56{,}3 + 43{,}7) = 225$ м. р. перемѣннаго капитала = 725 м. р. Прибыль второго фазиса равна $900 - 725 = 175$ м. р.

Процентъ прибыли перваго фазиса былъ $\frac{200}{600} = 33{,}3\%$, второго же фазиса $\frac{175}{725} = 24{,}1\%$. Процентъ прибыли, слѣдовательно, значительно понизился, несмотря на сокращеніе реальной заработной платы.

Такимъ образомъ, передъ нами разсмотрѣнный Марксомъ случай паденія процента прибыли. Не пришлось ли мнѣ дать новое подтвержденіе закона Маркса, вмѣсто его опроверженія?

Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что при извѣстныхъ условіяхъ повышеніе строенія общественнаго капитала сопровождается паденіемъ процента прибыли. Каковы же эти условія? Приведенная схема относится къ тому случаю относительнаго сокращенія перемѣннаго капитала, когда это

сокращеніе вызывается пониженіемъ производительности общественнаго труда. Но повышеніе строенія общественнаго капитала можетъ вызываться и другой причиной—повышеніемъ производительности общественнаго труда. Прогрессъ техники ведетъ къ увеличенію основного капитала (машинъ, орудій труда и пр.), а повышеніе производительности труда вызываетъ увеличеніе массы сырья, перерабатываемаго рабочими, благодаря чему заработная плата должна составлять, по мѣрѣ прогресса техники, все меньшую долю общей затраты капитала.

Я подвергну анализу, при помощи своихъ схемъ, также и этотъ второй случай повышенія строенія капитала. Весь процессъ начинается, очевидно, съ изготовленія добавочныхъ средствъ производства. Вторымъ его фазисомъ (который, впрочемъ, лишь теоретически можетъ быть обособленъ отъ третьяго и въ дѣйствительности совпадаетъ съ этимъ послѣднимъ) является производительное потребленіе этихъ добавочныхъ средствъ производства. Въ третьемъ фазисѣ увеличенная масса изготовленнаго продукта поступаетъ въ общественное производство и потребленіе, цѣнность единицы общественнаго производства и все общественное производство приходитъ въ соотвѣтствіе съ новыми условіями техники.

При построеніи нижеслѣдующей схемы я предположилъ, что капиталисты единовременно затрачиваютъ половину своей прибыли на изготовленіе добавочныхъ средствъ производства, а затѣмъ вновь сами потребляютъ всю свою прибыль. Число рабочихъ принято неизмѣннымъ. Далѣе предположено, что введеніе новыхъ техническихъ пріемовъ повышаетъ производительность труда на 25% (т.-е. на столько же увеличивается количество производимыхъ продуктовъ). Въ то же время я принимаю, чтобы не казаться сторонникомъ «желѣзнаго закона заработной платы», что и рабочіе выигрываютъ отъ поднятія производительности общественнаго труда: ихъ реальная заработная плата возрастаетъ на 10%. Выводя свой законъ паденія процента прибыли, Марксъ предполагалъ, что реальная заработная плата не испытываетъ перемѣны. При моемъ допущеніи процентъ прибыли долженъ, очевидно, упасть еще сильнѣе и дѣйствіе закона Маркса обнаружится въ еще болѣе рѣзкой формѣ.

Воспроизводство общественнаго капитала при повышеніи производительности общественнаго труда.

Первый фазисъ.

I. Производство средствъ производства.

250 с. + 125 р. + 125 п. = 500.

II. Производство предметовъ потребленія рабочаго класса.

100 с. + 50 р. + 50 п. = 200.

III. Производство предметовъ потребленія капиталистическаго класса.

50 с. + 25 р. + 25 п. = 100.

Второй фазисъ.

I. Производство средствъ производства.

222,2 с. + 88,9 р. + 88,9 = 400.

II. Производство предметовъ потребленія рабочаго класса.

97,8 с. + 39,1 р. + 39,1 п. = 176.

III. Производство предметовъ потребленія капиталистическаго класса.

180 с. + 72 р. + 72 п. = 334.

Третій фазисъ.

I. Производство средствъ производства.

177,8 с. + 72,2 р. + 144 п. = 400.

II. Производство предметовъ потребленія рабочаго класса.

78,2 с. + 34,4 р. + 63,4 п. = 176.

III. Производство предметовъ потребленія капиталистическаго класса.

144 с. + 63,4 р. + 116,6 п. = 324.

Распредѣленіе общественнаго производства принято въ схемѣ пропорціональнымъ. Первый фазисъ заканчивается изготовленіемъ добавочныхъ средствъ производства на сумму 100 милл. р. (половины всей суммы прибыли этого года, равной 125 + 50 + 25, т.-е., 200 м. р.). Такимъ образомъ, цѣнность постояннаго капитала второго фазиса превышаетъ таковую же перваго фазиса на 100 м. р. Въ третьемъ фазисѣ цѣнность постояннаго и перемѣннаго капитала измѣ-

няется соотвѣтственно новымъ техническимъ условіямъ производства.

Количество средствъ производства, произведенныхъ въ концѣ перваго фазиса, остается неизмѣннымъ и въ третьемъ фазисѣ (такъ какъ добавочный продуктъ, создаваемый повышеніемъ производительности труда, не накопляется, но входитъ въ составъ потребительнаго фонда общества). Но общее количество общественнаго продукта съ конца второго фазиса возростаетъ, а трудовая цѣнность единицы общественнаго продукта понижается на 20% (ибо производительность труда повысилась, согласно предположенію, на 25%). Такъ какъ въ концѣ перваго фазиса средствъ производства произведено на 500 м. р., то въ третьемъ фазисѣ, благодаря паденію трудовой цѣнности единицы продукта, то же количество средствъ производства должно имѣть трудовую цѣнность, выражаемую въ 400 м. р. Число рабочихъ остается во всѣхъ фазисахъ неизмѣннымъ. Если бы рабочіе располагали въ третьемъ фазисѣ лишь тѣмъ же количествомъ предметовъ потребленія, какъ и въ первомъ фазисѣ, то трудовая цѣнность перемѣннаго капитала 3-го фазиса понизилась бы на 20%, т.-е., спустилась бы до 160 м. р. Но такъ какъ, согласно предположенію, реальная заработная плата рабочихъ повышается въ третьемъ фазисѣ на 10%, то перемѣнный капиталъ 3-го фазиса выразится суммой $160 \times \frac{11}{10} = 176$ м. р.

Трудовая цѣнность всего общественнаго продукта третьяго фазиса должна превышать на 100 м. р. трудовую цѣнность продукта перваго фазиса, такъ какъ на 100 м. р. повысилась въ концѣ 1-го фазиса трудовая цѣнность средствъ производства, которая и должна перейти безъ перемѣны въ изготовленный продуктъ, а число рабочихъ, занятыхъ во всѣхъ фазисахъ, остается неизмѣннымъ.

Капиталъ третьяго фазиса равенъ 400 (постоянный капиталъ) + 176 (перемѣнный капиталъ), слѣдовательно, 576. Прибыль капиталистовъ мы узнаемъ, вычтя изъ цѣнности всего общественнаго продукта цѣнность затраты капитала. Прибыль 3-го фазиса равна, слѣдовательно, 900—576 = = 324 м. р. Процентъ прибыли до введенія новыхъ средствъ производства былъ $33\frac{1}{3}\%$ $\left(\frac{200}{600}\right)$, а послѣ этого—

приблизительно 56% $\left(\frac{324}{576}\right)$, т.-е., несмотря на повышеніе реальной заработной платы рабочихъ, процентъ прибыли значительно возросъ [1]).

---

[1]) Можно опредѣлить измѣненіе процента прибыли подъ вліяніемъ происшедшихъ измѣненій въ условіяхъ производства гораздо проще и короче, но при этомъ приходится прибѣгнуть къ пріему, который можетъ вызывать сомнѣніе у читателей, не привыкшихъ къ научной абстракціи. Обозначимъ массу общественнаго продукта буквой a, при чемъ мы будемъ совершенно игнорировать матеріальное различіе отдѣльныхъ продуктовъ входящихъ въ составъ этой массы (ибо это различіе не имѣетъ никакого отношенія къ изслѣдуемому нами экономическому процессу). Если всѣ отношенія массъ отдѣльныхъ продуктовъ соотвѣтствуютъ отношеніямъ ихъ цѣнностей, то средства производства въ нашемъ примѣрѣ должны были равняться до введенія новыхъ пріемовъ производства $\frac{4a}{8}$, а новыя дополнительныя средства производства должны были быть $\frac{a}{8}$. Если бы послѣ введенія новыхъ средствъ производства производительность труда не повысилась, то масса общественнаго продукта увеличилась бы на $\frac{a}{8}$ и, слѣдовательно, составила бы $\frac{9a}{8}$. Но, согласно предположенію, производительность труда возросла на $\frac{1}{4}$; слѣдовательно, масса общественнаго продукта должна составить $\frac{9a}{8} \times \frac{5}{4} = \frac{45}{32}$ a. Возросшая масса средствъ производства должна составить $\frac{5}{8}$a. Масса предметовъ потребленія рабочихъ до происшедшихъ перемѣнъ была $\frac{2a}{8}$, послѣ нихъ она возрасла, согласно предположенію, на $\frac{1}{10}$ и, слѣдовательно, достигла $\frac{2a}{8} \times \frac{11}{10} = \frac{11}{40}$a. Постоянный и перемѣнный капиталъ равняются, слѣдовательно, $\frac{5}{8}$ a + $+\frac{11}{40}$ a = $\frac{9}{10}$a. Прибыль капиталистовъ равна разности общественнаго продукта и капитала, т.-е., $\frac{45}{32}$ a — $\frac{9}{10} = \frac{81}{160}$ a, а процентъ прибыли равенъ $\frac{81}{160}$ a: $\frac{9}{10}$ a = приблизительно 56%.

Исходя изъ этого вычисленія, мы можемъ опредѣлить окончательныя трудовыя цѣнности продуктовъ послѣ повышенія производительности труда. Третій фазисъ въ моей схемѣ не выражаетъ этихъ окончательныхъ цѣнностей. Я принялъ, что цѣнность общественнаго продукта этого фазиса равна 900 единицамъ цѣнности, такъ какъ для изготовленія этого продукта потребовалось 800 единицъ труда (цѣнность продукта перваго фазиса) и еще дополнительныхъ 100 единицъ труда (цѣнность

Такимъ образомъ, повышеніе строенія общественнаго капитала оказываетъ противоположное вліяніе на процентъ прибыли въ зависимости отъ причины этого повышенія: если строеніе общественнаго капитала повышается вслѣдствіе паденія производительности общественнаго труда, то процентъ прибыли понижается; процентъ этотъ, наоборотъ, возрастаетъ, если строеніе общественнаго капитала повышается вслѣдствіе поднятія производительности общественнаго труда. Впрочемъ, очевидно, что это противорѣчило бы всѣмъ законамъ хозяйства, если бы такіе противоположные моменты, какъ повышеніе и пониженіе производительности общественнаго труда, оказывали одно и то же вліяніе на процентъ прибыли.

Какой же случай—пониженія или повышенія производительности труда—имѣлъ въ виду изслѣдовать Марксъ? Очевидно, второй случай, такъ какъ лишь второй случай соотвѣтствуетъ дѣйствительному ходу капиталистическаго развитія. Такъ, Марксъ говоритъ, что повышеніе строенія общественнаго капитала «есть лишь иное выраженіе раз-

---

дополнительныхъ средствъ производства). Но такъ какъ эта послѣдняя затрата труда совершается лишь однажды, и затѣмъ не повторяется, то съ каждымъ новымъ періодомъ производства трудовая цѣнность продукта, вычисленная такимъ образомъ, должна падать. Окончательная же трудовая цѣнность продукта можетъ быть установлена слѣдующимъ образомъ. Число рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ, не испытываетъ, согласно предположенію, никакой перемѣны. Согласно теоріи прибавочной цѣнности цѣнность перемѣннаго капитала и прибавочная цѣнность должны въ суммѣ равняться новой цѣнности, создаваемой рабочими. Если эта цѣнность до происшедшихъ перемѣнъ составляла 400 рабочихъ единицъ, то и послѣ нихъ она должна остаться безъ перемѣны. Перемѣнный капиталъ, по своей массѣ, относится къ прибавочному продукту, какъ $\frac{11}{40}$ къ $\frac{81}{160}$, и, слѣдовательно, долженъ быть равенъ, по своей трудовой цѣнности, 140,8 трудов. единицамъ, а прибавочная цѣнность должна равняться 259,2 труд. единицамъ. Постоянный капиталъ относится къ перемѣнному, по своей массѣ, какъ $\frac{5}{8}$ къ $\frac{11}{40}$; и, слѣдовательно, равенъ 320 труд. единицамъ. Трудовая цѣнность общественнаго продукта составляетъ, такимъ образомъ, 320 с. + 140,8 р. + 259,2 п. = 720, а процентъ прибыли $\frac{259,2}{460,8}$ = приблизительно 56%. Ср. по тому же вопросу мою книгу „Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England“.

витія производительной силы общественнаго труда, развитія, выражающагося въ томъ, что, благодаря растущему примѣненію машинъ и основного капитала, рабочими перерабатывается въ единицу времени большее количество сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ, т.-е., затрачивается на переработку единицы продукта меньшее время» [1]). Марксъ предполагалъ, выяснить вліяніе на процентъ прибыли именно этого момента. Но съ нимъ случилось удивительное qui pro quo. Вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть вліяніе повышенія производительности общественнаго труда на процентъ прибыли, онъ разсмотрѣлъ противоположный случай — пониженія производительности общественнаго труда,—и, такимъ образомъ, пришелъ къ своему закону паденія процента прибыли. Приведенныя соображенія доказываютъ, однако, что это не только не есть истинный законъ движенія прибыли, но что истинно какъ разъ обратное: «развитіе производительной силы общественнаго труда» имѣетъ тенденцію не понижать, а повышать процентъ прибыли [2]).

Этотъ послѣдній законъ, какъ тенденція, есть весьма важный моментъ капиталистическаго развитія. Но лишь какъ тенденція, дѣйствіе которой болѣе или менѣе уничтожается другими тенденціями противоположнаго характера.

Среди этихъ послѣднихъ тенденцій можно отмѣтить слѣдующія:

1) удлиненіе періодовъ оборота общественнаго капитала. Всякое замѣщеніе рабочихъ машинами имѣетъ тен-

---

[1]) Marx. „Das Kapital". T. III. Стр. 192.

[2]) Недавно я узналъ, что одновременно со мной подвергнулъ сходной критикѣ мнимый законъ Маркса итальянскій соціологъ Бенедетто Кроче. Статья Кроче „Una obiezione alla legge marxistica della caduta del saggio del profito" появилась въ „Atti dell academia Pontaniana" 7 мая 1899, а моя статья о томъ же вопросѣ въ маѣ 1899 г. въ „Научномъ Обозрѣніи". Кроче, какъ и я, исходитъ изъ трудовой теоріи цѣнности и приходитъ къ заключенію, что замѣщеніе рабочихъ машинами имѣетъ тенденцію не понижать, а повышать процентъ прибыли (см. Benedetto Croce. Materialismo Storico ed economia marxistica. Saggi critici. 1900. Стр. 216 и слѣд.). Такимъ образомъ, результаты нашей критики мнимаго закона Маркса совершенно совпадаютъ; но Кроче мало разработалъ вопросъ и потому очень нерѣшительно относится къ собственному выводу, который ему кажется скорѣе возможнымъ, чѣмъ необходимымъ.

денцію увеличивать долю основнаго капитала на счетъ оборотнаго—иными словами, замедлять обращеніе капитала. Съ другой стороны, болѣе интенсивное использованіе основного капитала, ускореніе транспорта и всѣ техническія улучшенія, направленныя къ сокращенію времени производства, имѣютъ тенденцію сокращать время обращенія общественнаго капитала. Такимъ образомъ, передъ нами два момента, дѣйствующіе въ противоположномъ направленіи на скорость обращенія капитала. Но можно, повидимому, признать, что дѣйствіе перваго момента сильнѣе и что обращеніе общественнаго капитала, по мѣрѣ развитія капиталистическаго хозяйства, замедляется, а это весьма существенно препятствуетъ поднятію процента прибыли;

2) сокращеніе рабочаго дня;

3) повышеніе реальной заработной платы рабочихъ, занятыхъ въ капиталистической промышленности. Какъ мы видѣли, повышеніе это должно быть весьма значительнымъ, чтобы преодолѣть тенденцію къ повышенію процента прибыли. Но можно думать, что повышеніе реальной заработной платы въ крупной промышленности (въ развитіи которой всего рѣзче наблюдается повышеніе строенія капитала) въ новѣйшее время было достаточно велико, чтобы существенно воспрепятствовать повышенію процента прибыли;

4) повышеніе другихъ формъ нетрудового дохода на счетъ прибыли капиталистовъ; такъ, напр., колоссальное повышеніе ренты съ городскихъ земель;

5) повышеніе на счетъ прибыли капиталистовъ доли общественнаго дохода, поступающей въ пользу государства путемъ налоговъ.

Всѣ эти тенденіи вполнѣ или отчасти уничтожаютъ дѣйствіе тенденціи процента прибыли къ повышенію. Но эта послѣдняя тенденція сохраняетъ свое реальное значеніе, будучи нечѣмъ инымъ, какъ капиталистическимъ способомъ выраженія того факта, что количество прибавочнаго продукта, находящагося въ распоряженіи общества, относительно и абсолютно возрастаетъ [1]).

---

[1]) Замѣчу, кстати, что исторически совершенно невѣрно, будто процентъ прибыли имѣетъ тенденцію къ постоянному паденію. Согласно

IV.

Такимъ образомъ, мною доказано, что общественный процентъ прибыли столь же мало зависитъ отъ строенія общественнаго капитала, какъ и проценты прибыли въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства. Замѣщеніе живого труда матеріальными средствами производства не въ силахъ, само по себѣ, понизить процента прибыли; процентъ этотъ повышается или понижается въ зависимости отъ измѣненія производительности труда, но совершенно независимо отъ распредѣленія общественнаго капитала на постоянную и перемѣнную часть. Если бы мы предположили, что, благодаря замѣщенію рабочихъ машинами и другими средствами производства, число рабочихъ абсолютно сокращается, то, разумѣется, и трудовая цѣнность прибыли, при прочихъ равныхъ условіяхъ, должна была бы сократиться; но въ виду того, что, какъ это показано въ моей нѣмецкой книгѣ о кризисахъ, такое замѣщеніе ведетъ къ еще большему паденію трудовой цѣнности капипитала, то и замѣщеніе рабочихъ машинами создастъ тенденцію не къ пониженію, а къ повышенію процента прибыли. Строеніе капитала опредѣляетъ, слѣдовательно, не процентъ прибыли, но трудовую цѣнность прибыли.

Выше было показано, что реальный общественный процентъ прибыли, благодаря различію строенія общественнаго капитала въ различныхъ отдѣлахъ общественнаго производства, не совпадаетъ съ вычисленнымъ на основаніи теоріи прибавочной цѣнности. Теперь мы видимъ, что и измѣненія общественнаго процента прибыли происходятъ совершенно независимо отъ измѣненія строенія общественнаго капитала. Между тѣмъ, сущность теоріи прибавоч-

---

Эйленбургу, дивиденды германскихъ акціонерныхъ обществъ на 1 акцію опредѣленной цѣнности за время 1871—1900 гг. не понизились, а повысились. За болѣе же продолжительные періоды времени также не наблюдается паденія процента прибыли—во времена императора Траяна нормальнымъ ссуднымъ процентомъ въ Италіи подъ вѣрныя обезпеченія можно было считать, по Моммзену, 5%, а нѣсколько позже 4 и даже $3^1/_2$%—т.-е. со времени этой эпохи Римской Имперіи и понынѣ ссудный процентъ почти не понизился. Ср. Jahrbücher für Nationalökonomie. Т. XIX., стр. 283 и Т. XXVII, стр. 259.

ной цѣнности, поскольку она стремится объяснить реальные факты образованія капиталистической прибыли, заключается въ утвержденіи, что живой трудъ и средства производства играютъ различную роль въ образованіи прибыли, что источникомъ прибыли является лишь перемѣнный капиталъ. Я же доказалъ, что, поскольку дѣло идетъ о процентѣ прибыли, нельзя замѣтить никакого различія между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ: замѣщеніе рабочихъ средствами производства не создаетъ тенденціи прибыли къ паденію. Этимъ самымъ я доказалъ, что теорія прибавочной цѣнности, какъ теорія образованія и измѣненія процента прибыли, частью невѣрна, частью лишена содержанія. Марксъ усматривалъ ограниченность кругозора капиталиста въ его убѣжденіи, что процентъ прибыли совершенно не зависитъ отъ строенія капитала. Но мы видѣли, что Марксъ пришелъ къ своему закону паденія процента прибыли лишь при помощи ряда логическихъ ошибокъ. Исходя изъ той же теоріи прибавочной цѣнности, мы пришли къ заключенію, что и по отношенію къ общественному проценту прибыли мнѣніе капиталиста совершенно основательно. Различеніе постояннаго и перемѣннаго капитала, поскольку дѣло идетъ о процентѣ прибыли (а только по отношенію къ прибыли различеніе это и можетъ имѣть смыслъ), оказывается, такимъ образомъ, совершенно излишнимъ: та часть капитала, которую Марксъ называетъ постоянной, является такимъ же источникомъ прибыли, какъ и та, которую Марксъ называетъ перемѣнной. Такимъ образомъ, вся теорія прибыли Маркса падаетъ: «вульгарные» экономисты и капиталисты-практики, признающіе весь капиталъ, безъ различія, источникомъ прибыли, были совершенно правы.

ГЛАВА VIII.

Прибавочный трудъ и нетрудовой доходъ.

I. *Прибавочный трудъ.* Соціальное значеніе прибавочнаго труда. Принужденіе, какъ основа прибавочнаго труда. — II. *Соціальная основа нетрудового дохода.* Каждый доходъ такого рода основывается на соціальной эксплоатаціи. Въ чемъ состоитъ эксплоатація съ точки зрѣнія различныхъ теорій прибыли. — III. *Условія, опредѣляющія высоту нетрудового дохода.* Критика теоріи производительности капитала. Капиталъ, какъ средство поддержанія жизни рабочихъ и какъ средство производства. Производительность труда и доля капиталиста въ трудовомъ продуктѣ, какъ условія, опредѣляющія высоту процента прибыли.

Какъ теорія прибыли, ученіе о прибавочной цѣнности должно быть безусловно отвергнуто. Но подобно тому, какъ абсолютная трудовая теорія цѣнности, несмотря на всѣ свои недостатки, содержитъ въ себѣ здоровое соціальное ядро, точно также содержитъ въ себѣ нѣкоторую важную истину и теорія прибавочной цѣнности.

I.

«Правильна или неправильна теорія цѣнности Маркса, — совершенно вѣрно замѣчаетъ Бернштейнъ, — это совершенно безразлично для доказательства существованія прибавочнаго труда» [1]). Понятіе прибавочнаго труда такъ же необходимо для соціальной науки, какъ и понятіе трудовой стоимости. Очевидный фактъ, что въ капиталистическомъ обществѣ, какъ и въ обществѣ, основанномъ на крѣпостномъ или рабскомъ трудѣ, часть общества работаетъ, безъ соотвѣтствующаго трудового эквивалента, на другую. Неимущіе рабочіе, очевидно, принуждены усту-

[1]) Bernstein. „Die Vorassetzungendes Socialismus". 1899. Стр. 42.

пать въ пользу имущихъ классовъ больше труда, чѣмъ получаютъ отъ нихъ обратно въ видѣ заработной платы.

Фактъ этотъ слишкомъ ясенъ и безспоренъ, чтобы нуждаться въ доказательствахъ. Однако, значеніе его для пониманія соціальныхъ отношеній господствующей системы хозяйства не такъ просто, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Такъ, напр., Бэмъ-Баверкъ отнюдь не былъ удовлетворенъ приведеннымъ указаніемъ Бернштейна на фактъ прибавочнаго труда. «Можно было бы съ одинаковымъ правомъ доказать,—говоритъ онъ,—идя въ этомъ отношеніи далѣе физіократовъ, что все остальное человѣчество живетъ эксплоатаціей земледѣльческихъ классовъ; ибо, въ концѣ концовъ, неоспоримо, что продукты, создаваемые земледѣльческими рабочими, служатъ для поддержанія существованія и другихъ людей» [1]). Г. Франкъ замѣчаетъ въ своей выдающейся книгѣ о теоріи цѣнности Маркса, что «если одна часть общества даетъ другой больше труда, чѣмъ получаетъ отъ нея, то вѣдь вторая даетъ первой больше капитала или больше земли, и мы съ тѣмъ же правомъ могли бы сказать, что рабочіе пользуются «прибавочнымъ капиталомъ» или прибавочной землей» тѣхъ классовъ общества, которымъ они отдаютъ свой прибавочный трудъ» [2]).

Матеріальные факторы производства — земля и капиталъ—столь же необходимы для производства, какъ и трудъ. Каждый изъ этихъ факторовъ производства принадлежитъ особому общественному классу. Поэтому кажется вполнѣ естественнымъ и справедливымъ, чтобы каждый классъ имѣлъ свою долю участія въ общественномъ продуктѣ, а, слѣдовательно, и понятіе прибавочнаго труда кажется, хотя формально и правильнымъ, но столь же безполезнымъ и безсодержательнымъ, какъ понятія прибавочнаго капитала и прибавочной земли.

Подобныя разсужденія могутъ имѣть очень убѣдительный видъ; тѣмъ не менѣе я считаю ихъ основанными на полнѣйшемъ непониманіи истинной сути дѣла. Земля и

---

[1]) Böhm-Bawerk. „Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien„. 1900. 2-е изд. Стр. 550.

[2]) Франкъ. „Теорія цѣнности Маркса“. 1900. Стр. 151.

капиталъ, дѣйствительно, такъ же необходимы для производства, какъ и трудъ; однако, этого отнюдь нельзя сказать о правѣ частной собственности на землю и капиталъ: земля и капиталъ нисколько ни потеряютъ своихъ производительныхъ свойствъ, если перейдутъ въ руки рабочаго. Капиталистъ даетъ рабочему капиталъ—внѣшній предметъ, не составляющій части его личности, между тѣмъ какъ рабочій даетъ капиталисту свой трудъ, слѣдовательно, самого себя, свою личность. Работа и капиталъ или земля несоизмѣримы другъ съ другомъ, такъ какъ рабочій есть человѣческая личность, слѣдовательно, цѣль какъ себѣ, между тѣмъ въ капиталъ и земля суть лишь простые предметы, средства хозяйства. Поэтому фактъ присвоенія прибавочнаго труда указываетъ на соціальный гнетъ, на подавленіе однихъ общественныхъ классовъ другими, ибо только подъ вліяніемъ внѣшняго принужденія человѣкъ можетъ затрачивать свои жизненныя силы на поднятіе хозяйственнаго благосостоянія лицъ другихъ общественныхъ классовъ. Присвоеніе прибавочнаго труда доказываетъ, слѣдовательно, что равноправность всѣхъ гражданъ того же государства, признаваемая современными правовыми воззрѣніями, терпитъ на дѣлѣ, благодаря господствующей системѣ хозяйства, полное крушеніе.

II.

Доходъ, не основанный на трудѣ, и присвоеніе неработающими прибавочнаго труда суть, въ дѣйствительности, одно и то же соціальное явленіе, разсматриваемое съ различныхъ сторонъ. Марксъ попытался своей теоріей прибавочной цѣнности дать теоретическое объясненіе нетрудовому доходу. Но попытка его совершенно не удалась, благодаря, главнымъ образомъ, неправильному пониманію задачи, подлежавшей разрѣшенію.

А именно, Марксъ поставилъ себѣ задачей доказать, при помощи извѣстной теоріи цѣнности, что доходъ, не основанный на трудѣ, вытекаетъ изъ эксплоатаціи рабочаго. Но категорія хозяйственной цѣнности, по самому своему существу, не пригодна для обнаруженія соціальнаго содержанія извѣстной системы хозяйства. Характерная осо-

бенность этой категоріи въ томъ именно и заключается, что соціальныя отношенія скрываются въ ней подъ маской вещей. Категоріи цѣнности свойственъ характеръ фетиша. Соціальныя отношенія хотя и выражаются въ товарной цѣнѣ, но лишь подъ формой отношеній товаровъ. Если же устранить товарную цѣну, то исчезаетъ и мѣновая цѣнность, къ существу которой принадлежитъ эта форма.

Для обнаруженія соціальнаго содержанія дохода, не основаннаго на трудѣ, не требуется исходить изъ какой бы-то ни было теоріи цѣнности. Весьма распространенное мнѣніе, что соціалистическая критика существующаго хозяйственнаго строя должна неизбѣжно опираться на абсолютную трудовую цѣнность, основано на грубомъ недоразумѣніи [1]). Правда, основатели, такъ называемаго, научнаго соціализма—Прудонъ, Ротбертусъ, Марксъ—исходили изъ этой теоріи. Но именно въ этомъ и заключается ненаучная сторона новѣйшаго соціализма. Болѣе ранній, такъ называемый, утопическій соціализмъ былъ въ этомъ отношеніи гораздо научнѣе, такъ какъ онъ не стремился къ невозможному объективному обоснованію своихъ соціально-этическихъ требованій.

Для доказательства того, что доходъ, не основанный на трудѣ, основывается на насиліи, соціальномъ гнетѣ, достаточно сослаться на очевидный фактъ, что рабочіе работаютъ въ пользу капиталистовъ не изъ любви къ нимъ и не изъ любви къ дѣлу, а изъ необходимости, по нуждѣ. Если бы рабочіе обладали средствами существованія и производства, то они работали бы на себя, а не на капиталиста. Никакая теорія прибыли не въ силахъ ослабить значеніе этого основного факта, хотя многія теоріи стремились къ этому. Такъ, Сэ, основатель, такъ называемой, производительной теоріи прибыли, полагалъ, что, признавъ ренту, прибыль и заработную плату оплатой производительныхъ услугъ трехъ факторовъ производства, онъ

---

[1]) „Теорія цѣнности,—говоритъ Адлеръ,—есть естественный отправной пунктъ научнаго соціализма“ (Adler. „Die Grundlagen der Marxschen Kritik“. 1888. Стр. 28). Гораздо основательнѣе замѣчаетъ Геркнеръ, что „споръ о законѣ цѣнности имѣетъ большое методологическое и вообще научное значеніе, но для чисто коммунистической стороны марксизма онъ относительно маловаженъ“. (Herkner. „Die Arbeiterfrage“. 1887. Стр. 302).

доказалъ правомѣрность нетрудоваго дохода. Но вопросъ о производительности капитала и земли не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о соціальномъ характерѣ дохода капиталиста и землевладѣльца. Если бы приростъ цѣнности, образующій процентъ на капиталъ, былъ такимъ же естественнымъ продуктомъ капитала, какъ яблоко яблони, то все же полученіе прибыли оставалось бы связаннымъ съ владѣніемъ капиталомъ. Между тѣмъ, нельзя понять, почему капиталъ, а вмѣстѣ съ нимъ и прибыль, должны непремѣнно принадлежать неработающему капиталисту, а не работающему дѣйствительному производителю. Прибыль остается, и съ точки зрѣнія производительной теоріи, доходомъ, не основанномъ на трудѣ, иначе говоря, доходомъ, основаннымъ на присвоеніи неработающими прибавочнаго труда работающихъ.

Теорія земельной ренты Рикардо усматриваетъ причину земельной ренты въ естественномъ различіи плодородія различныхъ земельныхъ участковъ. Рикардо опредѣляетъ земельную ренту, какъ «цѣну, платимую за первоначальную и неистощимую производительную силу земли». Однако, изъ этого ученія никакъ нельзя вывести, что доходъ земельнаго собственника есть правомѣрная форма дохода— извѣстно, что, именно исходя изъ теоріи Рикардо, Генри Джорджъ пришелъ къ своему требованію полнаго уничтоженія частной собственности на землю.

Такимъ образомъ, методологически совершенно неправильно усматривать въ производительной теоріи аргументъ противъ теоріи эксплоатаціи труда. Съ точки зрѣнія правильно понятой производительной теоріи эксплоатація рабочихъ имущими классами заключается, конечно, не въ томъ, что капиталъ, въ соединеніи съ трудомъ, создаетъ нѣкоторый избытокъ цѣнности, но въ томъ, что неработающіе классы лишаютъ рабочихъ этого избытка и присвоиваютъ его себѣ.

Новѣйшій представитель производительной теоріи, Фридрихъ Визеръ, повидимому, понимаетъ это. «Отчисленіе изъ общей выручки производства долей капитала, земли и труда, соотвѣтственно дѣйствительной производительности послѣднихъ,—говоритъ онъ,—есть естественное правило хозяйства, необходимое для всякаго хозяйства, современ-

наго, какъ и коммунистическаго. Быть можетъ, было бы справедливо, чтобы вся выручка производства поступала въ распоряженіе рабочихъ, какъ ихъ единоличный доходъ, но, во всякомъ случаѣ, если бы это было и такъ, правильное хозяйство требовало бы отнесенія соотвѣтствующихъ долей общаго продукта производства на счетъ факторовъ производства, пропорціонально ихъ дѣйствительному участію въ производствѣ, въ видахъ достиженія въ будущемъ наиболѣе выгодной комбинаціи этихъ факторовъ въ производствѣ» [1]).

Въ другомъ мѣстѣ Визеръ указываетъ на то, что «проблема расчисленія долей общаго продукта производства на счетъ того или иного средства производства должна быть совершенно отдѣлена отъ проблемы распредѣленія народнаго дохода» [2]) и исходитъ во всемъ своемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи естественныхъ правилъ такого расчисленія изъ предположенія коммунистическаго государства, въ которомъ весь продуктъ принадлежитъ работающей общинѣ. Вопросъ о правилахъ расчисленія продукта на счетъ различныхъ факторовъ производства не имѣетъ, такимъ образомъ, ничего общаго съ вопросомъ о соціальномъ происхожденіи и значеніи дохода, не основаннаго на трудѣ. Можно считать землю и капиталъ производительными или нѣтъ—доходъ землевладѣльца и капиталистовъ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть признанъ вытекающимъ изъ соціальной эксплоатаціи, изъ соціальнаго гнета и насилія.

Теорія прибыли Бэмъ-Баверка столь же мало можетъ быть аргументомъ противъ теоріи эксплоатаціи. Но въ противоположность Визеру, Бемъ-Баверкъ этого не сознаетъ. По его мнѣнію, ему удалось доказать, что «въ существѣ процента на капиталъ не заключается ничего несправедливаго» [3]). Это могло бы быть вѣрнымъ, если бы вопросъ о процентѣ былъ совершенно отдѣленъ отъ иного вопроса, кто именно, какой общественный классъ, получаетъ этотъ процентъ. Кстати же Бэмъ-Баверкъ говоритъ, какъ и Визеръ, о процентѣ въ соціалистическомъ государствѣ. Но

---

[1]) Wieser. „Der natürliche Wert“. 1889. Стр. 93.

[2]) Тамъ же, стр. 77.

[3]) Böhm-Bawerk. „Positive Theorie des Kapitals“. Стр. 384.

онъ хочетъ также доказать справедливость и дохода капиталистовъ и попадаетъ, благодаря этому, въ очевидное противорѣчіе съ самимъ собой. Такъ, онъ спрашиваетъ: «кто такое капиталисты»? и отвѣчаетъ: «это счастливые обладатели извѣстнаго имущества, не нуждающіеся въ немъ для своихъ потребностей даннаго времени» [1]). А что такое рабочіе? Это люди, «готовые, вслѣдствіе невозможности приложить свой трудъ за свой собственный счетъ, продать свой будущій трудовой продуктъ за значительно меньшую сумму наличностью» [2]). Итакъ, капиталисты суть имущіе а рабочіе неимущіе люди.

Признавъ, такимъ образомъ, что доходъ капиталистовъ основывается на владѣніи имуществомъ, иначе говоря, на принужденіи, Бэмъ-Баверкъ удивительнымъ образомъ приходитъ къ заключенію, что конкуренція капиталистовъ «не оставляетъ мѣста для эксплоатаціи неимущихъ» [3]). Заключеніе это крайне непонятно, такъ какъ конкуренція капиталистовъ, очевидно, недостаточна, чтобы сдѣлать ихъ неимущими, а пока остаются имущіе и не имущіе, до тѣхъ поръ остается и соціальное неравенство, иными словами, эксплоатація, ибо никто не рѣшится серьезно утверждать, что неравенство распредѣленія имущества между различными общественными классами обусловливается различіемъ личныхъ свойствъ людей, образующихъ эти классы. Рабочіе, очевидно, предпочли бы быть въ положеніи «счастливыхъ обладателей имущества»; а если что-либо мѣшаетъ имъ попасть въ это счастливое положеніе, то, во всякомъ случаѣ, не ихъ личныя свойства, а соціальныя отношенія власти и зависимости.

Точно также и теорія воздержанія не можетъ представить капиталистической прибыли въ иномъ свѣтѣ. Эта теорія нисколько не отрицаетъ, что прибыль есть доходъ, основанный на владѣніи, и что величина этого дохода зависитъ отъ размѣровъ владѣнія. То же самое «воздержаніе» выражается въ весьма различной денежной суммѣ прибыли, смотря по величинѣ капитала, находящагося во вла-

---

[1]) Тамъ же. Стр. 382.
[2]) Тамъ же. Стр. 350.
[3]) Тамъ же. Стр. 385.

дѣніи даннаго лица. Отношенія владѣнія, иначе говоря, соціальныя отношенія власти и зависимости, остаются и съ этой точки зрѣнія основой капиталистическаго дохода.

Только та теорія прибыли, которую Бэмъ-Баверкъ называетъ рабочей теоріей, усматривающая въ прибыли капиталиста плату за его собственный трудъ по руководительству предпріятіемъ, стоитъ на принципіально иной точкѣ зрѣнія, такъ какъ только эта теорія отрицаетъ существованіе въ капиталистическомъ обществѣ дохода, не основаннаго на трудѣ. Но эта теорія опровергается уже самымъ фактомъ *процента* прибыли—тѣмъ, что прибыль расчисляется въ процентахъ на капиталъ и, слѣдовательно, находится въ связи съ величиной послѣдняго; иными словами, «заработная плата» капиталиста опредѣляется не его трудомъ, но его имуществомъ [1]). Такимъ образомъ, мы возвращаемся къ признанію капиталистическаго дохода тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ—доходомъ, основаннымъ на владѣніи, а слѣдовательно, и на соціальной эксплоатаціи, соціальномъ гнетѣ, ибо только соціальное принужденіе можетъ дѣлать однихъ людей, безъ всякой заслуги съ ихъ стороны, богатыми, а другихъ людей, безъ всякой ихъ вины, бѣдными.

Какъ безспоренъ фактъ, что не всякій доходъ основывается на трудѣ лица, получающаго доходъ, точно такъ же безспорно и то, что соціальная эксплоатація есть основа всѣхъ доходовъ, вытекающихъ изъ владѣнія имуществомъ.

III.

Теорія производительности капитала пытается объяснить капиталистическую прибыль технической производительностью капитала. Это объясненіе кажется весьма правдоподобнымъ, такъ какъ, дѣйствительно, съ точки зрѣнія техническаго процесса производства, нѣтъ принципіальнаго различія между рабочимъ и его инструментами. Это въ особенности ясно по отношенію къ машинѣ, исполняющей

---

[1]) „Процентъ на капиталъ опредѣляется не трудомъ капиталиста, но величиной его имущества“. Böhm-Bawerk. „Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien“. Стр. 373.

тѣ же техническіе операціи, которыя раньше исполнялись ручнымъ трудомъ. Поскольку человѣкъ является въ процессѣ производства механической силой, онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ механическихъ силъ.

Введеніе улучшенныхъ процессовъ и средствъ производства ведетъ къ увеличенію массы производимаго продукта; повидимому, вполнѣ естественно разсматривать этотъ прибавочный продуктъ, какъ сознаніе новыхъ средствъ производства. Такимъ образомъ, производительная теорія приходитъ къ заключенію, что прибавочный продуктъ, поступающій въ пользу капиталиста (иными словами, его прибыль), создается его собственнымъ капиталомъ.

Эта теорія прибыли остается понынѣ господствующей среди тѣхъ экономистовъ, которые отвергаютъ теорію эксплоатаціи. Бэмъ-Баверкъ рѣзко критиковалъ эту теорію, но его критика не была и не могла быть удачной, такъ какъ самъ критикъ стоитъ на почвѣ названной теоріи, являющейся основаніемъ всего его ученія о капиталѣ. А именно, Бэмъ-Баверкъ называетъ капиталомъ, «совокупность промежуточныхъ продуктовъ, возникающихъ на отдѣльныхъ этапахъ окольнаго пути производства» [1]), что сводится, несмотря на свою для многихъ непонятную форму, къ обычному опредѣленію капитала, какъ «произведенныхъ средствъ производства». Далѣе, Бэмъ-Баверкъ признаетъ «однимъ изъ самыхъ основныхъ и важныхъ положеній всего ученія о производствѣ то, что окольный путь производства (употребленіе средствъ производства. *М. Т.-Б.*) ведетъ къ увеличенію производимаго продукта» [2]), или, иными словами, «что (разумѣется, цѣлесообразное) удлиненіе пути производства ведетъ къ образованію нѣкотораго избыточнаго продукта» [3]).

Исходя изъ этого положенія, Бэмъ-Баверкъ приходитъ къ своей теоріи прибыли. «Человѣкъ,—говоритъ онъ,—можетъ изготовлять нужные ему предметы потребленія или непосредственно, или чрезъ посредство промежуточныхъ продуктовъ, называемыхъ капиталомъ. Этотъ послѣдній спо-

---

[1]) „Positive Theorie des Kapitals“. Стр. 21.
[2]) Тамъ же. Стр. 18.
[3]) Тамъ же. Стр. 91

собъ производства требуетъ пожертвованія времени, но сопровождается увеличеніемъ массы продукта, сопутствующимъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, каждому дальнѣйшему удлиненію пути производства» [1]). Возникающій, такимъ образомъ, прибавочный продуктъ капиталистическаго производства и образуетъ собой, согласно Бэмъ-Баверку, прибыль капиталиста.

Очевидно, что техническая производительность капитала представляется Бэмъ-Баверку не менѣе, чѣмъ и Визеру, Маршалю, Менгеру или другимъ современнымъ представителямъ теоріи производительности [2]), естественной основой капиталистической прибыли.

Я указалъ выше на то, что теорія производительности не можетъ доказать соціальной справедливости дохода, не основаннаго на трудѣ. Она можетъ быть неоспорима и все же теорія эксплоатаціи сохранитъ всю свою силу. Но я отнюдь не считаю теорію производительности неоспоримой или даже просто вѣрной, такъ какъ она не даетъ, по моему мнѣнію, удовлетворительнаго объясненія происхожденія капиталистическаго дохода. Основная ошибка теоріи производительности (включая сюда и теорію Бэмъ-Баверка) заключается въ томъ, что она ставитъ въ связь полученіе прибыли съ введеніемъ улучшенныхъ средствъ производства. Капиталъ, приносящій прибыль, является въ глазахъ теоретиковъ этого направленія всегда въ видѣ инструментовъ и машинъ, употребленіе которыхъ увеличиваетъ массу производимыхъ продуктовъ. Но происхожденіе капиталистической прибыли, или, общѣе, дохода, не основаннаго на трудѣ, не имѣетъ ничего общаго съ введеніемъ улучшенныхъ орудій труда. Правда, всякій доходъ, не вытекающій изъ труда, вытекаетъ изъ владѣнія имуществомъ; но основой его является владѣніе не столько орудіями труда, сколько средствами существованія рабочихъ.

Это чувствовалъ Джевонсъ, опредѣливъ капиталъ, какъ «совокупность предметовъ, служащихъ для поддержанія

---

[1]) Тамъ же. Стр. 97.

[2]) Каковая, по моему мнѣнію, принципіально совпадаетъ съ той теоріей, которую Бэмъ называетъ теоріей полезности капитала. Основная идея обѣихъ теорій одна и та же.

существованія рабочихъ, занятыхъ производствомъ» [1]). Какъ рабочій является болѣе основнымъ и важнымъ факторомъ производства, чѣмъ его орудія труда, точно также и капиталъ въ формѣ средствъ существованія рабочихъ является болѣе основнымъ и первоначальнымъ капиталомъ, чѣмъ капиталъ въ формѣ «произведенныхъ средствъ производства», ибо послѣднія, согласно опредѣленію, суть продуктъ рабочаго. Поэтому, всякая теорія, желающая дать научное объясненіе доходу капиталистовъ, должна объяснить его въ его самой основной и чистой формѣ—въ формѣ дохода, вытекающаго изъ обладанія средствами существованія рабочихъ.

Если же проблема прибыли будетъ поставлена такимъ образомъ, то станетъ очевиднымъ, что, такъ называемая, производительность капитала совершенно не при чемъ въ возникновеніи дохода капиталистовъ. Ибо что можетъ быть нелѣпѣе противопоставленія, въ качествѣ особаго фактора производства, средствъ существованія рабочихъ самимъ рабочимъ? Правда, рабочіе не могутъ не только работать, но даже и жить безъ помощи средствъ къ существованію. Но производительность средствъ существованія именно и выражается въ трудѣ рабочаго; мы сосчитали бы дважды одно и то же, если бы стали говорить о производительности средствъ существованія рабочихъ и производительности самихъ рабочихъ, какъ о чемъ-то особомъ и независимомъ другъ отъ друга.

Если мы признаемъ трудъ особымъ факторомъ производства, то мы, очевидно, не имѣемъ права приписывать производительную силу также и средствамъ существованія рабочихъ. Хлѣбъ и мясо не суть факторы производства—таковымъ является рабочій, питающійся ими.

Но обладаніе средствами существованія есть необходимое условіе всякаго труда, а, слѣдовательно, и всякаго производства. Рабочій, лишенный средствъ къ существованію, неизбѣжно попадаетъ въ экономическую зависимость отъ лица, владѣющаго средствами къ существованію, и это лицо получаетъ возможность принудить рабочаго уступить ему большую или меньшую часть произведеннаго продукта.

---

[1]) Jevons. „The Theory of Political Economy“, 3. изд. 1882. Стр. 222.

То же нужно сказать и о средствахъ производства: они также необходимы для производства и обладаніе ими, при отсутствіи ихъ у рабочаго, даетъ возможность владѣльцу присвоивать себѣ часть продукта производства.

Родбертусъ далъ окончательное рѣшеніе вопросу о происхожденіи дохода, не основаннаго на трудѣ. «Рента,— говоритъ этотъ превосходный мыслитель, — покоится на двухъ необходимыхъ предварительныхъ условіяхъ. Во-первыхъ, не можетъ быть ренты, если трудъ не создаетъ болѣе, чѣмъ требуется рабочему для продолженія труда— ибо, безъ этого избытка, никто не можетъ, не работая, регулярно получать доходъ. Во-вторыхъ, не можетъ быть ренты, если не существуетъ учрежденій, лишающихъ рабочихъ цѣликомъ или частью этого избытка и передающихъ его другимъ, не работающимъ—ибо рабочіе по самому существу дѣла первоначально владѣютъ своимъ продуктомъ. Что трудъ создаетъ этотъ избытокъ, это вытекаетъ изъ условій хозяйства, а именно изъ повышенія производительности труда. Что этотъ избытокъ частью или цѣликомъ отымается у рабочихъ и передается другимъ, это вытекаетъ изъ существующаго права, которое, будучи основано на насиліи, можетъ лишать рабочихъ ихъ продукта лишь путемъ постояннаго принужденія» [1]).

Доходъ, не основанный на трудѣ, подраздѣляется, прежде всего, на земельную ренту и прибыль. Подраздѣленіе это вытекаетъ изъ того, что между средствами производства, а, слѣдовательно, и существованія, нѣкоторыя не созданы людьми и связаны съ землей, а другія создаются самими людьми. Землевладѣльцы владѣютъ средствами существованія и производства перваго рода, капиталисты— второго. Между тѣмъ, благодаря естественнымъ различіямъ почвы, трудовой продуктъ на различныхъ земельныхъ участкахъ весьма различенъ. Владѣлецъ болѣе плодороднаго участка можетъ потребовать въ свою пользу всего избыточнаго продукта на этомъ участкѣ. Такимъ образомъ возникаетъ дифференціальная земельная рента, законы которой установлены Рикардо.

Отъ этой дифференціальной ренты слѣдуетъ отличать

---

[1]) Rodbertus. „Zur Beleuchtung der socialen Frage“ 1875. Стр. 33.

монопольную земельную ренту, получаемую и съ самаго худшаго участка и вытекающую изъ самаго права собственности на землю. «Собственность на землю, какъ извѣстное ограничительное право, остается и въ томъ случаѣ, когда дифференціальная рента исчезаетъ» [1]). Въ этомъ случаѣ создаетъ ренту монополія земельной собственности сама по себѣ, а не различія естественныхъ свойствъ земельныхъ участковъ.

Доходъ капиталистовъ, прибыль, опредѣляется другими моментами. Капиталъ—продуктъ не природы, но самихъ людей. А такъ какъ владѣніе капиталомъ есть необходимое предварительное условіе производства, то капиталисты имѣютъ возможность присвоить себѣ часть продукта производства. Высота общественнаго процента прибыли зависитъ отъ двухъ моментовъ: отъ производительности общественнаго труда, т. е., отъ общей суммы продукта, производимаго при помощи данной единицы труда въ данную единицу времени, и отъ доли капиталистовъ въ этомъ продуктѣ.

Чѣмъ производительнѣе трудъ, тѣмъ больше и прибавочный продуктъ,—та часть произведеннаго продукта, которая остается за покрытіемъ всего необходимаго для продолженія производства (т.-е. необходимыхъ средствъ къ существованію рабочихъ, занятыхъ производствомъ, и израсходованныхъ средствъ производства). Прибавочный продуктъ распредѣляется между различными классами общества. Каждый классъ стремится присвоить возможно бо́льшую долю общественнаго продукта и потому доля каждаго класса устанавливается общественной борьбой. Доля капиталистовъ тѣмъ больше, чѣмъ они могущественнѣе сравнительно съ рабочими и другими общественными классами.

Какъ выше указано (въ главѣ VI), не существуетъ никакого опредѣленнаго закона относительно высоты заработной платы, низшую границу которой образуютъ средства существованія, необходимыя для жизни рабочаго, а высшая граница опредѣляется всѣмъ трудовымъ продуктомъ рабочаго (за вычетомъ израсходованныхъ въ про-

[1]) Marx. „Das Kapital". T. III. Стр. 283.

цессѣ производства средствъ производства). Заработная плата колеблется между этими крайними границами, и такъ какъ капиталисты являются сильнѣйшей стороной, то заработная плата фактически устанавливается ближе къ низшей, чѣмъ къ высшей границѣ. Правда, заработная плата повышается подъ вліяніемъ повышенія производительности труда, но надо думать, что при капиталистическомъ способѣ хозяйства заработная плата никогда не превыситъ сравнительно довольно низкаго уровня, такъ какъ монопольное владѣніе средствами существованія и производства является прочной опорой соціальнаго преобладанія капиталистовъ.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что процентъ прибыли можетъ измѣняться какъ параллельно, такъ и въ обратномъ отношеніи сравнительно съ заработной платой. Возможны слѣдующія комбинаціи процента прибыли и заработной платы (какъ доли продукта): высокая заработная плата и высокій процентъ прибыли, высокая заработная плата и низкій процентъ прибыли, низкая заработная плата и высокій процентъ прибыли, низкая заработная плата и низкій процентъ прибыли. Это мы и видимъ въ дѣйствительности: высокій процентъ прибыли идетъ въ Америкѣ рядомъ съ высокой, въ Россіи съ низкой заработной платой. Благодаря высокой производительности труда, непроизводительные расходы производства въ Америкѣ низки— и доля капиталистовъ и рабочихъ высока. Иное мы видимъ въ Россіи, гдѣ, при низкой производительности труда, высокій процентъ прибыли достигается лишь путемъ крайней эксплоатаціи и крайняго угнетенія труда капиталомъ.

Теперь намъ не трудно установить, въ чемъ заключается истина и ложь обѣихъ соперничающихъ теорій прибыли—теоріи производительности капитала и теоріи прибавочной цѣнности Маркса. Обѣ содержатъ въ себѣ зерно истины и обѣ ложны въ своей односторонности. Что касается до первой теоріи, то совершенно вѣрно, что, кромѣ пониженія заработной платы, имѣется и другой источникъ повышенія прибыли, а именно, повышеніе производительности труда путемъ введенія улучшенныхъ средствъ и способовъ производства. Техническій прогрессъ, замѣщеніе ручного труда машиннымъ, создаетъ тенденцію

къ повышенію процента прибыли, какъ это мы видѣли въ предшествующей главѣ, что можетъ сопровождаться и повышеніемъ заработной платы (какъ реальной, такъ и денежной, какъ по своей массѣ, такъ и по своей трудовой стоимости).

Ложь производительной теоріи заключается, прежде всего, въ томъ, что она признаетъ въ капиталѣ третій самостоятельный факторъ производства, рядомъ съ трудомъ и землей. Но «капиталъ есть только промежуточный продуктъ природы и труда, и больше ничего. Его возникновеніе, существованіе и дѣйствіе суть простые этапы въ непрерывной дѣятельности истинныхъ агентовъ производства, природы и труда. Эти послѣдніе агенты суть единственныя силы, съ начала до конца, въ процессѣ возникновенія предметовъ потребленія» [1]). Что же касается природы, то она не образуетъ собой, какъ выше доказано, абсолютной стоимости. Таковой является только трудъ. Это даетъ намъ право разсматривать весь общественный продуктъ какъ созданіе только общественнаго труда и ничего больше [2]).

Однако, было бы большой ошибкой считать общественный продуктъ созданіемъ только рабочихъ, непосредственно занятыхъ производствомъ. Всѣ лица, содѣйствующія хозяйственному благополучію общества, прямо или косвенно участвуютъ въ производствѣ общественнаго продукта. Фабричные рабочіе руководятъ ходомъ машины, но для созданія машины требуется нѣчто большее, чѣмъ крѣпкіе мышцы. Безъ науки, безъ творческой работы человѣческаго духа, хозяйственный трудъ былъ бы такъ же безсиленъ, какъ птица безъ крыльевъ. Рабочій классъ столь же мало совпадаетъ съ интеллигенціей, представителями твор-

---

[1]) Böhm-Bawerk. „Positive Theorie des Kapitals". Стр. 102.

[2]) „Земля или природа и капиталъ не могутъ быть противопоставлены труду, какъ факторы производства, но вполнѣ подчинены труду. Трудъ есть единственный активный факторъ производства, природа же доставляетъ лишь матеріалъ для обработки или же первоначальныя свободныя силы, которыя использываетъ трудъ. Что же касается до капитала, то... будучи самъ продуктомъ, онъ не можетъ быть первичнымъ факторомъ производства". Статья Лексиса „Produktion" въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften". Изд. I. T. V. Стр. 284.

*

ческаго труда, какъ и классъ капиталистовъ. Великія открытія и изобрѣтенія, такъ же какъ и составляющія эпоху идеи и вообще все, что мы включаемъ въ понятіе духовной культуры, являются продуктомъ не какого-либо общественнаго класса, но всего общества, какъ цѣлаго.

Конечно, неправильно видѣть въ капиталистѣ главнаго двигателя промышленнаго прогресса. Правда, капиталистъ присваиваетъ плоды промышленнаго прогресса, но отнюдь ихъ не создаетъ. Только очень немногіе великіе изобрѣтатели обогатились отъ своихъ изобрѣтеній. Но если милліоны Аркрайта или Уатта можно считать созданіемъ ихъ собственной геніальности, то, очевидно, того же нельзя сказать о доходахъ безчисленныхъ фабрикантовъ, которые съ того времени получали и получаютъ барыши отъ употребленія прядильной и паровой машины.

Однако, промышленный прогрессъ движется и не исключительно рабочими, занятыми въ производствѣ. Все общество, какъ культурное цѣлое, вырабатываетъ прибавочный продуктъ, который присваиваютъ имущіе классы. Этотъ прибавочный продуктъ создается работой интеллигенціи всевозможныхъ профессій не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ и механическимъ трудомъ непосредственныхъ производителей; художникъ, врачъ, общественный дѣятель такъ же необходимы для хозяйственнаго преуспѣянія страны, какъ и ткачъ, земледѣлецъ или кочегаръ. Творческая работа великихъ ученыхъ и изобрѣтателей непосредственно умножаетъ производительныя силы общества[1]). Но капиталисты еще меньше оплачиваютъ эту творческую работу, чѣмъ механическій трудъ рабочихъ: они пользуются ею, какъ даровымъ благомъ природы, безъ всякихъ затратъ со своей стороны.

Игнорируя зависимость прибыли отъ высоты заработной платы, теорія производительности оказывается столь же односторонней и ложной, какъ и противоположная ей теорія прибавочной цѣнности Маркса, игнорирующая улучшеніе техники производства, какъ чрезвычайно важный источникъ повышенія прибыли. Повышеніе производительности

---

[1]) Ср. Kulischer. „Entwickelungsgeschichte des Kapitalzinses“. „Jahrbücher“ Конрада. III. T. 25.

труда создаетъ тенденцію къ повышенію какъ процента прибыли, такъ и заработной платы. Истинная теорія прибыли должна признать вліяніе на процентъ прибыли обоихъ моментовъ, какъ чисто хозяйственнаго момента (высоты производительности труда), такъ и соціальнаго момента (распредѣленія трудового продукта между различными общественными классами).

Изложенная здѣсь теорія прибыли совпадаетъ въ существенныхъ пунктахъ по своему соціальному содержанію съ теоріей эксплоатаціи Родбертуса и Маркса. Но экономическая основа ея совершенно иная: она совершенно свободна отъ всякой связи съ абсолютной трудовой теоріей цѣнности, являющейся отправнымъ пунктомъ теоріи прибыли обоихъ названныхъ великихъ соціалистовъ. Этимъ самымъ показано, что абсолютная трудовая теорія цѣнности, очевиднѣйшимъ образомъ противорѣчащая фактамъ, совершенно не нужна и въ качествѣ обоснованія теоріи эксплоатаціи. Она можетъ порождать лишь ошибки, какъ это мы видѣли на примѣрѣ теоріи прибавочной цѣнности Маркса, безусловно подлежащей отверженію въ качествѣ теоріи прибыли.

Истинная теорія распредѣленія общественнаго дохода не можетъ быть слѣдствіемъ какой бы то ни было теоріи цѣнности. Это было вполнѣ ясно понято Рикардо, высказавшимъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Макъ-Куллоху слѣдующее важное методологическое положеніе: «въ концѣ концовъ, всѣ великіе вопросы относительно земельной ренты, заработной платы и прибыли должны объясняться пропорціями, въ которыхъ продуктъ распредѣляется между землевладѣльцами, капиталистами и рабочими, и которыя не могутъ быть объяснены никакимъ ученіемъ о цѣнности» [1]).

Увлеченіе многихъ соціалистовъ абсолютной трудовой теоріей цѣнности покоится на чистомъ недоразумѣніи: справедливыя требованія рабочаго класса отнюдь не нуждаются въ обоснованіи ихъ этой теоріей. Какъ теорія цѣнности, она явно несостоятельна и должна уступить мѣсто

[1]) „Letters of David Ricardo to John Ramsay Mac Culloch". 1895. Стр. 72.

теоріи предѣльной полезности; какъ теорія исключительной производительности человѣческаго труда, она должна уступить мѣсто теоріи абсолютной трудовой стоимости, изложенной въ настоящей книгѣ. Эта новая теорія признаетъ, какъ и старая, соціальную эксплоатацію основой всякаго нетрудового дохода; соціалистическая критика капиталистическаго хозяйства оказывается такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія новой теоріи, вполнѣ справедливой.

ОТДѢЛЪ III.

КРУШЕНІЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАГО СТРОЯ.

ГЛАВА IX.

Крушеніе капиталистическаго строя.

I. *Теорія недостаточности рынка для капиталистическаго производства.* Соображенія Маркса и Энгельса. Точка зрѣнія новѣйшихъ марксистовъ и буржуазныхъ экономистовъ. Классификація системъ хозяйства. Антагонистическое и гармоническое хозяйства. Основной парадоксъ капиталистическаго, какъ и всякаго антагонистическаго хозяйства.— II. *Заключеніе.* Крушеніе капиталистическаго строя не есть экономическая необходимость. Противорѣчіе капитализма съ господствующими правовыми воззрѣніями. Необходимость соціалистическаго строя.

Съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, все соціальное развитіе опредѣляется развитіемъ хозяйства. Не сознаніе людей вызываетъ соціальные перевороты, но противорѣчія матеріальной жизни, столкновенія общественныхъ производительныхъ силъ съ производственными отношеніями. Для доказательства неизбѣжности крушенія капиталистическаго строя и его превращенія въ высшую общественную форму требуется, прежде всего, доказать невозможность существованія капиталистическаго способа производства по достиженіи извѣстной ступени хозяйственнаго развитія. Если эта невозможность доказана, то доказана и необходимость превращенія капитализма въ свою противоположность.

Таковъ былъ вполнѣ естественный ходъ мыслей Маркса и Энгельса въ ихъ попыткахъ обосновать неизбѣжность новаго общественнаго строя. Для нихъ было всего важнѣе представить доказательства экономической невозможности дальнѣйшаго продолженія капиталистическаго способа хозяйства. Поэтому неудивительно, что какъ Марксъ и Энгельсъ, такъ и ихъ послѣдователи приложили всѣ усилія, чтобы дать требуемое доказательство. Въ резуль-

татѣ этихъ усилій получилась даже не одна, а двѣ различныхъ теоріи крушенія капитализма, находящіяся между собой въ нѣкоторой связи, но въ то же время имѣющія извѣстные самостоятельные элементы, благодаря чему онѣ не могутъ быть разсматриваемы, какъ одно нераздѣльное цѣлое. Одна изъ этихъ теорій можетъ быть названа теоріей недостаточности рынковъ для капиталистической промышленности, другая же теоріей паденія процента прибыли.

I.

Что касается до первой теоріи, то она была вполнѣ ясно изложена и обоснована уже въ половинѣ 40-хъ годовъ Энгельсомъ—въ одной изъ его рѣчей въ Эльберфельдѣ, напечатанныхъ въ «Rheinische Jahrbücher», а также въ его же статьѣ «Die englische Zehnstundenbill» («Neue Rheinische Revue». 1850).

Въ рѣчи въ Эльберфельдѣ Энгельсъ ставитъ себѣ задачей доказать, что коммунизмъ «является для Германіи если не исторической, то экономической необходимостью». Это положеніе доказывается имъ слѣдующимъ образомъ. Германія должна выбирать между свободой торговли и протекціонизмомъ. Если Германія предпочтетъ первое, то германская промышленность будетъ уничтожена англійской конкуренціей и массовая безработица вызоветъ въ Германіи соціальный переворотъ. Но если Германія пойдетъ другой дорогой и введетъ высокія покровительственныя пошлины, то это должно имѣть своимъ слѣдствіемъ быстрое развитіе германской промышленности. Внутренній рынокъ скоро окажется слишкомъ узкимъ для все возрастающей массы ея продуктовъ и Германія быстро окажется въ необходимости искать для своей промышленности внѣшніе рынки, что, въ свою очередь, должно повести къ борьбѣ не на жизнь, а на смерть между нѣмецкой и англійской промышленностью. «Промышленность неизбѣжно должна прогрессировать, чтобы не оставаться позади и не клониться къ упадку, а для этого она должна завоевать новые рынки, постоянно расширяться путемъ устрой-

ства новыхъ предпріятій. Но такъ какъ, съ тѣхъ поръ какъ Китай доступенъ міровой торговлѣ, нѣтъ новыхъ рынковъ, которые можно было бы завоевать, а нужно увеличивать использованіе старыхъ рынковъ, благодаря чему ростъ промышленности въ будущемъ долженъ быть по необходимости болѣе медленнымъ, то въ будущемъ Англія въ еще меньшей мѣрѣ, чѣмъ теперь, будетъ склонна выносить конкуренцію промышленности другой страны». Такимъ образомъ, борьба между германской и англійской промышленностью можетъ имѣть только одинъ конецъ — разореніе слабѣйшаго конкурента, а, слѣдовательно, и соціальный переворотъ. Но если капитализмъ рухнетъ въ одной странѣ, онъ долженъ рухнуть и во всѣхъ остальныхъ.

Вся эта аргументація кажется Энгельсу совершенно неотразимой. «Съ такой же достовѣрностью,—утверждаетъ онъ,—съ какой мы приходимъ на основаніи извѣстныхъ математическихъ посылокъ къ опредѣленному математическому выводу, мы должны придти къ заключенію, на основаніи существующихъ экономическихъ отношеній и принциповъ политической экономіи, что соціальный переворотъ неизбѣженъ» [1]).

Тѣ же взгляды Энгельсъ развиваетъ и въ своей позднѣйшей статьѣ (1850 г.) въ примѣненіи къ Англіи. Вся аргументація его исходитъ изъ положенія, что «на современной высотѣ своего развитія промышленность несравненно быстрѣе расширяетъ свои производительныя силы, чѣмъ она можетъ расширять свои рынки», почему «англійскіе промышленники, средства производства которыхъ расширяются несравненно быстрѣе, чѣмъ рынки, идутъ быстрыми шагами къ тому моменту, когда ихъ средства помощи будутъ исчерпаны, когда періоды процвѣтанія, раздѣляющіе теперь одинъ кризисъ отъ другого, совершенно исчезнутъ подъ давленіемъ производительныхъ силъ, достигшихъ чрезмѣрнаго развитія, когда кризисы будутъ отдѣлены другъ отъ друга короткими періодами вялой, едва оживляющейся промышленной дѣятельности, когда

[1]) „Gesammelte Schriften von Marx und Engels“. Томъ II. 1902. Стр. 393—399.

промышленность, торговля, все современное общество подверглись бы опасности погибнуть отъ избытка неиспользованныхъ жизненныхъ силъ, съ одной стороны, и отъ полнаго истощенія (населенія)—съ другой, если бы это самое ненормальное положеніе не заключало въ себѣ своего средства исцѣленія и если бы промышленное развитіе не создавало класса, которому естественно должно перейти руководительство обществомъ—пролетаріата. Соціальный переворотъ тогда неизбѣженъ и побѣда пролетаріата несомнѣнна» [1]).

Эта же теорія недостаточности рынка для продуктовъ быстро развивающейся капиталистической промышленности составляетъ и въ другихъ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса теоретическую основу ихъ разсужденій о необходимости капиталистическаго строя, такъ, напр., въ знаменитомъ «Манифестѣ» и въ полемической книгѣ Энгельса противъ Дюринга. Авторы «Манифеста» утверждаютъ, что «общественныя отношенія буржуазнаго общества слишкомъ тѣсны, чтобы вмѣстить все создаваемое ими богатство. Чѣмъ преодолѣваетъ буржуазія кризисы? Съ одной стороны, вынужденнымъ уничтоженіемъ массы производительныхъ силъ; съ другой же стороны, завоеваніемъ новыхъ рынковъ и болѣе глубокимъ использованіемъ старыхъ. Итакъ, чѣмъ же? тѣмъ, что она подготовляетъ болѣе всесторонніе и тяжелые кризисы, и сокращаетъ средства борьбы съ ними. Оружіе, которымъ буржуазія сокрушила феодализмъ, направляется теперь противъ самой буржуазіи» [2]).

Въ своей книгѣ о Дюрингѣ Энгельсъ указываетъ на потребность въ расширеніи капиталистической промышленности, преодолѣвающую всякое сопротивленіе. «Силой же, сопротивляющейся этому расширенію, является потребленіе, потребность въ рынкахъ для продуктовъ крупной промышленности. Способность рынковъ къ расширенію, какъ экстенсивная, такъ и интенсивная, подчиняется совершенно инымъ законамъ, дѣйствующимъ съ несравненно меньшей энергіей. Расширеніе рынковъ не можетъ идти та-

[1]) „Gesammelte Schriften von Marx und Engels". Томъ III. Стр. 389—394.

[2]) „Das Manifest". 5-е изд. 1891. Стр. 14.

кимъ же быстрымъ темпомъ, какъ расширеніе производства. Столкновеніе того и другого становится неизбѣжнымъ, и такъ какъ столкновеніе это не допускаетъ никакого разрѣшенія, пока капиталистическій способъ производства отъ него не рухнетъ, то оно принимаетъ періодическій характеръ»[3]). Ходъ капиталистической промышленности образуетъ собой суживающуюся спираль, долженствующую закончиться хроническимъ перепроизводствомъ и невозможностью дальнѣйшаго развитія капиталистическаго производства, слѣдовательно, его окончательнымъ крушеніемъ.

Въ третьемъ томѣ «Капитала» Марксъ указываетъ, что непосредственнымъ производствомъ заканчивается лишь первый актъ капиталистическаго хозяйственнаго процесса. Остается второй и труднѣйшій актъ—реализація произведеннаго продукта. Законы капиталистическаго производства и реализаціи не только не тождественны, но даже находятся въ противорѣчіи другъ съ другомъ. Капиталистическое производство ограничено производительными силами общества; а реализація «пропорціональностью различныхъ отраслей производства и потребительной силой общества. Эта послѣдняя опредѣляется, въ свою очередь, не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной силой, но потребительной силой на основѣ антагонистическихъ условій распредѣленія, сводящихъ потребленіе широкихъ народныхъ массъ къ минимуму, колеблющемуся въ узкихъ предѣлахъ. Далѣе, эта сила встрѣчаетъ свою преграду въ стремленіи къ накопленію, увеличенію капитала... Возникающее, такимъ образомъ, внутреннее противорѣчіе стремится къ своему разрѣшенію путемъ расширенія внѣшняго поля производства. Но чѣмъ болѣе растутъ производительныя силы, тѣмъ въ большее противорѣчіе онѣ попадаютъ съ узкой основой, на которой покоятся отношенія потребленія».

Въ результатѣ, Марксъ приходитъ къ заключенію, что «истинной границей капиталистическаго производства является самъ капиталъ», а именно то, что «производство есть производство для капитала, а не наоборотъ, не сред-

---

[3]) „Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft". Стр. 296.

ства производства суть средства постояннаго расширенія жизни общества производителей». Эти границы капиталистическаго производства (недостаточность рынковъ для сбыта продуктовъ капиталистическаго производства) находятся въ неустранимомъ противорѣчіи со стремленіемъ капитала къ расширенію. «Средство—неограниченное развитіе общественныхъ производительныхъ силъ—непрерывно вступаетъ въ конфликтъ со своей ограниченной цѣлью, возстановленія капитала» [1]).

Можно слѣдующимъ образомъ резюмировать теорію, лежащую въ основаніи всѣхъ этихъ разсужденій. Размѣръ рынка для капиталистическаго производства опредѣляется размѣромъ общественнаго потребленія. Если масса производимыхъ продуктовъ возрастаетъ быстрѣе потребленія, то часть произведенныхъ продуктовъ остается безъ сбыта и часть капитала безъ помѣщенія. Слѣдуетъ общее перепроизводство товаровъ. Развитіе капиталистическаго производства должно дѣлать это перепроизводство все болѣе устойчивымъ, такъ какъ общественное потребленіе расширяется при капиталистическомъ хозяйствѣ сравнительно медленно, между тѣмъ какъ производство растетъ весьма быстро. Такимъ образомъ долженъ наступить моментъ, когда общее товарное перепроизводство станетъ хроническимъ и капиталистическій хозяйственный строй рухнетъ вслѣдствіе невозможности дальнѣйшей реализаціи продуктовъ капиталистической промышленности.

Эти воззрѣнія господствуютъ среди различныхъ группъ марксистовъ до настоящаго времени. Карлъ Каутскій такъ же непоколебимо убѣжденъ, какъ и его учителя, что капиталистическій хозяйственный строй идетъ вѣрными шагами къ хроническому перепроизводству, которое должно покончить съ капиталистическимъ способомъ производства. «Такое состояніе,—говоритъ Каутскій,—неизбѣжно должно наступить, если только экономическое развитіе сохранитъ свое настоящее направленіе, такъ какъ и внѣшній, и внутренній рынокъ имѣютъ свои границы, между тѣмъ какъ расширеніе производства практически безгранично... Капиталистическій способъ производства станетъ

[1]) „Das Kapital“. Т. III. Стр. 225—232.

невозможнымъ съ того историческаго момента, когда окончательно опредѣлится, что рынокъ не можетъ расширяться тѣмъ же темпомъ, какъ производство, т.-е., когда перепроизводство станетъ хроническимъ». И этотъ моментъ, по мнѣнію Каутскаго, недалекъ. Непзлѣчимое хроническое перепроизводство образуетъ собой «крайнюю границу жизнеспособности современнаго общества» [1]).

Точно также и Куновъ вѣритъ въ неизбѣжность крушенія капитализма вслѣдствіе недостаточности рынка. Для него является лишь вопросомъ, «какъ долго продержится капиталистическій способъ производства въ отдѣльныхъ странахъ и какимъ образомъ совершится въ нихъ крушеніе капитализма... То здѣсь, то тамъ промышленность будетъ принуждена сокращать свой вывозъ, отъ котораго зависитъ все ея существованіе... пока, наконецъ, не наступитъ состояніе, подобное тому, которое уже наблюдается, хотя въ гораздо слабѣйшей степени, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ нашего земледѣлія—хозяйственный упадокъ, отъ котораго есть одно спасеніе—уничтоженіе господствующей системы хозяйства» [2]).

Впрочемъ, нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что Каутскій и Куновъ вѣрны завѣтамъ своего учителя. Интереснѣе, что ревизіонистъ Конрадъ Шмидтъ такъ же твердо вѣритъ, какъ и Каутскій, въ возможность хроническаго перепроизводства вслѣдствіе недостаточной способности капиталистическаго рынка къ расширенію. Въ своей статьѣ по поводу моей нѣмецкой книги о кризисахъ Шмидтъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Если бы было вѣрно мнѣніе Туганъ-Барановскаго, что всякое перепроизводство объясняется только непропорціональнымъ распредѣленіемъ капитала, то было бы непонятно, почему капитализмъ, какъ полагаютъ Марксъ и марксисты, роетъ самъ себѣ яму. Если зло кризисовъ основывается только на отсутствіи пропорціональности въ распредѣленіи производства, то оно вовсе не должно неизбѣжно возрастать по мѣрѣ развитія капитализма, пока не поколеблетъ всей основы существую-

[1]) Kautsky. „Bernstein und das socialdemokratische Programm“. Стр. 142—145.

[2]) Cunow. „Zur Zusammenbruchstheorie“. „Die Neue Zeit.“ XVII. T. I. Стр. 427—428.

щей системы хозяйства. Дѣло приметъ, однако, совсѣмъ другой видъ, если признать, что расширеніе производства само по себѣ, совершенно независимо отъ непропорціональности его, какъ причины кризисовъ, встрѣчаетъ свою границу, хотя и эластичную, въ потребительномъ спросѣ населенія. Съ этой точки зрѣнія можно всего проще и очевиднѣе показать, что капиталистическое развитіе ведетъ съ роковой неизбѣжностью къ общей экономической катастрофѣ. Ибо развѣ капиталисты не борются, съ одной стороны, съ повышеніемъ заработной платы, что должно имѣть тенденцію сводить къ минимуму доходъ, а, слѣдовательно, и потребительный спросъ массы населенія, а, съ другой стороны, развѣ сами капиталисты не увеличиваютъ весьма быстро свой доходъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и накопленіе капитала, ищущаго помѣщенія? Можетъ ли въ этомъ случаѣ ростъ потребленія угнаться за ростомъ накопленія капитала? И если нѣтъ... то не долженъ ли сбытъ товаровъ становиться тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ болѣе основа производства—потребительный спросъ—остается позади накопленія капитала и расширенія производства? Такимъ образомъ, само капиталистическое развитіе имѣетъ тенденцію усиливать перепроизводство... Естественный ходъ развитія капиталистическаго общества есть дорога къ его банкротству, необходимому превращенію въ новый общественный строй» [1]).

Правда, такое направленіе развитія капитализма Шмидтъ признаетъ лишь тенденціей, ограничиваемой другими тенденціями противоположнаго характера. Но, во всякомъ случаѣ, ясно, что Шмидтъ стоитъ по данному пункту на почвѣ той же теоріи рынковъ, какъ и Каутскій. «Ревизіонисты» и «ортодоксы» въ этомъ пунктѣ совершенно солидарны [2]).

---

[1]) Konrad Schmidt. „Zur Theorie der Handelskrisen und der Ueberproduction". Socialistische Monatshefte. 1901. Стр. 675.

[2]) Теорія реализаціи Маркса и Энгельса нашла у насъ выраженіе въ трудахъ, такъ назыв., „народниковъ", особенно гг. Николая—она и В. В. Статья этого послѣдняго въ „Отечественныхъ Записках" за 1883 г. „Излишекъ снабженія рынка товарами" чрезвычайно напоминаетъ по своимъ теоретическимъ построеніямъ цитированную выше рѣчь Энгельса въ Эльберфельдѣ. По странному недоразумѣнію, въ Рос-

Но и буржуазные экономисты признаютъ несомнѣннымъ, что размѣры производства опредѣляются размѣрами потребленія и что производство не можетъ возрастать быстрѣе потребленія. При этомъ школа Рикардо-Сэ не допускаетъ возможности общаго перепроизводства товаровъ, исходя изъ взгляда, что накопленіе капитала не можетъ уменьшить общей суммы народнаго потребленія, ибо, по мнѣнію этой школы, при накопленіи капитала вся сумма помѣщаемаго капитала переходитъ въ распоряженіе рабочихъ, благодаря чему потребленіе послѣднихъ возрастаетъ въ такой же мѣрѣ, въ какой уменьшается потребленіе капиталистовъ. Напротивъ, школа Мальтуса—Сисмонди признаетъ возможность общаго перепроизводства товаровъ отъ чрезмѣрной быстроты накопленія капитала, приводящей къ относительному избытку предложенія товаровъ сравнительно со спросомъ на нихъ. И та, и другая школа считаетъ очевиднымъ, что размѣры общественнаго производства должны находиться въ необходимомъ соотвѣтствіи съ размѣрами общественнаго потребленія, и что капиталистическое производство должно неизбѣжно опираться на народное потребленіе.

Среди новѣйшихъ теоретиковъ, изслѣдовавшихъ условія накопленія капитала, особенно выдѣляется Бэмъ-Баверкъ, ученіе о капиталѣ котораго признается многими истиннымъ шедевромъ тонкости и глубины анализа. И дѣйствительно, Бэмъ-Баверкъ занимаетъ, по силѣ и оригинальности мысли, одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ, среди экономистовъ-теоретиковъ нашего времени. И вотъ, этотъ замѣчательный теоретикъ, въ результатѣ своего тщательнаго анализа условій накопленія капитала, приходитъ къ выводу, что «общая сумма народнаго дохода, въ концѣ концовъ, вполнѣ совпадаетъ съ общей суммой народнаго производства», и сочувственно цитируетъ другого выдающагося теоретика нашего времени, Лексиса, по мнѣнію котораго ежегодная «сумма потребленія», «сумма произ-

сіи приписали мою теорію рынковъ, изъ которой я исхожу и въ настоящей книгѣ, Марксу. На самомъ же дѣлѣ, Марксъ совершенно не повиненъ въ названной теоріи, и „народники“ были совершенно правы, настаивая на этомъ. Въ Германіи марксисты критиковали мою теорію, именно какъ прямую противоположность теоріи Маркса.

водства» и «основная сумма дохода» являются, по своимъ размѣрамъ, почти совпадающими величинами [1]).

Итакъ, можно, повидимому, признать, что положеніе о необходимомъ соотвѣтствіи между капиталистическимъ производствомъ и потребительнымъ спросомъ является общимъ догматомъ вѣры экономистовъ, къ какому бы лагерю они не принадлежали. Разумѣется, очень многіе экономисты не вѣрятъ въ возможность крушенія капиталистическаго строя, но лишь потому, что, по ихъ мнѣнію, капиталистическое развитіе вовсе не сопровождается относительно болѣе быстрымъ ростомъ производства, чѣмъ потребленія. Но если допустить послѣднее, то врядъ ли кто-либо изъ современныхъ экономистовъ рѣшился бы оспаривать, что, въ такомъ случаѣ, дальнѣйшее существованіе капиталистическаго хозяйства должно оказаться, въ концѣ концовъ, экономически невозможнымъ.

Въ виду такой подавляющей массы научнаго авторитета въ пользу извѣстной теоріи, можетъ показаться очень рискованнымъ дѣломъ попытаться доказать ея полную научную несостоятельность. Однако, именно въ этомъ будетъ заключаться задача послѣдующаго изложенія.

Очень легко понять, что именно заставляетъ экономистовъ самыхъ противоположныхъ воззрѣній сходиться въ признаніи оспариваемой мною теоріи.

Вопросъ представляется съ перваго взгляда совершенно яснымъ и безспорнымъ. Хозяйственная дѣятельность не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Общественное производство есть хозяйственная дѣятельность—слѣдовательно, общественное потребленіе должно быть, по необходимости, единственной цѣлью производства. Истинная цѣль производства—потребленіе—можетъ достигаться черезъ много промежуточныхъ ступеней, но все же потребленіе не можетъ не быть цѣлью всякаго производства.

«Не есть ли спросъ для цѣлей производства, — говоритъ Конрадъ Шмидтъ,—по самому существу дѣла, отно-

[1]) Böhm-Bawerk „Positive Theorie des Kapitals". 2-е изд. 1902. Стр. 123.

сительный спросъ, т.-е., такой спросъ, при которомъ капиталистъ, предъявляющій этотъ спросъ, разсчитываетъ на дальнѣйшую продажу товаровъ, производимыхъ при помощи покупаемыхъ имъ средствъ прозводства, между тѣмъ какъ спросъ для цѣлей потребленія есть окончательный, абсолютный спросъ, ведущій къ окончательному уничтоженію товара, а не къ дальнѣйшей его перепродажѣ? Только на основѣ и въ тѣсной связи съ этимъ окончательнымъ спросомъ можетъ развиваться спросъ на средства производства. Спросъ на средства производства есть, прежде всего, спросъ на сырье, вспомогательные матеріалы и машины въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ изготовляются готовые предметы потребленія». Поэтому, не можетъ быть, повидимому, сомнѣнія, въ томъ, что «окончательный или потребительный спросъ есть сила, оживляющая и приводящая въ движеніе всѣ бесчисленныя колеса производства во всѣхъ этажахъ народнаго хозяйства» [1]).

Аргументы Каутскаго кажутся не менѣе убѣдительными. «Производство есть и всегда было производствомъ для человѣческаго потребленія». Правда, раздѣленіе труда ведетъ къ тому, что производство средствъ производства обособляется отъ производства предметовъ потребленія; возникаютъ различныя предпріятія, изготовляющія только инструменты, сырой матеріалъ и т. д., но, несмотря на это, «всѣ они служатъ единственной цѣли изготовленія предметовъ человѣческаго потребленія и всѣ должны остановиться, если эта послѣдняя цѣль не достигается». «Производить,—заключаетъ нашъ авторъ,—значитъ изготовлять предметы человѣческаго потребленія. Этотъ основной фактъ можетъ быть скрытъ раздѣленіемъ труда, но не уничтоженъ или хотя бы ослабленъ въ своемъ значеніи» [2]).

Отсюда слѣдуетъ, что ничего не можетъ быть нелѣпѣе предположенія, будто капиталъ можетъ найти для себя выгодное помѣщеніе при относительномъ, а тѣмъ болѣе абсолютномъ сокращеніи общественнаго потребленія. Вопросъ этотъ не требуетъ никакого спеціальнаго экономиче-

---

[1]) Schmidt. „Zur Theorie der Ueberproduction", Socialistische Monatshefte. 1901. Стр. 673.

[2]) Kautsky. „Krisentheorien." Neue Zeit. 1902. Стр. 117, 118.

скаго изслѣдованія, такъ какъ онъ окончательно рѣшается самимъ логическимъ понятіемъ хозяйства.

Всю эту аргументацію я считаю весьма не убѣдительной. Прежде всего, я долженъ рѣшительно протестовать противъ неправильнаго представленія Шмидта и Каутскаго о хозяйствѣ, какъ о логической, а не исторической категоріи. Всегда нужно съ большой осторожностью говорить о хозяйствѣ вообще, какъ будто бы хозяйство оставалось однимъ и тѣмъ же во всѣхъ своихъ историческихъ проявленіяхъ. Есть хозяйство и хозяйство. Съ интересующей насъ точки зрѣнія слѣдуетъ различать двѣ группы системъ хозяйства. Первую группу, характеристическимъ признакомъ которой является совпаденіе въ одномъ лицѣ субъекта хозяйственнаго предпріятія и рабочаго, я называю *гармоническимъ* хозяйствомъ. Изъ числа хозяйственныхъ системъ этой группы должны быть отмѣчены:

1) семейное производство для собственнаго потребленія производителей;

2) мѣновое хозяйство мелкихъ самостоятельныхъ производителей;

3) соціалистическое хозяйство будущаго, при которомъ руководительство производствомъ будетъ принадлежать самому обществу производителей.

Для всѣхъ этихъ хозяйственныхъ системъ характерно то, что непосредственные производители владѣютъ средствами производства и опредѣляютъ направленіе производства (т.-е., родъ и количество производимыхъ продуктовъ). Я называю хозяйство такого рода гармоническимъ потому, что оно не предполагаетъ съ роковой неизбѣжностью соціальнаго неравенства, антагонизма хозяйственныхъ интересовъ, что, наоборотъ, характеризуетъ хозяйственныя системы второй группы.

Хозяйства этого послѣдняго типа я называю *антагонистическими*. Ихъ существенный признакъ заключается въ томъ, что въ нихъ личности субъекта хозяйственнаго предпріятія и рабочаго не совмѣщаются въ одномъ лицѣ. Рабочій включенъ въ хозяйственныхъ системахъ этого типа въ чуждое ему хозяйственное предпріятіе, субъектомъ котораго является иное лицо, не принимающее непосредственнаго участія въ производительномъ трудѣ; средства

производства принадлежатъ въ этомъ случаѣ не рабочему, а главѣ хозяйственнаго предпріятія, на которомъ лежитъ руководительство производствомъ и установленіе его направленія. Эта хозяйственная группа распадается на:

1) рабское,
2) крѣпостное и
3) капиталистическое хозяйство.

Я называю эти хозяйства антагонистическими потому, что антагонизмъ интересовъ коренится въ самомъ ихъ существѣ. Всѣ они предполагаютъ наличность по крайней мѣрѣ двухъ общественныхъ группъ, изъ которыхъ одна обладаетъ силой и властью сдѣлать изъ другой простое орудіе хозяйства. Но такъ какъ эта послѣдняя группа, функціонирующая какъ средство производства, остается для себя цѣлью, то на этой почвѣ возникаетъ неизбѣжный антагонизмъ интересовъ обѣихъ группъ. Соціальное неравенство является существеннымъ признакомъ хозяйствъ этого типа.

Совершенно очевидно, что при гармоническомъ хозяйствѣ хозяйственная дѣятельность не можетъ имѣть иной цѣли, кромѣ удовлетворенія потребностей общества. Иное слѣдуетъ сказать объ антагонистическомъ хозяйствѣ. Въ хозяйственномъ процессѣ принимаютъ участіе въ этомъ случаѣ лица двухъ категорій, хозяйственная роль которыхъ весьма различна. Лица первой категоріи суть субъекты хозяйственнаго предпріятія и опредѣляютъ объективное направленіе хозяйственнаго процесса. Лица эти—рабовладѣльцы, помѣщики, капиталисты—находятся, очевидно, въ такомъ же положеніи, какъ всѣ члены общества въ хозяйствахъ гармоническаго типа. Но въ антагонистическомъ хозяйствѣ участвуютъ своимъ трудомъ и рабочіе, функціонирующіе въ роли простыхъ средствъ производства. Они входятъ въ составъ хозяйственнаго механизма, служащаго не ихъ цѣлямъ, но цѣлямъ другихъ людей. Коротко говоря, рабочіе не субъектъ, но объектъ антагонистическаго хозяйства, на ряду съ рабочимъ скотомъ, орудіями труда и сырымъ матеріаломъ.

Все это несомнѣнно вѣрно относительно, напр., рабовъ. Если рабъ самъ для себя и остается цѣлью, то это не

оказываетъ никакого вліянія на объективное направленіе рабовладѣльческаго хозяйства, такъ какъ не рабъ, а рабовладѣлецъ опредѣляетъ это направленіе. Для рабовладѣльца, — а, слѣдовательно и, объективно, для рабовладѣльческаго хозяйства—потребленіе рабовъ ничѣмъ не отличается, по своему хозяйственному характеру, отъ, такъ называемаго, производительнаго потребленія—отъ расходованія средствъ производства въ процессѣ производства. Рабовладѣльческое хозяйство лишь постольку нуждается въ томъ, чтобы рабы ѣли, пили и пр., поскольку это необходимо для выполненія рабами возложенныхъ на нихъ работъ.

Рабовладѣлецъ принужденъ кормить своихъ рабовъ и благоразумный рабовладѣлецъ будетъ ихъ хорошо кормить, но лишь потому, что хорошее питаніе увеличиваетъ работоспособность человѣка, какъ и лошади или вола.

Раба можно замѣнить другими средствами производства, безъ всякаго ущерба для конечныхъ цѣлей рабовладѣльческаго хозяйства. «Староперуанскій плугъ былъ простымъ бревномъ, съ поперечнымъ отрѣзкомъ дерева на заднемъ концѣ, и это бревно тащило по полю отъ 6 до 8 человѣкъ» [1]). Нашъ воображаемый рабовладѣлецъ можетъ придти къ заключенію, что лошади могутъ съ большимъ успѣхомъ исполнять эту работу и замѣнить часть своихъ рабовъ лошадьми. Часть его полей будетъ засѣваться овсомъ для корма лошадей, вмѣсто того, чтобы засѣваться рожью для пропитанія рабовъ. Данное хозяйство будетъ поддерживать жизнь меньшаго числа людей, но большаго числа лошадей. Рабовладѣлецъ станетъ отъ этого не бѣднѣе, но богаче, такъ какъ обработка его полей будетъ идти успѣшнѣе и прибавочный продуктъ, поступающій въ его личное потребленіе, будетъ больше по количеству. Такимъ образомъ, увеличеніе потребленія со стороны субъекта хозяйства будетъ сопровождаться уменьшеніемъ потребленія со стороны людей, играющихъ роль средства производства. Это послѣднее уменьшеніе можетъ быть такъ значительно, что общая сумма общественнаго потребленія въ данномъ хозяйствѣ (т.-е., сумма потребленія рабовладѣльца и рабовъ) станетъ меньше. Хозяйство будетъ такъ же успѣшно

[1]) Lippert. „Die Kulturgeschichte“. 1885. T. I. Стр. 52.

или даже успѣшнѣе достигать своей объективной цѣли— удовлетворенія потребностей своего субъекта, рабовладѣльца—при помощи другихъ средствъ производства, чѣмъ рабы. Количество производимаго продукта возрастетъ, та часть его, которая соотвѣтствуетъ капиталу при капиталистическомъ производствѣ, будетъ израсходована и потреблена безъ остатка (но другимъ способомъ—частью лошадьми, между тѣмъ какъ раньше людьми), количество прибавочнаго продукта также возрастетъ. Только общественное потребленіе сократиться, безъ взякаго нарушенія равновѣсія производства и потребленія въ рабовладѣльческомъ хозяйствѣ.

Переходимъ теперь къ капиталистическому хозяйству. Каутскій не возражаетъ противъ моихъ схемъ накопленія капитала, приведенныхъ въ моей книгѣ объ англійскихъ кризисахъ. Но, по мнѣнію моего критика, схемы эти доказываютъ совсѣмъ не то, что я вывожу изъ нихъ. «Схемы Тугана,—утверждаетъ Каутскій,—указываютъ на существованіе лишь одного случая, въ которомъ сокращеніе потребленія не вызываетъ кризиса: при переходѣ отъ простого къ расширенному воспроизводству капитала. Этотъ единственный случай Туганъ признаетъ типомъ капиталистической дѣйствительности; однако, на самомъ дѣлѣ, этотъ случай почти никогда не наступаетъ» [1]).

По моему же мнѣнію, то, что Каутскій называетъ единственнымъ и почти никогда не наступающимъ случаемъ, составляетъ имманентный законъ капиталистическаго развитія. Я разсмотрю въ нижеслѣдующемъ изложеніи тотъ случай накопленія капитала, который можетъ казаться наименѣе благопріятнымъ для моей теоріи—случай накопленія капитала при постоянномъ и значительномъ паденіи заработной платы и при неподвижности потребленія капиталистическаго класса. Въ нижеслѣдующей схемѣ я принимаю, что заработная плата понижается каждый годъ по своей цѣнности на 25%, а цѣнность потребленія капиталистическаго класса, несмотря на увеличеніе общей суммы прибыли капиталистовъ, остается неизмѣнной. Согласно моему предположенію, $^1/_4$ общей суммы прибыли перваго года накопляется капиталистами (т.-е., употребляется на

[1]) „Krisentheorien". „Neue Zeit". 1901. Стр. 116.

расширеніе производства), а остальныя $^3/_4$ потребляется самими капиталистами; въ слѣдующихъ годахъ потребленіе капиталистовъ не испытываетъ перемѣны — слѣдовательно, накопляется все большая и большая доля прибыли.

Воспроизводство общественнаго капитала въ возрастающихъ размѣрахъ при пониженіи заработной платы и неподвижности потребленія капиталистовъ [1]).

Первый годъ.

I. Производство средствъ производства.

1.632 с.+544 р.+544 п.=2.720.

II. Производство предметовъ потребленія рабочаго класса.

408 с.+136 р.+136 п.=680.

III. Производство предметовъ потребленія капиталистическаго класса.

360 с.+120 р.+120 п.=600.

Второй годъ.

I. Производство средствъ производства.

1.987,4 с.+498,8 р.+828,1 п.=3.312,3.

II. Производство предметовъ потребленія рабочаго класса.

372,6 с.+93,2 р.+155,2 п.=621.

III. Производства предметовъ потребленія капиталистическаго класса.

360 с.+90 р.+150 п.=600.

---

[1]) Для перваго года я предположилъ, что во всѣхъ отдѣлахъ общественнаго производства средства производства (c) въ три раза больше по своей цѣнности заработной платы (p), а прибыль (π) равна по своей цѣнности заработной платѣ. Всѣ эти отношенія измѣняются во второмъ году по той причинѣ, что, согласно предположенію, заработная плата понижается на 25%, а прибыль соотвѣтственно возрастаетъ. Поэтому заработная плата во второмъ году въ III отдѣлѣ производства, не измѣняющемся по своей общей цѣнности, составляетъ не 120 (какъ въ первомъ году), а только 90 (слѣдовательно, понизилась на 25%); напротивъ, прибыль въ этомъ же отдѣлѣ соотвѣтственно возрасла и достигаетъ во второмъ году 150. Цѣнность средствъ производства не испытала въ этомъ отдѣлѣ перемѣны. Въ третьемъ году заработная плата опять падаетъ на 25%—въ III отдѣлѣ общественнаго производства на 22,5 единицъ цѣнности, прибыль соотвѣтственно возрастаетъ, а цѣнность средствъ производства остается (въ томъ же отдѣлѣ) прежней.

Третій годъ.

I. Производство средствъ производства.
2.585,4 с.+484,6 р.+1.239 п.=4.309.

II. Производство предметовъ потребленія рабочаго класса.
366,9 с.+68,9 р.+175,5 п.=611,3.

III. Производство предметовъ потребленія капиталистическаго класса.
360 с.+67,5 р.+172,5 п.=600.

Эта схема показываетъ, какимъ образомъ должно быть распредѣлено общественное производство, чтобы, несмотря на сокращеніе общественнаго потребленія и быстрое расширеніе общественнаго производства, не образовывалось никакого избыточнаго продукта, не находящаго себѣ помѣщенія на рынкѣ. Общая сумма прибыли перваго года равна 800 милл. р. (544+136+120). 25% этой прибыли, согласно предположенію, капитализируется. Поэтому для собственнаго потребленія капиталистовъ остается для втораго года только 600 милл. р. Такой же суммой выражается потребленіе капиталистовъ и въ послѣдующихъ годахъ.

Въ концѣ перваго года средствъ производства произведено на сумму 2.720 милл. р. Всѣ эти средства производства поглощаются расширеннымъ производствомъ второго года, такъ какъ оно требуетъ средствъ производства на сумму (1.987,5+372,6+360)=2.720 милліоновъ рублей. Предметовъ потребленія рабочихъ изготовлено въ первомъ году на сумму 680 м. р.; такъ же велика сумма заработной платы (слѣдовательно, спросъ со стороны рабочихъ на предметы потребленія) во второмъ году (496,8+ +93,2+90). Предметы потребленія капиталистическаго класса, изготовленные въ первомъ году на сумму 600 м. р., потребляются безъ остатка въ второмъ году. Слѣдовательно, весь общественный продуктъ перваго года расходуется безъ остатка общественнымъ производствомъ и потребленіемъ второго года.

Общая сумма заработной платы въ первомъ году равнялась 544 + 136 + 120 = 800 мил. р., во второмъ году—680 м. р. Слѣдовательно, потребленіе рабочихъ понизилось на 120 м. р. или на 15%, потребленіе же ка-

питалистовъ, согласно предположенію, не испытало перемѣны. Весь общественный продуктъ перваго года равенъ по своей цѣнности (2.720 + 680 + 600) = 4.000 мил. р., второго года — (3.312,3 + 621 + 600) = 4.533,3 м. р. Цѣнность общественнаго продукта повысилась на 13%.

Расширеніе общественнаго производства сопровождается, слѣдовательно, *сокращеніемъ* общественнаго потребленія—и, несмотря на это, предложеніе и спросъ продуктовъ остаются въ совершенномъ равновѣсіи [1]). Въ третьемъ году общая сумма заработной платы понижается до 484,6 + + 68,9 + 67,5 = 621 м. р., въ четвертомъ году — до 611,3 м. р., между тѣмъ какъ цѣнность потребленія капиталистовъ не испытываетъ перемѣны, а цѣнность всего общественнаго продукта возрастаетъ все быстрѣе и быстрѣе. Постоянное сокращеніе общественнаго потребленія при постоянномъ расширеніи общественнаго производства не въ силахъ вызвать хотя бы малѣйшаго разстройства въ про-

---

[1]) Можетъ показаться, что это равновѣсіе въ моей схемѣ не достигнуто. Такъ, въ первомъ году произведено продуктовъ на 2.720 м. р. Для I отдѣла общественнаго производства требуется во второмъ году средствъ производства на сумму 1.987,4 м. р. Такимъ образомъ, для обмѣна съ продуктами 2 послѣднихъ отдѣловъ остается средствъ производства на сумму 2.720—1.987,4 = 732,6 м. р. Въ то же время, капиталистами и рабочими I отдѣла предъявляется запросъ на продукты 2 послѣднихъ отдѣловъ въ размѣрѣ 904,8 м. р. (на 496,8 м. р. спрашивается предметовъ потребленія рабочихъ и на 408 м. р.—предметовъ потребленія капиталистовъ, такъ какъ, согласно предположенію, капиталисты сами потребляютъ 3/4 своей прибыли перваго года, достигающей 544 м. р.). Такимъ образомъ, капиталисты и рабочіе I отдѣла покупаютъ на 172,2 м. р. болѣе, чѣмъ продаютъ (904,8—732,6 = 172,2). Какимъ образомъ покрывается этотъ дефицитъ въ 172,2 м. р.?

Трудность эта только кажущаяся. Сокращеніе заработной платы и неподвижность потребленія капиталистическаго класса ведутъ къ тому, что капиталъ, помѣщенный въ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ, сокращается и переходитъ въ I отдѣлъ, который испытываетъ значительное расширеніе. Такъ, капиталъ II отдѣла во второмъ году на 78,2 м. р. менѣе капитала того же отдѣла перваго года, капиталъ III отдѣла меньше на 30 м. р.; кромѣ того, капиталисты II отдѣла вкладываютъ въ I отдѣлъ свою капитализированную прибыль въ размѣрѣ 34 м. р., капиталисты III отдѣла — прибыль въ размѣрѣ 30 м. р. Сумма 78,2 + 30 + 34 + 30 равна 172,2 м. р.: кажущійся дефицитъ I отдѣла покрывается, слѣдовательно, капиталами, притекающими къ этому отдѣлу изъ двухъ другихъ отдѣловъ.

цессѣ реализаціи продуктовъ капиталистическаго производства.

Такимъ образомъ, не взирая на предположенное мною огромное пониженіе заработной платы, никогда не наблюдавшееся въ дѣйствительности, не взирая на абсолютное сокращеніе общественнаго потребленія, не возникаетъ никакихъ трудностей для реализаціи общественнаго продукта. Расширеніе производства, производительное потребленіе средствъ производства, замѣняетъ собой человѣческое потребленіе и все идетъ такъ гладко, какъ будто бы не хозяйство было средствомъ удовлетворенія потребностей человѣка, а человѣкъ былъ средствомъ удовлетворенія потребностей хозяйства.

Это и есть основной парадоксъ капиталистическаго (и вообще всякаго антагонистическаго) хозяйства: такъ какъ въ этомъ хозяйственномъ строѣ субъектомъ хозяйственнаго предпріятія является лишь часть общества, а остальная и большая часть является хозяйственнымъ объектомъ, то становится возможнымъ такое направленіе хозяйственнаго процесса, при которомъ хозяйство изъ средства удовлетворенія общественныхъ потребностей становится средствомъ простого расширенія производства, въ ущербъ народному потребленію, иными словами, хозяйство перестаетъ достигать своихъ естественныхъ цѣлей. Это не выдуманный мною «смѣлый парадоксъ», какъ его называетъ Каутскій, а естественный законъ, заложенный въ самомъ существѣ капиталистической системы хозяйства.

Такимъ образомъ, капиталистическое хозяйство не подвергается опасности крушенія даже при огромномъ абсолютномъ сокращеніи народнаго потребленія. Неизбѣжность крушенія капиталистическаго способа производства вслѣдствіе недостаточности рынка—этотъ символъ вѣры не только «ортодоксовъ», но, повидимому, и нѣкоторыхъ «ревизіонистовъ»—оказывается чистѣйшей фантазіей. Капиталистическая оболочка современнаго общества не рискуетъ лопнуть даже при такихъ условіяхъ, которыя, повидимому, противорѣчатъ всѣмъ естественнымъ задачамъ хозяйства.

Чтобы доказать несостоятельность ученія Маркса, я избралъ для своего анализа тотъ случай, который, повидимому, наиболѣе благопріятенъ для тезиса, доказываемаго

авторомъ «Капитала». Но я отнюдь не думаю, чтобы сдѣланное мною предположеніе—пониженія заработной платы—сколько-нибудь соотвѣтствовало капиталистической дѣйствительности. Я думаю, наоборотъ, что новѣйшая фаза капиталистическаго развитія характеризуется значительнымъ повышеніемъ реальной заработной платы. Поэтому, можетъ казаться, что хотя мой анализъ и доказалъ неосновательность ученія Маркса, онъ очень мало содѣйствовалъ пониманію дѣйствительныхъ законовъ капиталистическаго хозяйства.

Однако, это не такъ. Относительное сокращеніе общественнаго потребленія, несмотря на абсолютное повышеніе заработной платы, является, напротивъ, основнымъ закономъ капиталистическаго развитія. До сихъ поръ я отвлекался отъ самаго существеннаго момента капиталистическаго накопленія, какъ оно совершается въ дѣйствительности—отъ относительнаго замѣщенія живого труда средствами производства. Техническій прогрессъ въ томъ именно и заключается, что машины, орудія труда и иныя средства производства замѣщаютъ въ процессѣ производства человѣческій трудъ. Правда, абсолютное число рабочихъ, занятыхъ общественнымъ производствомъ, возрастаетъ, но въ еще сильнѣйшей степени возрастаетъ масса и цѣнность средствъ производства, приводимыхъ въ движеніе рабочими. Строеніе общественнаго капитала—выражаясь терминами Маркса—становится все болѣе высокимъ. Иными словами, все меньшая доля общественнаго продукта переходитъ въ народное потребленіе. Производство продуктовъ, не могущихъ быть потребленными человѣкомъ—угля, желѣза, машинъ и пр.—увеличивается гораздо быстрѣе, чѣмъ производство предметовъ потребленія человѣка—пищи, одежды и пр. Происходитъ, слѣдовательно, относительное сокращеніе общественнаго потребленія—оно падаетъ сравнительно съ цѣнностью общей суммы средствъ производства (хотя абсолютно оно и возрастаетъ).

Правда, и при гармоническомъ хозяйствѣ техническій прогрессъ будетъ выражаться относительнымъ увеличеніемъ роли средствъ производства. Но разница заключается въ томъ, что при гармоническомъ хозяйствѣ машина никогда не можетъ стать конкурентомъ рабочаго—потребленіе же-

лѣза, угля, смазочнаго масла никогда не можетъ идти на счетъ потребленія хлѣба, мяса, молока и пр.

При капиталистическомъ хозяйствѣ капиталистическій классъ превращаетъ въ средства производства значительно большую долю общественнаго продукта, чѣмъ это было бы возможно при гармоническомъ хозяйствѣ. Въ ассоціаціи производителей цѣлью производства было бы возможно полное удовлетвореніе общественныхъ потребностей, почему совершенно исключалось бы такое положеніе дѣла, при которомъ расширеніе производства не сопровождалось бы расширеніемъ общественнаго потребленія. Въ капиталистическомъ же хозяйствѣ техническій прогрессъ имѣетъ тенденцію замѣщать человѣческое потребленіе потребленіемъ средствъ производства въ ущербъ общественному потребленію.

Не вызоветъ ли, однако, это относительное замѣщеніе человѣческаго потребленія производительнымъ потребленіемъ средствъ производства образованія избыточнаго продукта, не находящаго себѣ помѣщенія на рынкѣ? Я лучшаго мнѣнія о своихъ читателяхъ, и не думаю, чтобы послѣ всего сказаннаго могли возникать вопросы такого рода. Совершенно очевидно, что ничего не стоитъ построить новую схему по образцу вышеприведенной и наглядно показать, что самое широкое замѣщеніе рабочихъ машинами не въ силахъ, само по себѣ, сдѣлать какую-либо машину излишней и безполезной. Пусть всѣ рабочіе вплоть до одного будутъ замѣщены машинами; въ такомъ случаѣ, этотъ единственный рабочій будетъ приводить въ движеніе всю колоссальную массу машинъ и съ ихъ помощью производить новыя машины и предметы потребленія капиталистическаго класса. Рабочій классъ исчезнетъ, но это нисколько не затруднитъ реализаціи продуктовъ капиталистической промышленности. Капиталисты будутъ получать въ свое распоряженіе большую массу предметовъ потребленія и весь общественный продуктъ одного года будетъ поглощаться производствомъ и потребленіемъ капиталистовъ слѣдующаго года. Если же капиталисты, въ своей страсти къ накопленію, пожелаютъ сократить и свое собственное потребленіе, то и это вполнѣ осуществимо; въ этомъ случаѣ сократится производство предметовъ потребленія капита-

листовъ и еще большая часть общественнаго продукта будетъ состоять изъ средствъ производства, предназначенныхъ для дальнѣйшаго расширенія производства. Будетъ производиться, напр., уголь и желѣзо, которые будутъ идти на дальнѣйшее расширеніе производства угля и желѣза. Расширенное производство угля и желѣза за каждый послѣдующій годъ будетъ поглощать уголь и желѣзо, произведенные въ предыдущемъ году, и такъ до безконечности, пока не будутъ исчерпаны естественные запасы соотвѣтствующихъ минераловъ.

Все это можетъ звучать очень странно—можетъ даже показаться величайшей нелѣпостью. Быть можетъ—истина не всегда легко доступна пониманію; все же она остается истиной. Само собой разумѣется, что я называю истиной не совершенно произвольное и отнюдь не соотвѣтствующее дѣйствительности предположеніе, будто замѣщеніе ручного труда машиннымъ ведетъ къ абсолютному сокращенію числа рабочихъ (предположеніе это понадобилось мнѣ лишь для доказательства того, что моя теорія сохраняетъ всю свою силу даже въ своихъ самыхъ крайнихъ выводахъ), но положеніе, что, при пропорціональномъ распредѣленіи общественнаго производства, никакое сокращеніе общественнаго потребленія не можетъ повести къ образованію избыточнаго продукта [1]). Основнымъ же закономъ капиталистическаго развитія я считаю постоянное сокращеніе доли народнаго потребленія въ общественномъ продуктѣ, что, вопреки Марксу, не создаетъ никакихъ новыхъ трудностей для процесса реализаціи продуктовъ капиталистическаго производства. Относительное сокращеніе спроса на предметы потребленія не препятствуетъ таковой реализаціи и потому не можетъ, само по себѣ, вызвать крушенія капиталистическаго хозяйственнаго строя.

Изложенная теорія капиталистической реализаціи вполнѣ совпадаетъ съ результатами статистическаго изслѣдованія Вернера Зомбарта относительно значенія для капиталистической промышленности внутренняго рынка. Не только марксисты, но и многіе другіе экономисты твердо убѣж-

[1]) Другой вопросъ, достижима ли и въ какой мѣрѣ достижима для капитализма эта пропорціональность общественнаго производства. На этотъ вопросъ я попытался дать отвѣтъ въ своей книгѣ о кризисахъ.

дены, что капиталистическая промышленность все болѣе и болѣе нуждается, по мѣрѣ своего роста, во внѣшнихъ рынкахъ. Внутренній рынокъ, по этому мнѣнію, не въ силахъ поглотить все возрастающую массу продуктовъ капиталистическаго производства. Зомбартъ, однако, доказалъ, что все это совершенно невѣрно относительно такой несомнѣнно капиталистической страны, какъ Германія. Все меньшая доля продуктовъ чрезвычайно быстро растущей германской промышленности вывозится на внѣшній рынокъ, и все большая доля находитъ себѣ выгодное помѣщеніе внутри страны. Особенно поучительно при этомъ то, что различныя отрасли промышленности развиваются въ этомъ отношеніи весьма различно. Такъ, избытокъ вывоза желѣзныхъ фабрикатовъ понизился, несмотря на колоссальный ростъ желѣзодѣлательнаго производства въ Германіи, за время 1880—1900 гг. съ 29,3% всего производства желѣза въ Германіи, до 7,8%; избытокъ вывоза каменнаго угля—съ 11% до 7,3%. Гораздо меньше понизилась доля вывоза продуктовъ хлопчатобумажной, шерстяной и другихъ отраслей текстильной промышленности [1]). Такимъ образомъ, внутренній рынокъ Германіи расширяется очень быстро для угля и желѣза, но гораздо медленнѣе для предметовъ одежды. Почему? Потому, что развитіе капитализма создаетъ усиленный спросъ на средства производства, а не на предметы потребленія.

Впрочемъ, общеизвѣстный фактъ, что новѣйшее капиталистическое развитіе характеризуется чрезвычайно быстрымъ расширеніемъ такихъ отраслей производства, какъ горная промышленность, химическое производство, изготовленіе машинъ и прочихъ продуктовъ, не входящихъ въ составъ человѣческаго потребленія, между тѣмъ какъ земледѣліе, текстильная промышленность и другія отрасли производства, непосредственно работающія для человѣческаго потребленія, находятся въ относительномъ застоѣ. Прежде хлопчатобумажное производство было господствующей отраслью капиталистической промышленности, теперь эту роль играетъ желѣзодѣлательное производство.

---

[1]) Sombart. „Die deutsche Volkswirtschaft Im 19 Jahrhundert". 1903. Стр. 430—431.

На это указываетъ, между прочимъ, и Каутскій въ своей книгѣ о Бернштейнѣ. Но Каутскій не понимаетъ причины чрезвычайнаго расширенія желѣзодѣлательнаго производства и думаетъ, что недалеко то время, когда желѣзодѣлательное производство придетъ въ положеніе хлопчатобумажнаго, которое въ новѣйшее время почти не расширяется—и тогда наступитъ конецъ капиталистическому хозяйству. Изложенныя здѣсь соображенія доказываютъ, что желѣзодѣлательной промышленности хроническое перепроизводство нисколько не угрожаетъ и что съ дальнѣйшимъ развитіемъ капиталистическаго хозяйства первенство желѣзодѣлательной промышленности должно укрѣпляться все болѣе и болѣе.

Конрадъ Шмидтъ различаетъ два рода спроса—абсолютный и относительный спросъ. Противъ этого нечего возразить. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что спросъ капиталиста на предметы его потребленія имѣетъ иной экономическій характеръ, чѣмъ спросъ того же капиталиста на уголь для его паровой машины. Различіе спроса того и другого рода заключается въ томъ, что непроизводительное потребленіе капиталиста есть простое уничтоженіе цѣнности и составляетъ собой послѣднюю, заключительную, ступень процесса обращенія капитала, между тѣмъ какъ потребленіе угля въ паровой машинѣ не уничтожаетъ цѣнности угля и представляетъ собой промежуточную ступень въ этомъ процессѣ. Поэтому спросъ перваго рода можно признать окончательнымъ, абсолютнымъ спросомъ, такъ какъ онъ образуетъ собой конечную объективную цѣль всего процесса, а спросъ второго рода есть относительный спросъ, такъ какъ онъ играетъ роль простого средства въ названномъ процессѣ.

Къ какому же роду спроса слѣдуетъ отнести спросъ наемнаго рабочаго на предметы его потребленія? По мнѣнію Шмидта, это абсолютный спросъ. Однако, очевидно, что потребленіе рабочаго столь же мало заканчиваетъ процессъ обращенія капитала, какъ и сгораніе угля въ печи паровой машины. Правда, пища съѣдается рабочимъ, но, вѣдь, и уголь сгораетъ въ печи машины. Если же мы признали спросъ на уголь относительнымъ спросомъ, то такимъ же относительнымъ спросомъ слѣдуетъ признать и спросъ ра-

бочаго на предметы его потребленія, такъ какъ потребленіе рабочаго есть не цѣль, а средство обращенія капитала.

Спросъ рабочаго на предметы его потребленія имѣетъ внѣшнюю видимость абсолютнаго спроса благодаря тому, что рабочій за свой счетъ покупаетъ нужныя ему вещи, между тѣмъ какъ средства производства покупаются самимъ капиталистомъ; однако, съ точки зрѣнія обращенія капитала, совершенно безразлично, кто именно, рабочій или капиталистъ, является покупателемъ на рынкѣ. Деньги, расходуемыя рабочимъ, получаются имъ, во всякомъ случаѣ, отъ капиталиста. При натуральной формѣ заработной платы исчезаетъ и эта внѣшняя видимость и рабочій точно также содержится на средства капиталиста, какъ и рабочій скотъ. Поистинѣ непонятно, почему ржаную муку, которую рабочій получаетъ отъ помѣщика, слѣдуетъ считать предметомъ абсолютнаго спроса, а овесъ, получаемый лошадью того же помѣщика, предметомъ относительнаго спроса.

Каутскій утверждаетъ, что «производить—это значитъ изготовлять предметы человѣческаго потребленія». Въ извѣстномъ смыслѣ это, конечно, вѣрно. Вопросъ только въ томъ, каждый ли человѣкъ, въ каждой ли системѣ хозяйства, фигурируетъ какъ человѣкъ, т.-е., какъ конечная цѣль хозяйства. Я указалъ выше, что это вѣрно только относительно того хозяйственнаго строя, который я называю гармоническимъ, между тѣмъ какъ въ антагонистическомъ хозяйствѣ большая часть людей не составляютъ цѣли хозяйства. Въ соціалистическомъ хозяйствѣ было бы невозможно, чтобы развитіе общественнаго хозяйства вело не къ увеличенію, а къ уменьшенію массы предметовъ человѣческаго потребленія. Но все это возможно—и даже, при извѣстныхъ условіяхъ, необходимо—въ капиталистическомъ хозяйствѣ, благодаря тому, что субъектомъ этого хозяйства является не человѣкъ вообще, но лишь человѣкъ, обладающій капиталомъ, между тѣмъ какъ рабочій, лишенный капитала, образуетъ собой простое средство, орудіе этого хозяйства, одну изъ формъ общественнаго капитала (перемѣнный капиталъ, по терминологіи Маркса).

Марксъ упрекалъ буржуазныхъ экономистовъ въ томъ, что они разсматриваютъ капиталистическое хозяйство какъ

хозяйство вообще. Однако, онъ самъ впалъ какъ разъ въ ту же ошибку. Хозяйство вообще, гармоническое хозяйство, не можетъ имѣть иной цѣли, кромѣ удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Но капиталистическое хозяйство идетъ, до извѣстной степени, въ разрѣзъ съ этой цѣлью. Марксъ это замѣтилъ и вывелъ отсюда заключеніе, что въ капиталистической системѣ хозяйства скрыто неразрѣшимое внутреннее хозяйственное противорѣчіе—противорѣчіе съ законами капиталистической реализаціи,—которое должно сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее существованіе этой системы хозяйства, по достиженіи ею извѣстной ступени развитія. Это экономическое противорѣчіе капитализма Марксъ, нашелъ, однако, лишь потому, что онъ приписалъ капиталистической хозяйственной системѣ, принадлежащей къ группѣ антагонистическихъ хозяйствъ, цѣли гармоническаго хозяйства, которое обыкновенно разсматривается какъ хозяйство вообще. Но если антагонистическій характеръ капиталистическаго хозяйства понятъ во всемъ его объемѣ, то для открытаго Марксомъ противорѣчія не остается мѣста, такъ какъ капиталистическое производство, приводя къ увеличенію не общественнаго потребленія, а общественнаго капитала (что сопровождается относительнымъ сокращеніемъ общественнаго потребленія), не вступаетъ ни въ какое противорѣчіе со своимъ принципомъ и не наталкивается ни на какія трудности при реализаціи своихъ продуктовъ.

II.

Что касается до второго варіанта теоріи крушенія капитализма (закона паденія процента прибыли), то я уже доказалъ въ главѣ VII его несостоятельность. Такимъ образомъ, вся теорія должна быть безусловно отвергнута. Капиталистическое хозяйство не заключаетъ въ себѣ моментовъ, которые могли бы сдѣлать его дальнѣйшее существованіе экономически невозможнымъ. Въ 40-хъ годахъ закончившагося столѣтія Энгельсъ думалъ, что, благодаря недостатку новыхъ рынковъ, границы капиталистическаго развитія почти достигнуты и что капиталистическое раз-

витіе должно пойти въ будущемъ болѣе медленнымъ темпомъ. Теперь мы знаемъ, какъ неудачно было это предсказаніе. Капиталистическое производство съ тѣхъ поръ чрезвычайно расширилось—что, однако, не вызвало никакихъ новыхъ трудностей въ дѣлѣ реализаціи продуктовъ капиталистической промышленности. Сама капиталистическая промышленность создала рынокъ для колоссально возросшей массы ея продуктовъ.

Несмотря на это, мы слышимъ вновь увѣренія, исходящія отъ самаго выдающагося теоретика марксизма въ наше время, что границы развитія капиталистической промышленности почти достигнуты и что реализація продуктовъ послѣдней скоро станетъ невозможной. Можно ли сомнѣваться, что предсказаніе Каутскаго окажется не удачнѣе пророчества Энгельса? Истинная экономическая теорія можетъ предсказать только одно, но зато съ полной достовѣрностью: что капиталистическое хозяйство никогда не рухнетъ отъ недостатка рынковъ.

Это не значитъ, что капиталистическій способъ производства можетъ разсчитывать на неограниченное время существованія. Я вполнѣ признаю, что гармоническое хозяйство, основанное на свободной кооперації непосредственныхъ производителей, владѣющихъ средствами производства,—соціализмъ—должно неминуемо смѣнить антагонистическое хозяйство, основанное на порабощеніи человѣка человѣкомъ. Конечно, я не допускаю возможности наступленія такого экономическаго положенія, при которомъ капиталистическая организація хозяйства стала бы экономически невозможной и изъ капиталистическаго пепла возродился бы, какъ фениксъ, новый общественный строй. Но я думаю, что въ капиталистической системѣ хозяйства заложено внутреннее противорѣчіе, которое съ желѣзной (хотя и не экономической) необходимостью должно повести къ ея превращенію въ высшую форму. Противорѣчіе это заключается въ томъ, что капитализмъ дѣлаетъ изъ рабочаго человѣка простое хозяйственное средство, и въ то же время ведетъ къ распространенію правовыхъ воззрѣній, признающихъ всякую человѣческую личность безъ различія высочайшей цѣлью въ себѣ. Иными словами, это есть противорѣчіе основного хозяйственнаго принципа капита-

лизма съ основной этической нормой, гласящей, что «человѣкъ и вообще всякое разумное существо существуетъ какъ цѣль въ себѣ, а не какъ средство для чуждой ему воли, и долженъ, поэтому, какъ по отношенію къ самому себѣ, такъ и всякому другому разумному существу, разсматриваться всегда какъ цѣль» [1]).

Приведенныя соображенія показываютъ, что капитализмъ, по самому своему существу, нарушаетъ эту норму.

Марксъ и его школа слишкомъ благопріятно оцѣнивали капитализмъ, какъ систему хозяйства: они полагали, что и капиталистическое хозяйство принуждено разсматривать рабочаго и его потребленіе, какъ одну изъ своихъ цѣлей. Если же оно этого не дѣлаетъ, то оно должно потерпѣть крушеніе вслѣдствіе невозможности реализаціи продуктовъ капиталистической промышленности. Но это основное возрѣніе школы Маркса основывалось лишь на ея полнѣйшемъ непониманіи законовъ капиталистической реализаціи. Сокращеніе общественнаго потребленія при одновременномъ расширеніи общественнаго производства не есть, съ капиталистической точки зрѣнія, экономическое противорѣчіе, такъ какъ капиталистическое хозяйство преслѣдуетъ цѣль не удовлетворенія общественныхъ потребностей, а возстановленія и накопленія капитала. Капиталъ же нуждается въ человѣкѣ, не какъ въ единственной разумной цѣли хозяйства, а какъ въ важнѣйшемъ средствѣ производства. Самое мощное оружіе, выкованное человѣкомъ въ его борьбѣ съ природой — капиталъ — обращается, такимъ образомъ, противъ самого человѣка.

Экономическое развитіе распространяетъ все шире и шире сознаніе этого положенія дѣлъ и создаетъ средства для его устраненія. Новый соціальный идеалъ становится все болѣе могучей соціальной силой. «Идея всегда терпѣла крушеніе, когда она была различна отъ интереса»,— сказалъ однажды Марксъ. Это вѣрно. Но тотъ же Марксъ говорилъ и другое. «Только во имя правъ всего общества отдѣльный классъ можетъ предъявлять требованіе на господство», замѣтилъ онъ по поводу притязаній рабочаго

---

[1]) Kant. „Grundlegung der Metaphysik der Sitten". Изд. Кирхмана. 1897. Стр. 52.

класса. Второе такъ же вѣрно, какъ и первое. Опредѣленный общественный идеалъ побѣждаетъ лишь тогда, когда онъ одновременно удовлетворяетъ интересамъ мощныхъ соціальныхъ группъ и, въ то же время, соотвѣтствуетъ господствующему моральному сознанію. Капитализмъ осуждается моральнымъ сознаніемъ нашего времени и противорѣчитъ интересамъ соціальныхъ группъ, сила которыхъ все возрастаетъ. И потому онъ долженъ съ роковой неизбѣжностью уступить новому, лучшему, болѣе справедливому общественному строю, основанному на началахъ ассоціаціи производителей. Рабочій овладѣетъ средствами производства, которыя изъ орудія его угнетенія вернутся къ своей естественной роли—помощниковъ труда. Мы знаемъ, что это будетъ, хотя и не знаемъ, когда именно. Уже теперь, среди поблѣднѣвшей ночи настоящаго, ярко пламенѣетъ на горизонтѣ пурпурная заря будущаго. И новый день прійдетъ. Свобода замѣнитъ соціальное принужденіе и послѣдняя скрытая форма порабощенія личности—капиталистическое присвоеніе прибавочнаго труда—падетъ, какъ нѣкогда пало древнее открытое рабство. Но человѣчество не получитъ новаго общественнаго уклада, какъ дара слѣпой игры экономическихъ силъ: оно должно этотъ новый строй сознательно выработать—и завоевать. Капитализмъ никогда не умретъ естественной смертью—ему можетъ быть нанесенъ смертельный ударъ лишь мыслью и волей человѣка.

